

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

1. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

17.01.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

- Когда звезды не гаснут.* О творчестве чеченского писателя М. Ахмадова.....2
Муса АХМАДОВ. *Все имеет свой смысл.* Повесть.
Перевод с чеч. С. Мусаева.....9
Честное имя в наследство. С Шахрудином
ГАПУРОВЫМ беседует Роза МЕЖИЕВА.....64

ПРОЗА

- Мовла ГАЙРАХАНОВ. *Бата. Осень.* Рассказы.
Отряд «Юный спецназовец». Очерк.....36
Мудар НАДИЕВ. *Забаре дийцари.*.....58

ПОЭЗИЯ

- Марина ВЕРОЛЬСКАЯ-СААКЪЯНЦ. *Летела птичья стая....* Стихи.....22
Алвади ШАЙХИЕВ. *Чеченки.* Стихи.....24
Гумар САИЕВ. *Дог доьлху.* Стихаш.....27
Асет ХАЛИКОВА. *Гайглане Терк.* Стихаш.....54
Насруди ДАБАЧХАДЖИЕВ. *Мерцанье звезд.* Стихи.....56
Ризван ЭДИЛЬХАНОВ. *Нохчийн йоI.* Стихаш.....57

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Григорий АРОСЕВ. *Звонок из Торонто.* Рассказ.....29
Алла ЧОТЧАЕВА. *Храни Кавказ мой...* Стихи.....47
Владислав РЕЗНИКОВ. *Смерть.* Рассказ.....50

ДЕБЮТ

- Маржан ДИКАЕВА. *Деба.* Рассказ.....34
Адам ТОКАЕВ. *Двери.* Рассказ.....60

ИСТОРИЯ

- Вахит БИБУЛАТОВ. *Слово о моих предках.*.....70
Вахит АКАЕВ. *Духовно-культурная деятельность суфийских братств.*.....79
Олег ДЖУРГАЕВ. *Пожавший бурю.*.....86

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Розита ЭСЕНБАЕВА. *Особенности глагольной формы в чеченском языке.*.....75

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

- Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Синдром логокинеза.*
Афоризмы.....93

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Далекие берега жизни.*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

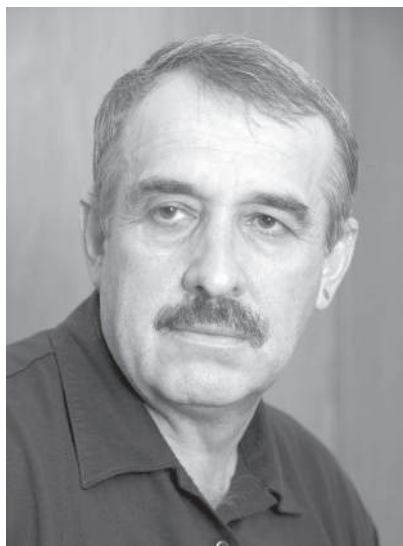
- Роза БЕРСАНОВА. *В поиске себя.*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Когда звезды не гаснут

28 января 2011 г. народному писателю, заслуженному работнику культуры ЧР, главному редактору журнала «Вайнах» Мусе Ахмадову исполняется 55 лет.

М. Ахмадов является автором книг: «Ночь в пустом доме» (1983, рассказы, повести), «На заре, когда звезды гаснут» (1986, роман, рассказы), «Деревья в сумерках» (1989, роман, повести, рассказы), «Сто тысяч добрых дел» (2002, рассказы, пьесы и стихи для детей), «Собрание сочинений в 5 томах», 1 том, повести и рассказы (2005), «Учим буквы» (Азбука в стихах, 2006 г.), «И муравейник не разрушай» (1990), «Ночь в пустом доме» (1991), «Деревянные куклы» (2010 г., рассказы, повести, пьесы), «И текла река в ночь» (2010, романы). А также создателем учебника для старших классов общеобразовательных школ «Чеченская традиционная культура и этика» (2002), учебного пособия для учащихся 4-го класса по чеченским традициям «Ты пришел в этот мир» (2006), методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. Лауреат премии «Серебряная сова» (2006).

По пьесам М. Ахмадова ставил спектакли Чеченский государственный театр: «После землетрясения» (1989), «Ушедший за саваном» (1993). В Чеченском кукольном театре был поставлен спектакль «Похождение блохи» (1988 г.). В Ингушском государственном театре – комедия «Волчий хвост» (2000). В Ингушском кукольном театре – спектакль по пьесе «Новые похождения Чирдига» (2001). С 2009 г. чеченский молодежный театр «Серло» поставил пять спектаклей: «Башня, построенная на льду», «Денисолт», «Ушедший за саваном», «Время героев», «Новогодние сновидения» (мюзикл).

В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и получила воплощение на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (10 и 11 марта 2005 г.). Произведения писателя переведены на балкарский, французский, японский, немецкий языки.

Ниже читатель может ознакомиться с отзывами о творчестве и личности М. Ахмадова известных в республике и России писателей, поэтов, литературоведов, фольклористов.

Исмаил Мунаев, кандидат филологических наук, доцент кафедры чеченской филологии ЧИГПИ, зав. сектором фольклора Института гуманитарных исследований Академии наук ЧР:

В начале 2011 г. исполняется 55 лет известному чеченскому писателю Мусе Ахмадову. Он состоялся и как творческая личность, и как прекрасный семьянин, отец пятерых детей. Его перу принадлежат удивительные по своей философской содержательности и художественной выразительности эпические произведения на чеченском языке, в которых продолжены традиции представителей старшего поколения Марьям Исаевой и Шимы Окуева в создании реалистических и художественно выверенных образов наших соотечественников – как положительных, так и отрицательных.

Особо хочется отметить такие романы, повести и рассказы, как: «На заре, когда звезды гаснут», «Деревья в сумерках», «И текла река в ночь», «Горы воздвигая на земле», «И муравейник не разрушай», «Боча», «Гора и Море», «Маленький дом в цветущем саду», «И надпись о любви исчезла», «Украденное время», «Деревянные куклы» и др.

Каждое из этих эпических произведений, написанных с большой теплотой и

любовью к своему языку и традициям, исполненных с большой внутренней тревогой за будущее уникальной культуры чеченского народа, его языка, является значительной вехой в развитии чеченской литературы на национальном языке.

Но творчество Мусы Ахмадова не ограничивается написанием талантливых рассказов, повестей, романов, эссе и напевных, философски содержательных стихов. Он проявил себя как тонкий исследователь чеченской народной этики. И я рад, что в 1996 г. побудил его заняться этим. В результате наши школы имеют великолепные учебники по чеченской народной этике, которые помогают правильно, с учетом нашей мусульманской принадлежности, ориентировать учащихся на своем родном языке.

Муса Ахмадов состоялся и как драматург. Это становление происходило в тесном взаимодействии писателя и драматурга с артистами и режиссерами в процессе постановок своих пьес. Подобно великим драматургам прошлого, Ахмадов доводил пьесы до совершенства не только на театральных подмостках, но и в непрофессиональной среде, например, в палатках беженцев, где артистами были дети и молодежь, а режиссером и Учителем он сам. Мне лично приходилось видеть, как он в Ингушетии, в лагере беженцев, создавал высокохудожественные творения, воспитывавшие в тысячах юных сердец в столь тяжелое для чеченского народа время силу духа, чувство прекрасного, любовь к родному языку и земле, доброту и толерантность. Эти спектакли мне представлялись не менее важными, чем тот, который ставился по его пьесе «Берзалой» в Париже.

И здесь будет логично сказать о том, что все его творческие годы, а их около четырех десятков, можно определить как годы подвижничества. Он всегда нес людям свет и добро, заботу о языке и нравах, философию созидания и прощения.

Мне посчастливилось познакомиться близко с Мусой Ахмадовым весной 1980 г., когда он уже окончил университет и был известным молодым писателем. Он проявлял интерес к фольклору, и я был рад найти в нем соратника и ценителя народного творчества. Все мои записи и находки были открыты и доступны Мусе и его друзьям.

Фольклорные мотивы на разных уровнях воплощения и выразительности присутствуют во всех крупных эпических произведениях Мусы Ахмадова. Они помогают формировать особый художественный стиль и язык.

Мастерство Мусы Ахмадова проявляется и в том, что его читатель как бы вовлекается в художественное действие произведения, начинает соотносить себя с ожившим окружающим миром природы: вечером, горой, лесом, рекой, звездами, деревьями, муравьями, травой и временем.

Особо хочется сказать об одном из последних его творческих проектов. Это состоявшийся в высоком смысле этого слова спектакль «Марчо дан вахнарг» («Ушедший за саваном»). На мой взгляд, это выдающееся творение, созданное усилиями Мусы Ахмадова, режиссера Хавы Ахмадовой и очень талантливых артистов театра «Серло». В этом спектакле мы видим настоящее возрождение замечательных традиций чеченской драматургии, преемственность со знаменитой классической постановкой «Бож-Али» Хамидова. Это радует.

Хочется пожелать еще больших творческих успехов большой семье Ахмадовых, здоровья, счастья. И еще, выражаю самую искреннюю признательность Главе Чеченской Республики Рамзану Ахматовичу Кадырову за то, что при его поддержке создан молодежный театр «Серло», а также за то, что им прилагаются самые активные усилия в возрождении культуры и нравственности чеченского народа. Аллах!-Дала аьтто бойла вайна цуьна накьостий хилла дIахIотта.

Эльбрус Минкайлов, главный редактор литературно-художественного журнала «Орга», литературовед, писатель:

В литературе, как и во всей жизни, примерно в каждую четверть века происходит смена поколений. В истории чеченской литературы, которая насчитывает более 80-ти лет, смена поколений происходила несколько раз. Муса Ахмадов родился в 1956 г., в Киргизии. Примечательно, что возрождение чеченской литературы началось именно в этом году, и это было связано с началом издания в Алма-Ате газеты «Знамя труда» («Къинхъегаман байракх»). Именно на ее страницах начали публиковать свои произведения и уцелевшие в годы сталинских репрессий писатели старших поколений (Х. Ошаев, М. Мамакаев, А. Мамакаев, Х. Эдилов, М. Сулаев и др.), и молодые авторы, детство и юность которых проходили в ссылке (А. Айдамиров, Р. Ахматова, Я. Хасбулатов и др.). Представители

этих двух поколений занимали ведущее место в чеченской литературе 60–70-х гг. При их живом участии начался творческий путь писателей, с именами которых связаны лучшие достижения нашей современной литературы: Л. Абдулаева, М. Бексултанова, М. Ахмадова...

Историки и политики назвали 70-е – начало 80-х гг. периодом застоя. Застойные явления в то время наблюдались во всех сферах жизни общества, и литература тоже не была исключением. Развитию литературы мешали различные факторы. Не было преемственности поколений, каждый самостоятельно проходил путь, который был уже пройден предшественниками, писатели мало ориентировались в опыте мировой классики. Литература отставала от жизни, интерес к ней пропадал – исключение составляли лишь несколько произведений, в которых читателя привлекало новое содержание (например, историческая проза А. Айдамирова).

В этих условиях возникло литературное объединение «Прометей» («Пхъармат»), в которое вошли молодые писатели. Они были разными и по возрасту, и по степени талантливости, но их роднило желание развивать литературу дальше, искать новые формы, новые художественно-образительные средства. Среди них был и Муса Ахмадов, который вскоре стал руководителем этого литературного братства.

Писать Муса начал рано, еще в школьные годы. В 1970 г. он стал призером литературного конкурса, что, несомненно, в дальнейшем явилось для него мощным стимулом для творчества. В студенческие годы его рассказы, стихотворения печатались в районной газете, в альманахе «Орга», а впоследствии – в коллективных сборниках «Вешние воды» (проза) и «Манящие горизонты» (поэзия). Первая книга писателя – «Ночь в пустом доме» (1983). В нее вошли рассказы разных лет и маленькая повесть «Старик Очча».

Уже в ранних произведениях М. Ахмадова проявилась его творческая манера, определились художественные и нравственные приоритеты. В рассказах тех лет часто можно было заметить противопоставление героев по признаку «сельский – городской», при этом предпочтение отдавалось героям первого типа, которые отличались своей цельностью от испорченных цивилизацией вторых. Но на этом писатель долго не задержался – его мировоззрение быстро выросло, он шире стал видеть жизнь, масштабнее ее изображать. Более полно это проявилось в следующей книге – «На заре, когда звезды гаснут» (1986). Несомненным успехом молодого писателя явился одноименный роман, который вошел в эту книгу наряду с несколькими новыми рассказами.

«На заре, когда звезды гаснут» – это новый роман, в корне отличающийся от других произведений о современности, написанных чеченскими писателями. Это не просто история жизни Зары, главной героини, как это восприняли некоторые критики после выхода романа. Не случайно писатель в начале романа пишет о нескольких поколениях ее рода: отце, деде, прадеде... На примерах из их жизни прозаик дает знать о том, какими были положительные герои в прошлом, носителями каких качеств они были. Развернутое повествование о современной молодежи, которое составляет основное содержание произведения, заставляет задуматься над тем, какими стали люди теперь, каким стал народ, а это неизбежно приводит к размышлению о его будущем. По мысли автора, оно зависит от того, сохранит ли каждый человек свои корни, традиции, нравственные ценности. В начале жизненного пути каждый воспринимает святые понятия о чести, долге, любви, но это тяжелый груз, который не каждому по плечу. Одни избавляются от него, не вынося его тяжести, а другие несут всю жизнь, несмотря ни на что.

Особое место в творчестве М. Ахмадова занимают повести, написанные в 80-е гг.: «И муравейник не разрушай», «Человеку нужен горизонт», «Воздвигая горы на Земле», в которых писатель ставит острые нравственно-психологические проблемы. Главный его герой – Человек, который постоянно стремится к вершинам бытия, всю жизнь строит свою башню (еще один постоянный символ – Э.М.), башню добрых дел, совершенства, чести, порядочности... Несомненной художественной ценностью обладают и многие произведения малых жанров прозы тех лет: рассказ «Время», в котором писатель размышляет о смысле человеческого бытия, новелла «Сказка о трех братьях», посвященная теме Великой Отечественной войны, и многие другие.

Роман «Дерева в сумерках» (1989) – этапное произведение не только в творчестве писателя, но и во всей чеченской прозе советского периода. Используя элементы фантастики, гротеск, писатель изобразил в нем обобщенную картину жизни общества

последних лет господства коммунистической идеологии, создал целую галерею ярких, запоминающихся образов.

В начале 90-ых годов, когда в Чечне начались известные процессы, М. Ахмадов оказался среди тех, кто не принял идеологию и практику новоявленных политиков, пришедших к власти. Уволенный с должности главного редактора журнала «Орга», он все эти годы продолжает свою литературную работу, пишет произведения в различных жанрах прозы, поэзии и драматургии, занимается пропагандой литературы, вопросами чеченской этики. Итогом этой работы явились его книги «Сто тысяч добрых дел» (2002), «Чеченская этика» (2003), «Азбука» (2005)... По его сценарию был снят первый чеченский мультфильм, ему принадлежит идея выпуска аудиокассет народных сказок...

Происходившие в последние годы в Чечне события нашли отражение в его литературном творчестве: романе «И текла река в ночь», повести «Идти, не сбиваясь с этого пути...», рассказах «Деревянные куклы», «Чтобы свечу не задуло ветром...», драмах «Барзнак и другие», «Башня, построенная на льду», в поэме «Грозный» и целом ряде других произведений. М. Ахмадов видел надвигающуюся трагедию, всемерно пытался предотвратить ее... В последних публикациях писателя звучит мотив возрождающейся жизни, символом которой и является свеча, горящая на ветру в полуразрушенном доме в Грозном, куда возвращаются беженцы...

Конечно, нет формулы, по которой можно сделать жизнь совершенной, а всех людей – счастливыми. К чести для писателя, он никогда не ориентировался на коммунистические идеалы, хотя сформировался именно во времена их безраздельного господства. В разные годы он обращался к вечным ценностям, создавая образы героев, которые следуют им, призывал к добру, нравственному самоусовершенствованию. Человек был для него самой большой ценностью, высшим творением природы. В романе «На заре, когда звезды гаснут» он писал: «Солнце. Это ты – великое, яркое. Тобой клянутся люди, как Богом...»

У тебя учатся люди. У твоей чистоты, доброты. А ты учишься у людей.

Откуда твоя человечность, если не от людей? Из-за твоей человечности, из-за того, что ты ласкаешь землю, словно мать свое дитя, из-под снега вытягивается вверх светлосиний цветок.

Солнце. Ты и сегодня удивляешься кипению сердец молодых, свету, излучаемому ими, их любви. Ты улыбаешься. Ты учишься у них. Тебе это нравится...» Этот роман был написан в юношеские годы, он воплотил те идеалы, которые тогда привлекали писателя. Затем, уже столкнувшись с системой, он изменит свой взгляд на мир, станет реальнее воспринимать его. В романе «Деревья в сумерках» (1989) читаем: «Тогда ты перестанешь вглядываться в горизонт, а если и глянешь, то ничего не увидишь, разве только мрак, как в день солнечного затмения; если же и захочешь увидеть свет в этом мраке, то тебе предстанет всего лишь свет закопченной лампы. Но и это большое благо – увидеть слабый огонек в подобном мраке, потому что свет – от солнца, а Солнце – частица вселенной, сотворенная Всевышним, чтобы отличать День от Ночи».

Новую идею писатель выдвинул в романе «И текла река в ночь». Лодка (новый символ! – Э.М.), на которой можно спастись от наводнения, о которой все время повторяет один из героев романа Овта – это не что иное, как следование законам веры: «Вот она (лодка – Э.М.): во всем необходимо полагаться на Всевышнего и, прислушиваясь к своему сердцу, идти той дорогой, которую оно подсказывает, воздавая хвалу Господу за все случившееся, осознавая, что не все зависит от тебя самого и других людей; твой долг – содержать в чистоте свои помыслы, делать то, что под силу, а подведение итога и приговор – во власти Всевышнего». Обращение к религии, к ценностям ислама – это веяние в становлении и личности самого писателя и его творчества.

М. Ахмадов издал около 15-ти книг, многие из его произведений переведены на русский язык, изданы в Грозном («На заре, когда гаснут звезды») и в Москве («Ночь в пустом доме», «И муравейник не разрушай...»), драма «Волки» вышла несколько лет назад в Париже, трагикомедия «Башня, построенная на льду» ставилась в Ингушском драматическом театре... В последние годы писатель издал свои произведения на русском языке (в двух томах), начал издание пятитомника на чеченском языке.

М. Ахмадову исполнилось 55 лет, из них большая часть отдана им литературе. Прозаик, поэт, драматург, литературный критик – ему под силу все роды и жанры! – он полон энергии, новых творческих замыслов. Нет сомнения в том, что написанные им произведения прочно вошли в сокровищницу чеченской литературы.

Юрий Верольский (1929-2004), литературовед, доцент ЧИГУ, о произведениях Мусы Ахмадова в послесловии к книге «На заре, когда звезды гаснут»:

Время как будто бы не коснулось произведений Ахмадова. А это бывает или тогда, когда произведения живут вне времени и пространства, или же наоборот, когда они тесно связаны со своим временем, но не смогли раздвинуть его завесы и выразить будущее...

Лучшие писатели нашего века, наших дней с Шекспиром, Пушкиным и Тагором. Акутагава, Платонов, Хемингуэй, Маркес верны общечеловеческим идеям справедливости, которые еще в древности были обозначены в религиозных учениях.

Литература не умрет. Она будет бороться. Многое при чтении романов Мусы Ахмадова убеждает нас в том, что это действительно так. Литература будет бороться, она борется против деградации, против развала экономики, разгрома духовности, разгула преступности, против экологического варварства – за жизнь, достойную людей.

Когда читаешь его произведения, вдруг смутно обозначится в сознании тень гоголевских периодов с их потрясающими метафорами и сарказмом, внутренние монологи героев и ассоциативные переходы повествования своими тревогами и сложностью переживаний напомнят Нодара Думбадзе или Уильяма Сарояна, других учителей писателя, нравственная бескомпромиссность и экологическая озабоченность – русских классиков и современных писателей-деревенщиков. Но над всем этим скромно и вместе с тем твердо встает владыка этого мира – чеченский писатель Муса Ахмадов, человек в расцвете своих жизненных и творческих сил, стоящий на выверенных веками и народом нравственных и художественных позициях. За ним народ, много давший ему. И перед ним народ, много ждущий от него.

Людмила Егорова, доктор филологических наук, профессор Ставропольского госуниверситета, зав. лабораторией «Литературы народов Северного Кавказа»:

Выдающимся чеченским прозаиком конца XX в. является Муса Ахмадов. Его творчество свободно как от декларативности и идеологической лозунговости ранней чеченской литературы, так и от нивелирования национальных традиций 1960 – 1970-х гг. Вступив в литературу накануне перестройки, он органично внес в литературу новую свежую струю, по-новому осветил жизнь и чеченского аула, и городской интеллигенции. Как и многие другие, Муса Ахмадов начал творческий путь с лирики и рассказов, но к началу 1980-х гг. определился как прозаик, работающий в разных жанрах. Его рассказы и повести публиковались на страницах альманаха «Аргун» и вышли отдельной книгой «Ночь в пустом доме» (1983) на чеченском языке (название сборнику дала одноименная повесть).

Проблематика ранних произведений Мусы Ахмадова типична для советской литературы того периода: неизжитая за сорок с лишним лет боль Великой Отечественной войны.

Уже в самом начале творческого пути Ахмадова зазвучала и сугубо современная тема, знакомая российскому читателю по произведениям «деревенской» прозы, но у чеченского писателя она помножена еще на налаженную после депортации жизнь небольшого народа. Это тема миграции чеченского населения из аулов в города, к тому же часто – за пределы республики. Писатель обращается к образу «опустевшего дома», «опустевших сел», противопоставляя им мечту о «прекрасном саде» – Родине. Людям, покинувшим горы, непросто вернуться назад. Возрождение старых аулов необходимо, говорит писатель, осуждая тех, кто теряет свои корни, кровную связь с родной землей и своим народом только из-за личной выгоды и благополучия, оказываясь во власти мнимых ценностей. Эта тема становится в творчестве Ахмадова одной из главных, и ее раскрытию способствуют фольклорные мотивы. Но на этом путь к возрождению национальной жизни не заканчивается – человеку надо освободиться от того, что должно уйти в прошлое: от родовой вражды, от кровной мести...

Новым этапом в творчестве Ахмадова стал роман «Деревья в сумерках» (1989). Роман Ахмадова убеждает в необходимости кардинальной перестройки общества, показывает кричащую дисгармонию настоящего. Алогизм жизни заставляет писателя обращаться к новым художественным формам, сочетающим изощренный психологизм, жесткий рисунок сатирического гротеска и поэзию родного фольклора.

«Деревья в сумерках» – книга надолго, и, как истинная классика, она будет обретать новые смыслы.

Леонид Теракопян, 1-й заместитель главного редактора российского литературного журнала «Дружба народов» о повести М. Ахмадова «Дикая груша у светлой реки»:

Повесть Мусы Ахмадова «Дикая груша у светлой реки» переполняют картины ставших повседневною Чечни противостояний, набравшей инерционные обороты борьбы всех со всеми. На кону здесь не только политические приоритеты, но дружба, привязанности, родственные чувства, законы чести.

Все герои «Дикой груши...» – кто по своей воле, а кто помимо нее – втянуты в водоворот этой размывающей устои междоусобицы. Психологический анализ пронизан токами ближней и дальней истории, традиций, мифов, догм, иллюзий, подвергающихся тотальному испытанию и искушению. От легендарного абречества и кровной мести до представлений о благополучии и счастье...

У каждого из героев произведения своя правда, свои обиды и ошибки, свой счет к прошлому. Но пафос повествования не столько в поисках виновных, сколько в апелляции к здравому смыслу, в поиске национальной перспективы.

Муса Бексултанов, народный писатель ЧР, главный редактор детского журнала «Стелалад» («Радуга»):

Я помню его еще студентом ЧИГУ. Мы жили с ним в общежитии, что находилось на Минутке. Комнаты наши были рядом, на третьем этаже – кажется, его была под номером 62.

Он был очень деятельным, рядом с ним постоянно находились студенты – по всему было видно, что Ахмадов Муса является лидером своих сокурсников. Позднее выяснилось, что это была пишущая молодежь, пробовавшая себя в стихах и в прозе. Постепенно эта шумная компания заразила многих, в том числе и меня, писавшего стихи на русском языке (в тайне, конечно).

Знакомство с тезкой повлияло на меня (чему безмерно рад) – я начал писать на чеченском языке.

Муса Ахмадов на сегодняшний день является одним из лучших чеченских прозаиков и драматургов. Он автор нескольких романов, полсотни рассказов и более двадцати пьес, а также стихов, поэм, детских сказок – всего не перечислишь.

Добавлю еще один штрих к его портрету: как любой деятельный человек, Ахмадов не лишен завистников даже из числа своих бывших учеников и поклонников. Как говорится, щенки выросли, и им кажется – чтобы пробиться к Олимпу, непременно нужно сбрасывать с высоты своих наставников, особенно, если сами не могут достичь тех же высот в своем творчестве. Впрочем, это не беда, а скорее, закон земной жизни некоторой части человечества. Раз уж не всем дано стать Цезарем – значит, нужен и Брут. Если есть Моцарт – найдется и Сальери. И так повторяется из века в век.

Уверен, что Ахмадов не раз еще обрадует нас своими новыми шедеврами. Я желаю своему товарищу жизненной энергии и, как всегда, быть на гребне волны!

Лидия Довлеткиреева, 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», кандидат филологических наук, критик, литературовед:

Редкому человеку открывается смысл своего существования в самом начале земного пути. Кто-то так и покидает бренный мир, не найдя ответа... Муса Ахмадов из числа счастливых избранников судьбы, которые точно представляют, в чем их предназначение. «Я с детства знал, что буду писать, и всегда стремился к осуществлению этой цели», – часто повторяет он на встречах с читателями или в интервью. И, действительно, ему удалось «добиться воплощения своей судьбы».

Краеугольным камнем философской системы Ахмадова является гармония всего сущего, взаимосвязь, взаимозависимость всех элементов мироздания с момента сотворения мира, человек – лишь часть вселенского замысла, отрыв его от природы, национальных корней, вскормившей его земли, прошлого, забвение семи праотцов нарушит мировой баланс, неминуемо приведет к духовным, общественным и

природным катаклизмам. Поэтому так важно вернуть человека к истокам, не дать возрасти зернам отчуждения в его душе. Воплощению данной формулы подчинен весь художественный инструментарий, имеющийся в распоряжении автора, начиная с названия произведений: «На заре, когда звезды гаснут» (1986 г.), «Деревья в сумерках» (1989 г.), «И текла река в ночь» (2003 г.).

Опираясь на сформированные в течение тысячелетий нравственные ценности своего народа, на религиозные идеалы и представления, Муса Ахмадов, о чем бы ни говорил в своих произведениях, всегда, словно в подтексте, создает ощущение вечности, а своих героев заставляет не только существовать в напряженных условиях современности, но и ставит перед непреходящими проблемами бытия, заставляя размышлять о спасительном источнике любви, смысле и цели существования, об истинных и мнимых ценностях, о законах развития жизни и необходимости сохранения национальной самобытности.

Главное в творчестве писателя – боль за человека, за нацию. Гуманизм остался для него основным стержнем литературы. И этот подлинный, бескомпромиссный гуманизм его произведений актуален всегда.

Анзор Давлетукаев, журналист, писатель:

В 80-е годы в чеченскую литературу пришли подающие надежду писатели и поэты: Муса Ахмадов, Апти Бисултанов, Муса Бексултанов, Леча Абдулаев, Лула Жумалаева, Абу Исмаилов и многие другие. Благодаря им было создано первое чеченское молодежное литературное объединение «Прометей», это было веяние и требование времени. Тем более, что государством не предпринимались шаги, чтобы помогать и поддерживать молодые таланты, поэтому из народа стихийно, самостоятельно возникло и выросло подобное литературное объединение. Нужно отдать должное Мусе Ахмадову, именно он сыграл выдающуюся роль в создании «Прометея» и благодаря его таланту вырос авторитет литобъединения, многие годы оно собирало молодых писателей в одно целое.

Всегда и во все времена народу необходимы гиганты мысли, которые со временем превращаются в духовных лидеров, и ведут свой народ к процветанию. Не будет преувеличением сказать, что Муса Ахмадов взвалил тогда эту миссию на свои плечи и пронес ее через годы. Когда многие молодые ребята думали о карьере, обеспеченной жизни, Муса честно и верно служил своему народу, создавал вечные и запоминающиеся образы. Герои его произведений были настолько близки читателю, что их высказывания в беседах часто приводились в пример.

Муса Ахмадов был не только известным молодым прозаиком, но и талантливым поэтом. Я и сегодня помню, как университетский актовый зал взрывался аплодисментами, когда Муса читал свое знаменитое стихотворение «Моя Чечня».

У Мусы есть отличительная черта характера – он находится в постоянном поиске новых идей, подтверждая своим примером изречение, что талант – это на 90 процентов труд.

С удовольствием констатирую тот факт, что у Мусы замечательная семья, он с малых лет приучил детей к молитве, к уважению старших, к хорошей учебе. «Я считаю, – говорит Муса, – по-настоящему счастлив лишь тот, кто вырастил в имане (религиозности) своих детей».

Муса Ахмадов

Все имеет свой смысл

Повесть

Салавди

Я живу в Москве уже лет десять. Здесь время бежит быстро: не успеешь оглянуться, как год пролетел. Времена года в этом городе не очень отличаются друг от друга, три из них – весна, лето и осень, – незаметно сменяя друг друга, пролетают в мгновение ока. Зимы в Москве долгие и холодные. Их примета – большие грязные лужи, навевающие тоску. Когда пасмурные, хмурые дни тянутся неделями, месяцами, особенно остро ощущаешь тоску по родным местам. Моя память воскрешает ясные зимние дни, когда выпадает глубокий снег, ярко светит солнце, снег искрится в его лучах, а потом, после полудня, начинает таять, заводит свою звонкую мелодию капель, но вот солнце спускается все ниже, к горам, холодает, капель прекращается, и к ночи с крыши свисают длинные сосульки. Вспоминаются снежные горные вершины, серебрищиеся в тусклом предзакатном свете. В такие минуты я, взяв билет на самолет в Нальчик (в Грозный рейсов не было уже несколько лет), отправлялся домой. Правда, два года подряд мне не довелось попасть на родину... Шла война. Сейчас, похоже, она уже в прошлом, дома происходят большие изменения: строятся здания, ремонтируются дороги...

Самолеты летали и в Слепцовскую, но я всегда брал билет на нальчикский рейс. Какие незримые нити связывают меня с этим краем, людьми, его населяющими? Видимо, это идет еще от моего деда Джабраила. Много лишений выпало на долю моих родных и близких, много горя мне пришлось пережить, но этот край продолжает занимать в моем сердце особое место.

Нальчикский самолет прибыл в тот день, одиннадцатого марта, вовремя. «Як-42» с надписью «Эльбрус-авиа» казался маленьким, так что закрадывалось опасение, как все пассажиры автобуса в нем поместятся. Посадка прошла спокойно: никто не рвался вперед, пропускали женщин с детьми.

В самолете чувства человека всегда обостряются, все видится в ином свете, большое значение придается вещам, на которые прежде не обращаешь внимания. К примеру, сегодня, видя, как все проявляют по отношению друг к другу исключительную вежливость, подумалось: может, люди потому так тактичны, что предчувствуют каким-то шестым чувством близкий конец? Ведь говорят, что человек в последние часы своей жизни становится добрее, мягче. Я старался отогнать подобные мысли: от предначертанного Всевышним не уйдешь. Все в Его власти. О Аллах, хвала Тебе, яви Свою милость! Я начал читать молитвы.

Я медленно двинулся по самолету, отыскивая взглядом свое место – восьмой ряд, В. Положил куртку и ручную кладь на верхнюю полку, сел и огляделся. Мой сосед напомнил мне одного знакомого, хотя кого – не мог понять. «Показалось, – подумал я, – мало ли на этом свете похожих людей». Я откинулся в кресле, прикрыл глаза и начал читать молитвы.

Когда я закончил, самолет уже набрал высоту. Открыв глаза, я вновь оглянулся и заметил, что сосед не сводит с меня глаз.

– Ты чеченец? – спросил он вдруг по-русски.

– Что, у меня на лбу написано?! – улыбнулся я.

– Правда, чеченец?

– Да, чеченец.

– Не узнаешь меня? – он повернулся ко мне, чтобы я хорошо разглядел его.

- Кажется, мы раньше встречались... – неуверенно сказал я.
- Встречались, Салавди, конечно, встречались.
- Что??? Ты знаешь мое имя?
- Знаю. Я, в отличие от тебя, не забываю старых знакомых.
- Перестань говорить загадками. Кто ты? Откуда меня знаешь?
- А ты вспомни – Омск, двадцать восемь лет назад.

Мысли унесли меня в прошлое, я вернулся в холодную сибирскую осень. Гостиница. Спустившись с друзьями в ресторан, я обратил внимание на группу молодых людей за соседним столиком. По их разговорам, поведению, внешности я признал в них кавказцев. Видно, они тоже узнали в нас земляков: они сделали официантам заказ для нашего стола. Мы не остались в долгу и скоро сдвинули два стола, образовав один большой. Это были кабардинцы, они получили сегодня деньги и собрались в ресторане, чтобы отметить данное событие.

Пиршество продолжалось далеко за полночь, потом мы разошлись, договорившись впредь поддерживать дружеские отношения. Через два дня (был снежный морозный вечер) я ехал по городу на машине и вдруг, остановившись на красный свет, увидел одного из своих новых знакомых: он стоял у дороги, весь дрожа, в одном нижнем белье.

Не тратя время на разговоры – светофор, замигав желтым, загорелся зеленым, и водители начали проявлять нетерпение, непрерывно сигналив, – я посадил его в машину и тронулся.

– Ты что это гуляешь раздетый в такой морозный день? – обратился я к своему пассажиру чуть позже, бросая недоуменные взгляды в зеркало.

Тому же было не до меня: его тело колотила дрожь, он дышал на свои руки, пытаясь их согреть, из глаз его катились крупные слезы. Немного придя в себя, Хачим рассказал мне, что с ним произошло.

Взяв с собой деньги, заработанные за полгода, Хачим (да, вспомнил, его звали так, еще тогда это имя показалось мне необычным, и я часто повторял его) один отправился в город. Почувствовав жажду, он решил выпить пива (сильную, видать, испытывал жажду, если в такой мороз решил выпить пива... Знал бы, чем все обернется, утолил бы ее прямо из лужи, среди улицы, чем...). Так вот, решив выпить пива, зашел в кафе. Когда Хачим осушил пару бокалов, к нему, с полными бокалами в руках, подошли трое молодых людей. Познакомились, выпили еще... Через какое-то время новые знакомые – Колян, Вован и Толян – позвали его к себе на квартиру продолжить застолье... Уже утром, отобрав все деньги и одежду, выкинули его на улицу. «Скажи спасибо, что не убили тебя. Глаза у тебя добрые, поэтому и оставляем жить», – заявили они.

– Мы сейчас вернемся туда, взяв, если понадобится, и товарищей. Ты узнаешь тот дом? – спросил я.

– Даже если вернемся, там никого не будет. Они уехали на машине, выбросив меня... Отвези меня лучше в какое-нибудь теплое место, только скорее.

Я отвез его в гостиницу, провел в свой номер, дал кое-какую одежду, накормил... Потом – в аэропорт, купил билет и усадил в самолет до Минеральных Вод.

Перед расставанием Хачим обратился ко мне с настойчивой просьбой дать мой домашний адрес.

– Перестань, зачем тебе мой адрес? Не нужны мне твои деньги и благодарности. Ведь ты поступил бы точно так же. Мы же кавказцы.

Позже я узнал, что Хачим и его родственники сподарками приезжали в наше село, нашли моих родных...

Отец мой, оказывается, прослезился, приняв гостей за родственников кабардинца, с которым в свое время дружил его отец Джабраил. И удивлялся, как они нашли его, ведь когда арестовывали сорок лет назад отца, ему было всего года два. А гости все время повторяли мое имя. И отец, наконец, понял, что кабардинцы приехали из-за меня, его сына, а не Джабраила.

Отец... Помню, я часто мучил тебя, приставал: давай совершим поминальный

обряд по твоему отцу Джабраилу и дяде Абу, ведь они пропали без вести более сорока лет назад, поставим им на кладбище чурты, как это сделали другие! Будет куда придти на могилу, прочитать молитву за упокой их душ! И любой прохожий, остановившись у чурта, сможет прочитать заупокойную молитву...

Ты, отец, ничего не отвечал, только медленно кивал, а глаза твои блестели от застывших в них слез.

Как-то в начале весны, собравшись на заработки в Сибирь, я зашел к тебе. У тебя не было брата, поэтому ты нередко делился со мной, своим старшим сыном. Как, наверное, мучительно тебе было слышать от меня, самого близкого человека, что уже пора оставить надежду, что твой отец жив! Как больно! Я лиловал тебя надежды всей твоей жизни – увидеть отца живым! Как это было жестоко с моей стороны! Я очень жалею, отец! Прости меня! После того, как понял, я больше не заговаривал с тобой об этом.

Через несколько лет, когда советская власть пошатнулась и в газетах стали публиковать имена репрессированных в тридцатые годы, оправдывая их (хотя зачем им, давно обретшим покой в том мире, это? Разве только их родным и близким, чтобы они могли узнать судьбу своих родственников...), я читал списки, не пропуская ни одной фамилии, в каждом номере. Но имени деда не нашел. Тогда, спросив твоего разрешения, я отправился в город, к старшему прокурору. Он направил меня к одному из своих подчиненных. Мне он показался приличным человеком, очень внимательно меня выслушал. Сказал, чтобы я вернулся через неделю.

Отец, я помню, какой длинной для тебя была та неделя.

После ночной молитвы ты подолгу сидел на коврике, вознося просьбы к Всевышнему, покачиваясь из стороны в сторону. Утром же, как бы рано я ни вставал, ты, глубоко задумавшись, сидел на скамейке в саду или же ходил среди деревьев.

Ровно через неделю я поехал в прокуратуру. Супьяна – так звали сотрудника прокуратуры – не было на месте, и я прождал его минут двадцать. Он открыл дверь, и мы прошли в его кабинет. Перебирая документы, Супьян не переставал повторять:

– Удивительно! Надо же!

Наконец, я не удержался:

– А в чем дело?

– Удивительно, до чего же ты похож на своего деда! – он положил передо мной пожелтевшую от времени папку. – Полистай ее, посмотри, я скоро вернусь, – Супьян вышел, оставив меня одного с документами.

«1936-1937гг.» – значилось на документе с фамилией и именем деда. И две фотографии, в анфас и профиль. Мне не показалось, что человек на фотографии так уж похож на меня. Но позже, уже дома, и родные и соседи утверждали обратное.

Листая бумаги, дошел до последнего документа. 13 марта 1937 года... В тот день и деда Джабраила, и его брата Абу расстреляли.

Взволнованный, я вновь и вновь перебирал бумаги из папки. Как я ни сдерживал себя, из глаз потекли слезы. Так прошло несколько минут. Наконец, я взял себя в руки, достал из кармана платок и вытер глаза. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь вошел и застал меня в таком состоянии. Правда, кроме Супьяна, никто и не мог стать свидетелем моих слез: он запер дверь.

Когда он вошел, я встал.

– Да, тяжело выдержать такой удар: узнать, что дед и его брат безвинно претерпели такое...

Я промолчал в ответ, только взял и положил подмышку папку.

– Вообще-то, по закону я не имею права давать тебе эти документы. Но... бери. Переснимешь и вернешь. Вот здесь распишись, что взял папку. Сегодня 13 марта 1989 года.

Меня как током ударило:

– Вот это да!

– Что случилось?

– Сегодня 13 марта... Моего деда и его брата расстреляли тоже 13 марта. Кроме того, сегодня у меня день рождения, мне исполняется тридцать шесть лет. И деду было столько же, когда его расстреляли.

– Вот это совпадение! – изумился Супьян.

– Так было угодно Всевышнему, – я, попрощавшись, вышел.

Сойдя с автобуса, я свернул на свою улицу и направился к старикам, которые собрались на майдане. Поздоровавшись с ними, справившись об их здоровье, показал фото из папки. Никто не узнал деда. Когда я уже собрался идти домой, Нанаш, сын Исраила, попросил вновь показать ему фотографию. Нанаш долго рассматривал ее, то приближая к глазам, то отстраняя руку.

– Это Джаби, – сказал он в итоге.

– Да, – подтвердил я, не удивившись, что Нанаш узнал его.

Старик часто упоминал деда, говорил, что если молодые хоть немного будут походить на него, вырастут мужчинами. Но ничего не рассказывал о его жизни, сколько мы с моим троюродным братом Шерипом ни просили. Только задумчиво произносил: «Это был настоящий мужчина. Более надежного, честного, справедливого человека в целом мире не было». Шерип не отставал: «Если он был таким уж достойным мужчиной, почему ты ничего о нем не рассказываешь?» Однажды Нанаш сдался. Когда Джаби забирали, Нанашу было лет десять-одиннадцать...

Отец сидел на паднаре, перебирая четки. Положив рядом с ним папку, я молча вышел.

Отец... Как, наверное, померк для тебя белый свет при виде этих пожелтевших страниц. Боль, разорвавшая твое сердце на тысячи осколков, передалась и мне, потом молнией перенеслась по нашему саду и вошла в землю. Земля стала горячей, от нее поднимался пар. Отец... Прошло полчаса, час, а ты все не выходил. Когда ты вышел, в саду весело щебетали птички, слышались звонкие голоса детворы, шум вздувшейся весной речки.

Но ты ничего этого не слышал. Ты молча стоял в коридоре, как памятник (ты и был в эту минуту памятником своему отцу и дяде, расстрелянным пятьдесят два года назад). Только покрасневшие влажные глаза выдавали твое горе. Через какое-то время ты сказал мне бесстрастным голосом:

– Сходи к Нанашу и другим старикам. Завтра устроим поминки.

На второй день устроили поминки с жертвоприношением. На кладбище появилось три новых чурга: деду, его брату и сестре отца, умершей в Казахстане.

– Перекусим? – сосед дотронулся до моего плеча, прервав мои воспоминания.

В проходе, улыбаясь, стояла высокая стройная стюардесса, перед ней – тележка.

– Не помешает, – я опустил полочку перед собой. Взял поднос с едой и положил на полку.

– А чем ты сейчас занимаешься, Хачим?

– Я в Москве. Всякое посредничество... Купля-продажа.

– Перепадает что-нибудь?

– Да так, на жизнь хватает. Сейчас должен операцию одну провернуть. Ты знаешь Бисултана?

– Какого Бисултана?

– Чеченец, удачливый предприниматель.

– А-а, этот... Видел пару раз.

– Хочу продать ему кое-что... Вернее, выступаю посредником.

– Что продать?

– Пилораму, птицеферму, ферму в двести дойных коров, молзавод, тысячу гектаров земли, два рыбхоза... это недалеко от Москвы. Если бы он предложил, согласился бы работать у него управляющим.

– Хорошее хозяйство. Будь оно моим, не продал бы. Только вот тебя

управляющим не взял бы, – шучу я.

– Это почему?

– Кто знает, вдруг тебе снова захочется выпить пива, – смеюсь я.

– Пиво с того дня я не пью, – Хачим тоже смеется. – Даже видеть не могу. Разве что иногда бокал-другой красного вина.

Когда лайнер приземлился в Нальчике, мы попрощались, договорившись встретиться в Москве.

Нанаш, сын Исраила

Уже седьмой раз приезжает этот молодой человек домой, чтобы совершить обряд жертвоприношения по своему деду и его брату. Хорошее продолжение рода у Джабраила. У него оно и не могло быть плохим.

Раньше, когда они были маленькими, Салавди и его троюродный брат Шерип все время приставали ко мне: «Вот ты говоришь, что наши деды были достойными мужчинами, расскажи что-нибудь про них». Я же молчал в ответ: кто знает, может, мой рассказ стал бы источником новой беды? Что было, то было. Чего только после этого не пришлось испытать?! Выселение, голод, холод... Смерть родных и близких... Не хочется ворошить прошлое, да и виновники всех наших бед давно умерли. Многие из них не имеют даже потомства. Да если и есть у них потомки, они-то в чем виновны? Шарият запрещает мстить им. К тому же, оказывается, я и не подозревал, кто виноват в смерти Джаби. Когда Салавди показал ту папку, оказалось, что донес на Джаби человек, который жил своим трудом, обрабатывая свой небольшой участок, человек, который не способен был даже повысить голос на другого. Так, по крайней мере, всем казалось. Занимаясь лжесвидетельствами, человек этот, наверное, в кругу семьи вел правильные разговоры, казался домочадцам справедливым, честным. О Аллах, неужели этот лицемер не думал о том дне, когда ему придется предстать перед Твоим судом?! Его в Казахстане застрелил колхозный сторож, застав за кражей зерна. Мне тогда было очень жаль его. Тяжелое было время: чтобы спасти семью от голодной смерти, он был вынужден красть. Откуда мне было знать, что по вине этого доносчика, называвшего черное белым, а белое черным, сгинуло столько безвинных людей?!

У него остался один сын, и он, когда мы уже вернулись на Кавказ, через двадцать лет погиб – его трактор (а он работал в совхозе, на тракторе, имел много наград за хорошую работу) перевернулся. У него остались дети – два сына и дочь. Теперь это уже взрослые люди, имеют свои семьи. Разве они виноваты, что их дед и прадед занимался такими черными делами?

Я с трудом удержал наших молодых людей, которые порывались отомстить. И говорить им про дела давно минувших дней не следует. Зачем новые ссоры, обиды?! После этого нам не ужиться в одном селе. Лучше, как повелевает нам Аллах, простить невинных людей, оставить их в покое и заслужить этим милость Всевышнего. При виде их (потомков этого врага Божьего) не хмурить лица, не проклинать их. Намного полезнее и для нас, и для душ умерших, если мы помолимся за них, совершим жертвоприношение, или же, в память о них, очистим ручей, посадим деревце у дороги, попросив Всевышнего, чтобы плоды этого саженца, когда он подрастет и начнет плодоносить, были приняты как жертвоприношение за наших умерших.

Да, поэтому я ничего и не рассказывал им, нашим молодым людям, зная, что удержать их будет трудно. Рассказывать-то о Джаби и его товарищах было много чего. Салавди очень похож на своего деда и лицом, и фигурой, и походкой, и манерой говорить. Хотя Джаби был повыше Салавди. Или, может, мне так кажется, я ведь тогда был маленький, лет десяти. Он очень любил жизнь. Старался всегда быть среди людей – на свадьбах, вечеринках, белхи. Вокруг него всегда царили шум, веселье, смех. Да, Джаби очень любил людей. Теперь я иногда задумываюсь: может, это было оттого, что душа подсказывала – небольшой срок отпущен ему в жизни. Нет, он никогда не был товарищем

людей бесчестных, зарящихся на чужое добро. Наоборот, готов был поделиться с нуждающимся последним, не пожалел бы жизни ради друга. А времена были трудные, смутные. Любого, кто пользовался уважением хотя бы трех человек, подозревали в заговоре, благонадежности, ссылали в Сибирь. Когда имя Джаби зазвучало в горах, его мать Шовда, испугавшись властей, злых языков, настояла, чтобы сын женился. Она, верно, думала, что, женившись, он остепенится, станет домоседом, прекратит развезжать по вечеринкам. Куда там! Ничего это не изменило.

А женился он вот как. Возвращаясь из гостей, он повернул своего коня в соседнее село, к роднику, чтобы напоить его. Был теплый весенний вечер. У родника стояла девушка, о чьей красоте говорила вся округа. Красавица, задумавшись, не заметила, что кувшин ее давно полон и вода переливается через край. Это была Пукхи. Джаби поздоровался с ней, пожелав доброго вечера, сошел с коня и спросил, почему она столь печальна в этот прекрасный вечер.

Девушка рассказала, что накануне приходили сваты, отец ответил согласием, а завтра ее уже должны забрать, но она не хочет выходить за этого парня.

Джаби сказал, что он, конечно, не вправе оспаривать волю отца, но если она согласна, он женится на ней. Девушка согласилась. (Позже, когда они уже сошлись, он спросил, почему она сразу дала согласие незнакомому человеку. Она ответила, что была наслышана о Джаби, видела его несколько раз). На второй день Джаби с товарищами приехал за Пукхи и столкнулся с теми, кому отец девушки обещал отдать дочь. Они ехали за своей невестой. Тогда Джаби, велев своим товарищам занять все въезды в село, отправил к отцу девушки муллу, наказав передать, что она дала ему слово и залог и он намерен забрать ее сегодня. Если же отец изъявит несогласие, передал Джаби, живыми отсюда уедут или он с товарищами, или сваты.

Отец девушки, зная крутой нрав парня, ответил, что не желает кровопролития из-за своей дочери, пусть только претендент в качестве калыма пришлет пистолет, из которого ни разу не стреляли, с полной обоймой. У Джаби такого пистолета не было, из его нового оружия уже стреляли два раза. Пистолет дал ему друг, Мажид, сын Хаки. В тот день они вернулись с Пукхи, она-то и доводится Салавди бабушкой.

Да, Джаби был не из тех, кто упустит свое. Спешил поспеть везде, словно знал, что век его короток. Странно, что власти его столько не трогали. Да, это было время, когда власть не жаловала людей, пользующихся скольким-нибудь почетом окружающих. А Джаби жил свободно, как велела ему совесть, словно власти этой и не существовало. И власть будто бы не обращала на него никакого внимания. Но долго продолжаться так не могло. Они когда-нибудь должны были столкнуться: человек, не признающий никаких ограничений в свободе, и власть, подавляющая всякие признаки свободы в зародыше. От некоторых родственников Джаби я слышал такое: не приедь тогда в село кабардинец и балкарец или же остановись они у кого другого, а не у Джаби, беда бы не нагрязнула в их дом: Джабраила и его брата не арестовали бы.

Я так не думаю... Правда, тогда, будучи молодым, я тоже так считал. Потом, по прошествии многих лет, я понял: не будь этого, власть бы нашла другой повод арестовать Джаби и его брата.

Кабардинец Хатута и балкарец Салих пришли в наше село в начале весны, уставшие, голодные. На площади они рассказали сельчанам, что являются потомками князей, все их имущество конфисковано, преследуемые властями, они вынуждены скрываться, а всякого, кто осмелится их приютить, власти, узнав об этом, арестовывают, и те бесследно исчезают. Найдется ли в селе человек, который осмелится впустить их на ночь?

После их рассказа все, кто был на майдане, молча, по одному, разошлись, и площадь опустела. Позор бы лег на село, если бы в это время не показался Джаби... Нет, это было не так, я ошибся. Кто-то из присутствовавших на площади сказал, что живет недалеко Джабраил, сын Лули, и если он не приютит

вас, вам придется покинуть село. Так путники оказались у порога Джаби. А он, Джаби, принял этих бедолаг, словно дожидался их двести лет. Принимая гостей, он ни на минуту не задумался о том, что может оказаться в немилости властей.

Джаби пригласил гостей к себе, накормил их, к нему пришли и его друзья. Они провели вместе три дня, а на четвертый наш односельчанин, этот пастух, донес властям. Смотри-ка, ни за что не подумал бы, что это он. Все подозревали председателя сельсовета, Махму. Махма, правда, говорил своим товарищам, что к аресту Джаби и его брата не имеет отношения. Да, по прошествии трех суток, которые Джаби, его друзья и гости провели за дружескими разговорами у обильного стола, дом окружили и хозяину предложили сдать пришлых.

Гости, услышав ультиматум, побледнели. «Мы сдадимся, не хотим, чтобы из-за нас кто-нибудь пострадал», – сказал Салих, тихо улыбнувшись. «Да, Салих прав», – добавил Хатута.

– Пока вы находитесь в моем доме, будете делать то, что я говорю, – решительно отрезал Джаби и повернулся к парламентарю: – Я удивляюсь тому, что вы осмелились придти в мой дом с таким недостойным предложением. Неужели вы могли подумать, что я способен сдать гостей и жить после этого, как будто ничего не случилось?!

Затем он обратился к своим товарищам и гостям:

– Зарядите свои ружья, наточите клинки, пусть бой решит, кому жить, кому нет...

Прорвав с боем окружение, он вместе с гостями ушел в горы, приняв на себя нелегкую долю абречества, полную лишений. С ним ушел и его младший брат, Абу. Иначе и его не оставили бы в покое. Странно, что не тронули их мать, Шовду.

Говорят, вечерами она сидела перед затухающим очагом и грустно пела:

Не для абреческой доли я вас
 родила,
 Мечтала, что вы будете счастливо
 жить в кругу семьи.
 Оказывается, я вас родила для того,
 Чтобы вы рыскали, как волки, по
 нехоженным тропам,
 Голодные, холодные, не зная ни
 минуты покоя.

Так и сидела, говорят, до самой ночной молитвы. После молитвы ложились спать, забыв поужинать. Да, мужественной женщиной была Шовда. Чего стоили слова, которыми она встретила посланцев Махмы. Что это за слова, скажу позже. Всему своя очередь. Да и рассказывать по порядку уже не могу. Так, эпизодами. Память с годами уже не та...

Джаби с абреками носился по горам, ущельям, уничтожая отряды преследователей НКВД, нанося врагу молниеносные удары, помогая нуждающимся. В то же время появились другие отряды «абреков», которые, называясь их именами, занимались откровенным грабежом населения, мародерством. Эти люди были на службе у властей. Иначе они не покушались бы на простых тружеников, не брезгуя даже женскими украшениями. Прием был не нов, точно так же в свое время власти пытались опорочить в глазах народа легендарного абрека Зелимхана из Харачоя.

Однако власть не учитывает одного: будь Джаби и его друзья такими ничтожествами, чтобы посягать на чужое добро, ради гостей не избрали бы для себя столь тяжелый удел. Люди видели это, умели отличить правду от лжи.

Недолго довелось тем подонкам куражиться над народом – Джаби не дал. Как-то около села Шалажи Джаби и его товарищи повстречали старца. Он сидел у реки, подперев голову руками. Старец рассказал, что пас с десятков овец и пять

коз, но появились три вооруженных всадника и увели всю его живность. Уходя, один из них обернулся и спросил: «Знаешь, кто мы? Я Джабраил, сын Лули, а это мои товарищи: Хасин, сын Абзи, и Махмуд, сын Хаки. Смотри, назовешь кому наши имена, не сносить тебе головы».

– И ты поверил, что трое мужчин, которых он назвал, способны на такое? – спросил Дажби старца.

– Не знаю, что и сказать тебе, молодой человек, – грустно ответил старец. – Уж очень изменились люди в последнее время. Правда, я все же сомневаюсь, что они назвались своими именами.

– Правильно делаешь, что сомневаешься, старец.

– Те, чьими именами представились эти мерзавцы, перед тобой. Заклинаю: дождись нас тут, – и Джаби прищпорил коня.

Абреки направились в сторону села и остановили коней у дома на самой его окраине.

Хасин изумился:

– Разве ты не знаешь, кто его мать?

– Знаю, она наша родственница. Но сын у нее подлец. Эй, выходи! – он постучал в дверь плеткой.

Вышедший на крик Байси выглядел растерянным. Заплетающимся голосом он пригласил гостей в дом.

– Оставь разговоры, выходи, седлай коня. Если заартачишься, клянусь, пристрелю как бешеную собаку.

Перепуганный хозяин вышел, сел на коня и повел незваных гостей на поляну в лесной чаще, где жил его товарищ. Оказывается, уведенных у старика овец и коз они оставили там. Вернув хозяину живность, Джаби сказал Байси:

– На этот раз я оставляю тебя, ради твоей матери. Но если подобное повторится, клянусь, убью собственной рукой. Чтобы месяц сидел дома, не высовывался, понял?

Байси и не выглядывал целый месяц за ворота, перестал посещать даже похороны и вечеринки, зная, что Джаби слов на ветер не бросает. Эх, жизнь! Безжалостно перемалываешь ты судьбы молодцев, не терпящих несправедливость, гнет власть имущих, молодцев, способных, не моргнув глазом, отдать свои молодые жизни ради чести народа.

Прошел год. Как-то Абу обратился к своему старшему брату:

– Джаби, ноги у меня сильно болят в последнее время... Тяжело мне... Махма, председатель нашего сельсовета, передал, что не тронет тех, кто явится с повинной, сдаст оружие. Если ты разрешишь, я вернулся бы домой, и матери нужен помощник по хозяйству.

Дажби долго молчал в ответ, опустив голову. Когда он поднял голову, Абу увидел, что в глазах брата блестят слезы.

– Абу, – тихо заговорил он, – ты ставишь меня перед трудным выбором. Если я запрещаю тебе, а потом твоим ногам станет хуже, я буду жалеть о своих словах. Если же разрешу покинуть нас и явиться домой, а власти тебя все же арестуют, я буду жалеть вдвойне. Поэтому я оставляю выбор за тобой. Поступай так, как велит тебе сердце.

На второй день Абу, при оружии, направился в село. Едва переступив порог сельсовета, он понял, что его заманили в ловушку. Однако, не желая верить, стал исполнять все, что ему велели.

Положив перед ним бумагу, Махма сказал:

– Вот расписка, что ты явился добровольно. Тебе нужно расписаться. Поставь сюда свой палец.

Как только Абу потянулся к бумажке, на него накинулись и связали. Оставив при нем охранника, остальные вышли. Когда тот стал готовить себе самокрутку, Абу сказал, что тоже хотел бы покурить. Охранник оказался сердобольным, усадил Абу у стены, прикурил самокрутку и вложил ее в рот пленнику. Не успел Абу пару раз затянуться, как вошел Махма. Председатель с размаху ударил Абу по лицу, самокрутка отлетела в сторону.

Абу грустно сказал:

– Эх, Махма, Махма... Никогда не думал, что ты способен поступить столь низко – ударить связанного.

Махма в ответ промолчал. Скоро пленника уложили в телегу, чтобы переправить в Урус-Мартановскую тюрьму – боялись, что Джаби с товарищами нападет на сельсовет, чтобы отбить Абу.

Человек, хоть немного наделенный разумом, совершив такое вероломство, будет в дальнейшем соблюдать осторожность. А этот... куда там! Мало того, что посадил Абу, стал ухаживать, нисколько не скрывая, за его двоюродной сестрой Баяной. Когда Махма уже не стал давать ей прохода, Баяна пожаловалась своей снохе, Пукхи, которая, в свою очередь, передала это ее двоюродному брату, Джаби. Взбешенный такой наглостью, Джаби вознамерился в тот же вечер напасть на сельсовет. Хасину, сыну Абзи, с большим трудом удалось остановить его, ведь спешка до добра не доведет. Баяне через Пукхи передали: пусть она сделает вид, что поддалась на ухаживания Махмы, позовет его к роднику вечером, якобы договориться о дне свадьбы. Баяна исполнила все точно так, как ей велели. От себя еще добавила, что согласна выйти за него, если он поможет оправдать ее двоюродных братьев – она, конечно, знала, что Махма даже палец о палец не ударит ради этого, но хотела, чтобы он поверил ей.

На второй день, к вечеру, Махма на своем белом скакуне направился к роднику. Заметив старика, который сидел перед своим домом, наблюдая за весенним солнцем, он горделиво бросил:

– Еду на свидание к сестре абреков, чтобы договориться о дне свадьбы... Каков джигит, а?

– Зря ты все это... Излишняя заносчивость ослепила тебя... Поехать-то ты поедешь, а вот вернешься ли? Сомневаюсь...

– Не беспокойся за меня, старик... И поеду, и вернусь, и сестра абреков будет стоять невестой¹ в моем доме, – огрев коня плетью, он рванул с места.

Последний раз Махму видели на закате, когда он спешил к роднику. После этого ни его, ни его коня не видел никто. Прав оказался старик. Да, гордыня обуяла председателя. Говорят, это первый шаг к несчастью. Махма не только возгордился, в него словно бес вселился. Эта гордыня и погубила его.

После того дня никто не видел ни Махму, ни его скакуна... Коня зарезали, мясо засолили, и его хватило абрекам на всю зиму. А Махма бесследно сгинул, что с ним случилось, я не знаю. Люди говорили разное. Жестокое время, жестокие нравы...

Прошло несколько месяцев, назначили другого председателя сельсовета. Мать Махмы, Минегаз, прислала к матери Джаби и Абу, Шовде, сельчан с просьбой передать, что она выплакала все глаза после того, как пропал ее единственный сын, что ослепла от слез и просит показать ей хотя бы останки сына или место его захоронения. Шовда поставила перед стариками – это были дальние родственники Махмы по матери, а родственников по отцу у него здесь и нет, да я и не знаю, есть ли они, – так вот, Шовда поставила перед ними угощение. Они отказались от еды и повторили свою просьбу. Шовда сказала, что ответит им на улице, за воротами. Проводив гостей, она прочертила перед воротами линию:

– Передайте Минегаз, что она узнает о судьбе сына тогда, когда вернется мой сын, вероломно захваченный... Можете ничего и не передавать. Но пусть пеняет на себя тот, кто осмелится с подобной просьбой пересечь эту линию.

Один из тех стариков позже рассказывал:

– Глаза Шовды в эту минуту метали молнии, обжигавшие наши бороды. Кажется, скажи мы в ответ хоть слово, она набросилась бы на нас...

Больше никто и не явился к ней с подобной просьбой.

Эх, матери, матери... Вспоминая эту историю, сердце наполняется жалостью

¹ По обычаю, в день свадьбы невеста стоит за полупрозрачной занавеской в доме жениха.

и к Шовде, и к Минегаз, которая лишилась единственного сына, не знала ничего о его судьбе. Ведь ни одна мать не растит своего сына для предательства, жестокости, подлости. Каждая мать надеется, что сын ее вырастет достойным человеком, пользующимся уважением окружающих.

Эх, уже и время ночной молитвы подходит... Каждый март, когда этот парень приезжает из Москвы, чтобы совершить обряд жертвоприношения по своим родным, воспоминания уносят меня в те дни...

Через три месяца после исчезновения Махмы и ареста Абу в руках властей оказался и Джаби. Люди очень удивились этой весте, ведь все слышали, что Джаби поклялся не попасть живым в их руки. Он и не думал сдаваться, но судьба порой преподносит такие сюрпризы, о которых человек и не догадывается.

В хуторах, раскиданных по лесистым склонам гор, у Джаби было несколько мест, которые он считал надежными и где порой останавливался на ночлег. Так, холодной зимней порой Джаби остановился на ночлег у человека, которого считал особо надежным. После вечерней молитвы, когда они сели ужинать (на ужин было любимое блюдо Джаби – вареная сушеная баранина и галушки из кукурузной муки), в дверь постучались и спросили, примут ли хозяева гостей. Джаби никогда бы не подумал, что Хенапи, которого он знает не один год и который столько помогал ему, продаст его врагам. Поэтому его нисколько не смутило появление ночных гостей. Он встал им навстречу и в ответ на их приветствие протянул руку. Не выпуская руку Джаби, гость, шедший впереди – высокий плотный мужчина, привлек его к себе и обнял. Подозрение зародилось у него лишь тогда, когда гость крепко, не выпуская, зажал его в своих объятьях. Джаби дернулся, но было поздно – остальные набросились на него и завязали руки и ноги шелковыми шнурками. Больше всех усердствовал в этом хозяин, Хенапи.

Сдав Джаби, столь опасного абрека, властям, Хенапи думал, что теперь у него началась беззаботная жизнь. Но недолго ему пришлось радоваться. Через два месяца товарищи Джаби убили его в собственном дворе. В течение двух последующих лет они все погибли в схватках с энкавэдэшниками. Но ни один не дался живым: после случая с Джаби они, избегая людей, ночевали в лесных землянках, горных пещерах.

Прошло почти пятьдесят лет, прежде чем прояснилась дальнейшая судьба Джаби и его брата Абу. Теплилась, правда, надежда, что они живы, особенно у Супьяна, сына Джаби. Но пленников недолго держали в заключении, скоро расстреляли. Об их судьбе стало известно благодаря стараниям Салавди, внука Джаби. Я узнал его по фотоснимку, я один. Как не узнать, если все это время я не переставал о нем думать? Таким и должен быть настоящий мужчина. Куда мне до него, но в трудную минуту я всегда вспоминал о нем, и это помогало мне преодолеть все препятствия...

Завтра уже семь лет, как справили первые поминки по Джаби и Абу. С того дня Салавди каждый год приезжает домой на годовщину гибели деда и его брата. Устраивает поминки, созвав стариков, совершает жертвоприношение. А меня память возвращает в прошлое, все становится перед глазами, словно это произошло вчера... Раньше я ничего не рассказывал молодежи о делах минувших, боясь, что это приведет к плачевным последствиям. Теперь времена другие, да и молодежь подрастает умная, религиозная. Поэтому при каждом удобном случае я стремлюсь поведать им о деяниях мужчин, чтобы они могли потом передать это своим детям. Чтобы поняли никчемность благ этого мира, поняли, насколько важны преданность в дружбе, верность слову. Ведь Джаби и его друзья тоже любили эту жизнь, тоже хотели жить. Однако, что произошло бы с народом, если бы в его среде не выростали такие поборники справедливости, чести?! К чему бы мы пришли?! Они не считали себя героями. Они просто жили по принципам, которым должен следовать всякий уважающий себя мужчина.

Глядя на сегодняшнюю молодежь, порой задумываешься: а есть ли в их среде такие мужчины? Бывает, начнешь говорить о деяниях отцов, некоторые отмахиваются: а-а, это уже в прошлом. Выходит, наши отцы, пренебрегавшие

мирскими благами, ставившие превыше всего честь, достоинство, справедливость, были не правы?! Нет, конечно, они были правы! Каким бы богатством, мнимым благородством ни кичился ничтожный человек, ему не скрыть своей сути. Все в этом мире имеет свой смысл, за все человеку предстоит ответить перед Всевышним. Тот, кто не верит этому, сильно пожалеет, если не в этом мире, так в будущем. Молодым не следовало бы об этом забывать.

Мулла призывает к молитве. Теперь уймись, ненужные мысли. Хорошо бы, если бы вас можно было взнудать, как коня, поворачивая в нужную сторону. Но это невозможно. Мысли, не спрашивая твоего разрешения, уходят гулять по широкому просторам прошлого. Алхамдулиллах, хвала Тебе, Аллах! Как удивительна эта жизнь, как непредсказуема...

Салавди

Каждый раз, возвращаясь с земли отцов, я провожу неделю-другую в тяжелых раздумьях. Все, чем я занимаюсь здесь, в Москве, кажется пустым, ненужным. Но если я буду сидеть дома, кто поможет родным, близким? Сегодня, если у тебя нет денег, с тобой никто не считается. Кто-то ведь должен зарабатывать для семьи... С каждым годом стариков становится все меньше... Вот и в эту мою поездку домой... За тот год, что меня не было дома, четверых уже не стало, двоих болезни приковали к постели. Очень уж наши старики тяжело перенесли последние события в республике... И не мудрено: столько всего им пришлось пережить: и репрессии, и выселение, и последнюю войну... А жизнь так коротка. С годами осознаешь это. А в детстве она кажется бесконечной. В детстве тебя сажают в лодку и пускают в плавание по реке жизни. Тебе кажется, что лодка стоит на месте, что ты можешь плыть в любую сторону, какую пожелаешь – на север, восток, юг или запад. Ты налегаешь на весла, стремишься достичь счастья. Но с годами понимаешь, что у лодки твоей один путь – к закату, к сумеркам, к ночи... Понимаешь, что лодка не стоит на месте: она стремительно несет тебя, даже если сушишь весла, в сторону Смерти. В последнее время что-то часто стал задумываться об этом. Одно не могу понять: каждый из нас почти ежедневно теряет родных, близких, соседей, знакомых, каждый понимает, что его тоже в итоге ждет смерть, однако осознать это в полной мере, смириться с этой предрешенностью нелегко. Наверное, только праведникам, святым дано это. Но и они боялись смерти. «Ничто не проходит бесследно», – повторяет часто Нанаш, сын Исраила. И это верно. Я и в глаза не видел деда, да и как я мог его увидеть, если в день ареста деда отцу было лишь два года?! Тем не менее в трудную минуту мне всегда кажется, что дед рядом, что он дает мне совет, дед, которого я знаю только по рассказам. И тогда, в Омске, именно голос деда Джаби велел мне посадить в машину Хачима и оказать ему посильную помощь. И когда после развала Советского Союза местные милицейские чины, обвинив в краже оружия (которое сами же и разворовали), оставленного выведенными из республики российскими войсками, арестовали брата и его не выпускали ни за какие деньги, голос деда очень помог. Подкупили охранников, и те, посоветовав брату симулировать болезнь печени, отвезли его в больницу. А в больнице мы уже поджидали их. Трое милиционеров, образовав полукруг, подняли автоматы:

– Кто вы? Уходите отсюда!

Тут из темноты вышел младший брат:

– Это мы!

С другой стороны встал я:

– И мы!

Милиционеры растерялись, подумав, что нас здесь целая группа. Тогда я – вернее, Джаби моим голосом – вновь заговорил:

– Ребята, это наш брат, и он ни в чем не виноват. Мы не уйдем отсюда, оставив его в ваших руках. Или вы отдаете нам брата, или же будем воевать. Выбирайте.

На какое-то время воцарилась тишина. Наконец, один из милиционеров обратился к своим товарищам:

– Ладно, уходим.

Когда мы с братом вернулись в село, уже рассвело.

На второй день, к полудню, к нам, спросив отца, явился работник МВД – это был внук того самого Байси, которому в свое время Джаби запретил в течение месяца покидать свой двор. Мне это почему-то сразу не понравилось. Я сказал, что отца нет дома, и справился, чем могу помочь. По его словам, в МВД состоялось совещание, на котором принято решение вернуть моего брата в тюрьму, применив, если понадобится, силу, и он явился предупредить нас. Я на какое-то время смутился, и тут Джаби вновь пришел на помощь. Я спросил: – Скажи правду, ты пришел предупредить нас или же передать в МВД то, что услышишь здесь?

Он обиделся:

– Зря ты так. Я хотел предупредить вас, чтобы вы были готовы.

– Хорошо, я тебе поверю, если ты передашь им то, что я скажу, слово в слово, – довольно грубо произнес я.

Он смотрел на меня, словно видел в первый раз. Вернее, он таким и видел меня в первый раз. Ведь я всегда был вежлив со всеми, обходителен. Откуда ему было знать, что я говорю сегодня голосом Джаби?!

– Конечно, передам. И что я должен им сказать?

– Передай им, что, если бы мы позволили вновь посадить брата, мы бы и не забирали его. Если же они вздумают сюда сунуться, пусть будут готовы к бою. И еще передай, что они, возможно, и до села не доедут, а уж до дома нашего точно не доедут. Скажи, что мы готовы.

Никто за братом не приехал... Звонит телефон. Началось! И как раньше люди без телефонов обходились?! С одной стороны, это большое удобство. С другой – ни минуты покоя человеку.

– Алло, слушаю. Да, это я, Салавди. Вчера прилетел. Нет, Хачим, конечно, не забыл. Поедем к Бисултану. Сегодня позвоню ему, посмотрю, дома ли. А завтра поедем. До свидания.

После этого я сразу позвонил Бисултану. Оказалось, он дома. Представившись, я рассказал ему о предложении Хачима. Договорился приехать с Хачимом к нему в офис на следующий день в одиннадцать.

На второй день, как и договорились, мы с Хачимом были в роскошном офисе Бисултана. Молодые охранники, в серых костюмах и галстуках, внимательно оглядели клиентов, словно пытаясь прочесть наши мысли. Портфели пришлось оставить внизу. Один из охранников поднялся с нами на лифте на третий этаж. Оставив нас в приемной, он исчез за дверью. Скоро он вышел, приглашая нас жестом в кабинет.

– Ассалам алейкум!

– Ва алейкум салам! – встал навстречу Бисултан и, широко улыбаясь, пожал нам руки. Предложив нам расположиться поудобнее, он сел за стол.

Бисултан был дородным, жизнерадостным мужчиной средних лет, с небольшим брюшком. Некогда густые волосы его уже начали редеть.

– Чай? Кофе? – спросил он.

– Нет, ничего не надо, спасибо.

– Так не пойдет. Маша, принеси нам кофе. Рудаки говорил: «То, что ты отдал, осталось при тебе, что отложил – пропало».

– Он это говорил не про чай, а золото, серебро, деньги, – пошутил я.

– И деньги будут, коли понадобятся, – весело рассмеялся в ответ хозяин кабинета.

Вошла статная синеглазая красавица с подносом в руках. «Кажется, Бисултан подбирал персонал по цвету глаз», – вспомнив голубоглазых охранников, подумал я. Девушка грациозно, словно по подиуму, прошла к столу, поставила поднос и вышла.

Когда я изложил дело, с которым мы пришли, Бисултан рассмеялся, словно выслушал анекдот.

– Надо подумать, – сказал он, оборвав свой смех и сделав глоток кофе. – Приведите владельца собственности, тогда и поговорим серьезно.

Я разозлился. Моими устами вновь заговорил Джаби:

– Бисултан, оставь эти шутки при себе, – сказал я по-чеченски (голос Джаби мог звучать только на чеченском языке). – Мне хорошо известны подобные шутки. Ты хочешь нас «кинуть».

– Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, говорил: «Знай, что то, что желаешь ты, желает и твой ближний». Тебе нужны деньги, они нужны и мне, – Бисултан тоже перешел на чеченский язык. – А этот по-нашему не понимает? Нет? Это хорошо. Приходи позже без него. Зачем нам лишние посредники? Нам же больше достанется. Подойди дня через два.

– Ты неправильно истолковал хадис, – сказал я.

– Неправильно? – не переставая улыбаться, спросил хозяин. – Так растолкуй мне.

– Я не для этого сюда явился. У каждого своя дорога... Но хотел бы кое о чем спросить тебя... В самые суровые времена, когда людей расстреливали без суда и следствия, в наш край явилось два гостя. Они скрывались от властей и вот оказались в одном селе. Узнав, кто они, многие разошлись с майдана, побоявшись не только приютить их, но и поговорить с ними. Однако нашелся в селе один человек, который принял их как дорогих гостей, зарезал в их честь быка. Когда солдаты окружили его дом и потребовали выдать гостей, хозяин ответил отказом, с боем прорвал окружение и ушел с пришлыми в леса, встав на путь абречества. Скажи, дорогой, почему он это сделал? Разве ему надоела жизнь? Почему он не выдал гостей?

– А-а, – пренебрежительно бросил Бисултан, откинувшись в кресле и закинув ногу на ногу, – это рыцарская культура... Все это уже в прошлом. Сегодня главное – бизнес...

– Культура мужчин не может быть в прошлом...

– Оказывается, ты поэт, Салавди. А я всего лишь любитель поэзии. С твоими устаревшими взглядами капитал не соберешь...

– Я знаю одно: то добро, что Всевышний предназначал мне, другому не достанется. До свидания, – я встал.

– «Все пройдет, как с белых яблонь дым», – сказал Есенин. Прав поэт. Все пройдет, – Бисултан вновь засмеялся.

Когда мы вышли, я сказал Хачиму:

– С ним у нас ничего не получится. Найдем другого покупателя.

Хачим все понял.

Я задумался: неужели среди моих потомков не найдется того, для которого мой голос звучал бы так же, как голос Джаби для меня? Или все станут такими же «умными», как Бисултан? Неужели?.. Плачевны наши дела, если это так...

Перевод Сулимана Мусаева.

Марина Верольская-Саакьянц

Летела птичья стая...

Любила грозненский вокзал
В любое время года
Я возвращалась – он встречал
С восхода до захода.

Многоголосием своим,
Гудками, шумом, гамом
Встречал вокзал – он был моим,
Он был моим вокзалом.

Давно живу в другом краю,
Изгнанницею стала.
Но разве Родину свою
Любить я перестала?

Я восемнадцать лет вдали,
И боль тревожит душу.
Все поезда мои ушли,
А мой вокзал разрушен...

По небу голубому
Летела птичья стая.
Она к родному дому
Стремилась. И не знаю,

Как, по каким нитям
Чужбина с Отчим краем
Связала прочной нитью,
Вдаль неба улетаю.

Быть может, на чужбине
Ей солнца было мало?
Среди растений дивных
Чего-то не хватало?

На Родине капли
Звенели, и журчали
Ручьи, и с нетерпением
Прилета птиц здесь ждали.

Без них весны не будет
Так звонкоголосой.
Ведь птицы, прилетая,
Весну с собой приносят.

И в трудном перелете
Стремилась стая к дому,
Прекрасная в полете
По небу голубому.

Папе

Всему на свете есть конец,
Но верила я в вечность.
Когда же умер мой отец,
Мир рухнул мне на плечи.

И стала жизнь моя пуста,
Как поле белого листа.

А на кладбище –
тень креста...

Лишь время лечит, знаю.
Я по тебе скучаю...

На Кавказе было лето
Жарким. В летний зной
Ждали мы, как ждут рассвета,
Дождик проливной.

Проходил, как гость желанный,
Как в жару исток.
Умывал он, долгожданный,
Каждый лепесток.

Заполнял водою чистой
Трещины земли.
Поднимал он в Сунже быстрой
Воды. И все мы

С наслаждением вдыхали
Свежести глоток.
И под ливень выбегали
В дождевой поток.
И раскаты грозовые
Не пугали нас.
И сверкали золотые
Молнии в тот час.

А теперь осталось лето
Средь других потерь...
На Кавказе оно где-то
Без меня теперь.

Сыну

В этом мире все нетленно,
И пока живешь,
Открывай простор Вселенной,
Знай, что не похож

Новый день на день вчерашний,
Что в календаре.
Изменяется летящий
Утром на заре.

Он, как лист бумаги белой,
Первозданно чист.
Все, что за день в жизни сделал,
Строчками на лист

Ляжет, впишется. Ни слова,
Как в черновике,
Не изменишь из былого
Ни в одной строке.

Будто бы живу и не живу

Будто во сне, не наяву,
В городе чужом живу.
Вспоминаю город свой родной
И немислимо хочу домой.
Будто во сне, не наяву,
Вглядываюсь в неба синеву.
Синь небес над Родиной милей,
Горы там, а здесь простор полей.

Будто бы во сне, не наяву,
По реке спокойной я плыву.
На Кавказе реки воды мчат,
Все сметают вниз, здесь не спешат.

Будто бы во сне, не наяву,
В гости я друзей своих зову.
Только далеко они живут,
Где смогли, там и нашли приют.

Будто бы во сне, не наяву,
Я с тоской по Родине живу.
Грозный – Родина – была и есть одна,
Что же с нами сделала война?

Будто бы во сне, не наяву...
Будто бы живу и не живу...

Обездолена

Обездолена я... Без Родины...
Как живется ей без меня?
Ей, со страшным лицом уродины,
Опаленным в войне от огня?

Ей, в колдобинах от снарядов,
Перепаханной ими вдоль,
Поперек ли? В каких нарядах
Ты теперь, моя радость и боль?

Как же раньше была красива!
Горы кругом, каймой вились.
И в тебе я черпала силы,
Как и все, кто там родились.

По чьему же велению злому
Нас лишили родимой земли?
Не спросили и не дали слова,
И как пасынков – вон! Мы вдали.

Эти улицы, парки, аллеи...
Город мой. И скорбь, и любя,
Вспоминаю, тоскую, жалею...
Только кто пожалеет меня?
Обездолена я... Без Родины...

К 1 февраля 2000 года все,
покинувшие Чечню,
смогут туда вернуться
*(Из телевизионных выступлений
18 ноября 1999 г.)*

Говорят, что откроют границы,
Проведенные чьей-то рукой.
Говорят, что мы – вольные птицы,
И откроют путь назад нам, домой.

Мы в разлуке семь лет.
Семь столетий
Бесконечных и темных ночей.
Только что там, на Родине? Пепел...
Ни домов, ни крестов, ни друзей...

Сердцем рвусь и туда возвращаюсь,
Но гоню эти мысли я прочь.
И простившись, я снова прощаюсь,
И не в силах тоску превозмочь.

Алвади Шайхиев**Чеченки**

Хотя на вид такие кроткие,
Чеченки – женщины не робкие.

Их жизнь – сплошные декабри¹:
Бои одни. Бои. Бои.

На свет явились амазонками,
Под пулей свист,
кинжалов звон они.

У них нет праздных женских дней,
Скупы они в любви своей.

Дарить бы им улыбки нежные,
По природе все же женщины.

Богини наших очагов,
Бойцы и матери бойцов.

И вновь война змеиной тропкою
Пришла неженскою походкою,

Как в те взаправдашние дни...
Их жизнь – сплошные декабри.

А годы стреляют, как из нагана,
Спускает курок сама жизнь.
Судьбины лихая пора настала,
И силиться тщетно: Держись!

Что ж остается? Одни передраги,
Суды-пересуды и ложь.
Коль я выносил
никчемные дразги,
И лихо стерплю я. Ну что ж...

Появлюсь перед вами –
сейчас же встаете.
Мне тропу не дерзает
никто пересечь.
Я всегда на виду,
впереди и в почете,
Все смолкают,
едва начинаю я речь.

Ну, а если тревога, опасность какая, –
Сомневаться не надо:

меня упредят.
Молодые, друг друга
на помощь скликая,
Старика оттеснят
потихоньку назад.

Уваженье, вниманье
к годам и сединам
Неизменно встречаю
я в вашем кругу.
Назову я любого
почтительно сыном,
Вашей лаской
по праву гордиться могу.

Благодарен душевной
моей молодежи
И ее отношеньем доволен вполне.
– Славно быть стариком! –
говорю. Ну, а все же,
Одолжиться бы где-нибудь
юностью мне!

Был бы вежлив отменно –
а как же иначе?
На пиру – позади,
а в бою – впереди.
Вам под стать, был бы я
удалой да горячий –
Можно мигом лепешку
испечь на груди!

...Стал скакун спотыклив.
Будем правы едва ли,
Если скажем: худые
подковы виной.
Мы ведь сами того
скакуна подковали...
Просто – годы прошли.
Срок подкрался иной.

Мне бы малость одну:
С тем давнишним размахом,
Пару крыльев – мои молодые года.
Все другие желанья
покажутся прахом,
И не надобны почести эти тогда...

¹ 26 декабря 1994 г. началась война.

Давай, дружок, закурим по одной,
Присядь-ка рядом на минуту.
Я и сам не знаю, что со мной –
Тоска съедает. Очень грустно.

Прошу, дружок,
развей мою печаль,
И сказки сказывай, и басни.
Ведь для тебя мне ничего не жаль,
Лишь только б спас ты от напасти.

Пойми, дружок, мне очень тяжело.
Прими в моей судьбе участие.
Твое и слово мне бы помогло...
Но коль спешишь –
иди на счастье.

Бесшумно.
На цыпочках ходят
Дни и ночи, вплетаясь в года.
Наши тени в пространстве бродят
И вдут за собой в никуда.

Индевеют виски от мороза,
От натуги бледнеет душа.
На крючке зависаем вопроса:
Суедемся зачем, все круша?

Как ведется в наших горах искони,
Уступила дорогу мне женщина.
Мне б ускорить, ускорить шаги,
Ну, а я почему-то замешкался.

Эти метры мне бы в темпе пройти,
Чтобы путь она дальше
продолжила.
«Как же так? – вопрошали шаги. –
В наше время такое
возможно ли?»

Благодарно кивнув,
молча мимо прошел.
За спиной – каблучков
стук серебристый.
На этой дороге мы были вдвоем,
И краса ее, словно выстрел.

И было легко, и радостно мне:
Ведь живут еще наши обычаи!
Их увидел сегодня в ее я красе,
В ее сердце увидел их нынче я.

Отчизну постигшие
Беды и горе
Слезы материнской
Больнее и горше.

Коль пришел в этот мир
Человеком,
До конца свой путь
Человеком пройди.
Волком не стань, собакой,
медведем,
Вражду и ненависть
в душе не копи.
Человеку быть зверем,
пойми, не с руки,
Ладоням сжаться
не давай в кулаки!

Любить. Любить.
Любовью жить.
Даже
В постскриптуме любить!

В огне любви мы горим,
Но почему-то не сгораем.
Ты любима. Я любим.
Любовь, быть может,
правит раем...

Ночь. Пурга. Невмочь.
Прочь с дороги, ночь!

Ослепила меня твоя красота –
Не туда зазмеилась моя тропа.
Знать,
Больше ни разу
не встретиться нам,
С тобой не делить мне
судьбу пополам.

Война – порожденье злого сатаны.
Война не рождает, она убивает.
Вот и ты не смог
спасти от войны –
Только память тебя воскрешает.

Саиев Үмар**Дог доьлху**

Даг тӀехь Ӏийжа сабӀарздина бала,
Валар дагагуйсу Ӏожалло.
Атаелла лаьтта Сольжа-ГӀала,
Ягна, беркбаевлла ярташ го.

Жоьрадаьлла хыйза мехкан дахар,
ЦӀхалло дуу мулкалмотах са...
Шовкъ ца юьтуш дикане дог даха,
БӀешаро а, дахна, хаьрци ха...

Даймохк лаьтта,
дог шелделча санна,
Цуьнан хьаж тӀехь хебарш хаало...
ХӀокху тӀамо лаг Ӏаьвдичахьана,
Цунна чомах са ца даӀало...

ХӀай, хьо машар,
дог хьаствахьа мехкан!..
Дахарх жимма баккхийтахьа чам.
Берийн дуьхьа,
ма хилахьа бехке...
ХӀаллакхуьлуш лаьтта
дийнна къам.

Пурба лохьа эзар балех довла,
ТӀом кӀордийна,
баьлла мерах-хьех...
Даваларг-яӀ, хьо цкъа
маракьовла...
Ваха кху дуьненахь адамех!

Юха а седа бай стиглахь

Гезихаджиев Масхьудна

Юха а стиглара цхьа седа бай,
ТӀаьхьара нур къагош сирла.
Ӏовжамо кхолийна беттан нур дай,
Кхолламан кхиэл къьиза хилла...

Ткъа лаьттахь ков-кертахь
даьккхина са...
Хезаш ду мохь-орца шийла.
Маржа яӀ! Ваха-кха кӀант
ненан дӀа,
Кхин юха ца ван кхиэл хилла...

Лазамо дог хьаьшна лаьтташ ву да,
Корта а божийна гора...
– Ду-те хьо сомаха я ду-те гӀан?
Ца кхеташ деанчу волах.

Маржа яӀ! ХӀай зама,
хьо-м къьиза яй,
Къьинхетам хьоеца бан буй-те?..
Дилхачу сан даго цо лов и, хӀай!
Мел дийцарх хьо кхетар юй-те?...

Хала ду садетта, хьегӀа сан чов,
Ницкъ боцуш кхолламца къийса.
Ӏеткъаме ду стиглахь
седарчий довш,
Лаьтта тӀехь –
синош дӀахьийсор...

Буйсанан арахь

Лаьмнашца, хьаннашца
яржийна кӀозарш,
Буйсано дӀайижа
садаьккхи, уозош...
Екхначу стигала
сихбелла кхача,
Батто шен когара
дӀаехи мачаш...

ДӀо лаьмнийн даккъаш тӀехь
седарчий сега,
Хьагвелларг хих санна,
буйсанах хьегош.
Гена дӀа мел хьийжи
лаьмнашна тӀехьа,
Даймехкан аматаш
карадо лехьо...

Наб хьегӀаш йисинчу
буйсанан арахь,
БоргӀала хестайо
шен хӀусам – кӀара.
ЦӀа воьлуш, лулахойн
жӀаьла со вевзий,
Шайн жӀаьлийн гӀиллакхехь
тӀедогӀий цӀевза...

Гуш допчу хъаж т1ера
 шед суна бостуш,
 Мохо со т1ехъарчий,
 бер санна хьосту.
 Ас буйса 1а юбуш
 дегаз арахъ,
 Чуваха т1еч1ог1у
 кет1ара з1ар а.

Дийцахъа, Нохчийчоь

Дийцахъа, Нохчийчоь,
 ахъ суна дагара,
 Хьо х1окху бохамах
 яла ца мегара...
 Мел ч1ог1а самукъне
 яра хьо селхана,
 Тахана-м хета хьо
 гальяьлла, телхина...

Тишъелла керт санна
 лаьтта хъан г1аланаш,
 Адамаш доьлху хъан
 совбуьйлуш баланаш...
 Нохчийчоь, ахъ соьга,
 ма дарра алахъа,
 Дуй-техъа х1умма а
 самукъадала хъан?..

1алам а доьлху хъан
 ц1аро дег1 деттина...
 Адамийн синхаам
 хьостучу меттана.
 Лаьмнаш а г1ийла го,
 б1аьргех хиш тийсина,
 Лаьтта т1ехъ ца гина
 халонаш 1ийшина...

Нохчийчоь, тоьур ду
 хъан елхар тахана,
 Белларш ц1а бог1ур бац,
 уьш гена бахана.
 Машаран некъ лахий,
 маьрша д1ах1оттахъа,
 Дуьнен т1ехъ мел волчу
 стагах веш доттаг1а...

Тоьур ду йоьжна 1а,
 хъайн корта айахъа,
 Цхъаь хилар т1едуьллуш
 нохчашка кхайкхяхъа!
 Кханенга тешамца
 ког хъалхабаккхяхъа,
 Мискачу хъайн къоман
 дог парг1атдаккхяхъа...

Алахъа, зама

Ала соьга, едда йоьду зама,
 Мича кхача г1ерташ йоьду хьо.
 Байта г1ерташ санна
 хъайха тамаш,
 Ахъ тхан денош 1ожалле сихдо...

Хьо-м д1айоьду дог1ан
 марха санна,
 Тхан баланийн сингаттам ца гуш.
 Кху дуьнен т1е тхо девллачяхъана,
 Синтем бац-кха тхуна цкъа а гуш.

Я ду-те и кхечунна т1едобг1на,
 Долу дела х1ара харц дуьне.
 Кху дуьненахъ, алахъа, сагоьхнарг,
 Кхочур вуй ткъа Ялсманан шуне?..

Ахъ ладог1ахъ тхан
 синпхенийн шовкъе,
 Г1ийла узарш хуна хезар ду.
 Дахахъ, зама, тхо сирлачу новкъа,
 Тхо цкъачунна б1аьрса дайна ду.

Ала соьга, х1унда боьлху безам,
 Къиза хадош деган зевне мерз.
 Аллах1 Дела,
 беъа тхох къинхетам,
 Машар эшош, ма дийлйта герз!

Григорий Аросев

Родился в 1979 г. в Москве. Окончил театроведческий факультет РАТИ-ГИТИС. Работает на телеканале «Россия К.» Публикации: в журналах «Звезда», «Урал», «Вайнах», «Пролог», «Кольцо А», «Мера всех вещей», «Вопросы литературы», «Литературная учеба».

Участник форумов молодых писателей в Липках (2008-2010), по итогам которых вошел в «Каталог лучших произведений молодых писателей России-2009» и сборник «Новые писатели-2009» (проза).

Звонок из Торонто

Рассказ

Он вышел сегодня утром из дома – бодрый, крепкий старикан, одобрительно кивая соседям и радостно жмурясь от внезапного солнца, что на мгновение ослепляет, лишь только открывается дверь подъезда. Апрельское утро хоть безоблачно, но прохладно и свежо, однако старикану все нипочем, потому что он одет довольно тепло – брюки, пиджак, под ним – вязаная жилетка, естественно – рубашка (далеко не последний писк моды – сейчас такие длинные воротники редко встретишь), а сверху плащ с подкладкой, берет и клетчатый шарф. Заметно, что старикан не утруждает себя походами в магазин за одеждой, но для него это принципиальная позиция, с деньгами не связанная – зачем покупать новое, если и старое еще можно носить? Зато ботинки на нем новенькие, блестящие, недешевые – явно не на рынке купленные.

Старикан гладко выбрит и, наверное, мог бы послужить идеальной иллюстрацией для рубрики «Прически для пожилых», если бы не был абсолютно лысым, пусть в беретке это не так заметно. Он идет в парк, что недалеко от метро. По дороге подходит к газетному ларьку. «Здравствуйте! – улыбается ему продавщица. – «Ведомости»?» – «Доброе утро! Нет, давайте лучше «Время» – внук сказал, что там какая-то интересная статья про сталелитейные комбинаты». Интернет дома, конечно, есть, и пользоваться им он умеет, но регулярно получать новости из сети он так и не приучился. Когда случается что-то экстраординарное (как недавняя отставка министра, например), то можно, конечно, и на сайт какой-нибудь залезть – чтобы поскорее оказаться в курсе событий, но он не собирается отказываться от привычки, которой уже более семидесяти лет – читать газету, держа ее в руках. Когда новости напечатаны на бумаге, лично он им верит гораздо больше, чем тому, что «вывешено» в сети. Но и отвергать очевидные преимущества двадцать первого века он не намерен, потому и не возражал нисколько, когда дети ему подключили Интернет и принялись учить, как там работать. А сегодня рано утром позвонил внук и, помимо прочего, сказал, что «Время» опубликовало сводный рейтинг рентабельности сталелитейщиков. Было и полезно и приятно одновременно – знают родственники, что ему интересно, присылают ссылки

на тематические материалы, про статьи вот говорят – сейчас же столько всего выходит, не уследишь.

Он добирается до парка, садится на скамейку, достает очки и углубляется в чтение. Статья – интересная, приведенные цифры заставляют о многом задуматься, и в результате старикан приходит в себя минут через тридцать-сорок. Посмотрев на часы, он недовольно машет рукой, вытаскивает из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон и включает его. Почти сразу же тот звонит (точнее, грохочет какой-то песней – другой внук долго объяснял, что это за группа поет, но старикан все позабыл). «Да, привет. Извини, я зачитался! А? Все нормально, я в парке. Спасибо, спасибо! Вечером жду, да». Потом старикан внимательно читает стандартные сообщения, в которых говорится, кто ему звонил, пока телефон был выключен. «Ну, эти все перезвонят сами, сегодня можно, – довольно бормочет он, – а вот это кто? Не знаю». Он минуту думает, затем снова подносит телефон к глазам, находит нужный номер и жмет на зеленую кнопку. «Добрый день. Вы мне звонили? Это говорит професс...» Он прерывается, пару минут только слушает, ничего не говоря, и его брови недовольно поднимаются-опускаются, как лодка на волнах. «Барышня, вы прекрасно понимаете, что я не могу вам отказать, как, впрочем, и любой порядочный... Как, Ильин отказал? И этот? Да-а... Повторите, какая у вас тема... Теперь ясно. Ну, я в этом не совсем спец... Ладно, привозите. Сколько у меня времени? Хорошо. Успею. Привозите. Когда подъедете? Хорошо. Знаете рядом парк? Там у входа киоск «Мороженое», давайте у него, я как раз в парке сейчас».

Старикан встает и начинает в волнении ходить по аллеям – разговор его слегка взбудоражил. Но мысли о дипломе этой дуручки недолго владеют им, потому что сразу начинают поступать звонки – и от тех, кто уже пытался добраться до него, и от других. Но у них у всех одна и та же цель, и старикан степенно отвечает каждому: «Спасибо, очень приятно. Постараюсь, да!» Отвечать на поздравления ему вовсе не надоедает – он получает от этого удовольствие и даже пытается запомнить, кто дозвонился. Всю жизнь, еще сызмала, он хотел в каждый день рождения составлять такой список – чтобы знать, кого непременно в следующем году надо поздравить. Но, разумеется, так ни разу и не составил.

Первый вал звонков стихает и как раз подходит время встречи со студенткой. Она оказывается ничем не примечательной татаркой, растерянно лопочущей слова извинения из-за того, что «побеспокоила» и так далее. Старикан великодушно – настроение-то хорошее! – утешает ее, зная, что у него в руках мощнейший козырь, после которого она окончательно смешается. «Ничего, – он бросает быстрый взгляд на титульный лист диплома, – Венера, в день восьмидесятилетия даже приятно вновь ощутить себя настолько необходимым». – «А что, у вас сегодня день рождения?» – «Да, юбилей». – «Ой...» Но он не дает ей утонуть в смущении: «Значит, послезавтра звоните утром, как сегодня, я скажу, куда и когда заезжать за отзывом. Договорились?» Венера растерянно кивает и ретируется.

Он бы пошел домой – веселый, жизнелюбивый, сухонький старикан, вполне готовый даже слегка попрыгать на месте от прилива сил, если бы никто не заметил. По дороге еще несколько раз звонят с поздравлениями. Дома он кладет на рабочий стол газету и папку с дипломом. Очередной звонок – опять внук. «Дед, зайди в Интернет – тебе дядя Л. письмо написал». – «Да, хорошо...» – «Только не забудь!» – «Да не забуду я, прямо сейчас получу». – «И ответь!» – «Отвечу...» Он не собирался включать компьютер сегодня, но приходится – и правда, есть письмо от Л., а вместе с ним еще шесть штук, одно из которых

– мусор, а пять – по работе. Он решает всем ответить, раз уж так получилось, и это отнимает еще минут сорок. Дописав последнюю строчку, старикан осознает, что письмо от сына он пока что даже не прочитал. Щелкает мышью: «Дорогой отец! Поздравляю тебя с днем рождения. Я тебе позвоню вечером по московскому времени, как раз, когда мы проснемся. Но пишу сейчас, чтобы ты не подумал, что мы про тебя забыли. Прикрепляю фотографию, сделанную вчера – на ней мы в полном составе, кроме Дэвида – он снимает. Привет от всех». Старикан поспешно настукивает краткий ответ, в котором главная фраза – последняя: «Очень жду звонка». Отправляет письмо, после чего с облегчением закрывает крышку ноутбука. Он всегда жутко волнуется, когда пишет электронные письма. Ему не по себе оттого, что подобная переписка абсолютно исключает возможность исправления сделанного. Возврата нет. Бумажное письмо какое-то время после отправления можно вернуть – в крайнем случае, можно подежурить у почтового ящика, дожидаясь почтальона, и упросить его вернуть тебе конверт. Много лет назад у него был такой случай, и с тех пор он очень внимательно относится к эпистолярию. А в Интернете все не так – нажал на «отправить» – и все, через секунду адресат уже может прочитать, что ты написал. А вдруг ты в плохом настроении случайно брякнул что-то обидное? Может получиться конфуз. Как бы то ни было, на сегодня сеанс виртуальной связи завершен, что его очень радует.

Старикан вновь смотрит на часы – полдень. До прихода гостей еще пять часов. Еду готовить не надо – они все принесут с собой. Надо лишь расставить приборы, вытащить из «бара» спиртное и еще сходить за десертом – торт, слава небесам, они позволили ему купить за свои деньги и самостоятельно. Потом он задумывается, уместно ли в такой день посещать кладбище. Погода хорошая и на машине туда ехать недолго, минут тридцать, но он знает, что каждый раз его собственную реакцию от посещения родных предсказать невозможно – то он держится молодцом, а то сидит на скамеечке и два часа рыдает в голос. Пожалуй, сегодня лучше не рисковать. В компенсацию он позволяет себе посмотреть фотоальбом. Это тоже не самое легкое занятие, но, по крайней мере, он остается дома и в любой момент может переключить свое внимание на что-нибудь другое. Старикан достает старый бледно-зеленый альбом и открывает с самого начала. Родители. Дореволюционный снимок – да что там, позапрошлого века. Никакой революцией тогда и не пахло. Они познакомились в Швейцарии, где отец обучался медицине, а мама жила со своими родителями. Вот фотография, где они уже втроем, со старшим братом – в Харькове. А вот уже вчетвером, с ним. Ему на карточке лет семь, но он хорошо помнит тот день – отец пришел из больницы раньше запланированного и предложил пойти гулять, а по дороге им попался фотосалон (конечно, помещение вряд ли именовалось «салон», но его точное название забылось). Старикан в очередной раз думает о невероятном столкновении эпох – он только что получил электронное письмо с цифровой фотографией от своего сына из Канады, а перед глазами лежит снимок, сделанный в середине тридцатых, еще до войны. Смешно и больно, право слово.

В его воображении четко отпечатываются слова: «до войны». Он знает, какая фотография в альбоме следующая. Знает и боится ее. Поколебавшись немного, с надеждой покосившись на телефон – а ну, кто-то позвонит? будет очень кстати! – он переворачивает страницу. Брат в военной форме. Старикан помнит, что на обороте – дата. Четвертое ноября 1941 года. А через несколько дней брата не стало – они пали всей дивизией близ подмосковной деревни. Письмо с фотографией пришло уже после его смерти. Старикан всхлипывает. Ни одна потеря в жизни не ранила его сильнее этой – а потерять

ему довелось многих. Он редко рассказывает о брате, о своих отношениях с ним. Не потому, что рассказывать нечего или он плохо помнит – нет. Он не хочет делиться воспоминаниями, потому что боится их растронжировать, разменять, ведь никто из ныне живых не помнит его, брата, так что рассказы о погибшем родственнике вызовут в слушателях лишь вежливое внимание, но не сочувствие. Зато старикан еще в конце сороковых он записал в дневнике все, что смог вспомнить о нем. Вспоминал и фиксировал не один месяц – почти что год, старательно выскабливая каждый уголок памяти, чтобы ни один случай не остался без внимания. И примерно раз в десятилетие он перечитывал свои записи, изредка дополняя их, а пару раз – переписывая в другую тетрадь. Сейчас старикан думает, что надо бы свои заметки занести в компьютер... Он увлекается этой идеей, потому что мысль идет дальше – о переводе в электронный вид генеалогического древа, давно существующего на бумаге, но давно же требующего обновления и добавления фотографий, к примеру...

Старикан вздрагивает – прошло полтора часа, а он так и застрял на третьей странице альбома. Он захлопывает его, кладет на место и решительно проходит к холодильнику. Делает два бутерброда, запивает утренним холодным чаем и неспешно собирается в магазин за тортом.

И во второй раз он бы вышел сегодня из дома, однако держа путь в иную сторону, чем утром. В супермаркете такое обилие всего, что он, поразмыслив минуту, все же звонит по телефону: «Слушай, а Наташе и Андрею какой торт нравится? Тут с какими-то фруктами есть, а еще «Прага»... Да не «Прада», остряк, «Прага». Шоколадный такой! И еще куча. Они все едят? Аллергии нет? Выберу сам тогда. Ладно, понял. Жду». Шутка ли – младшие внуки придут, это ж ответственность какая! Нельзя подкачать. Они еще совсем маленькие и не очень понимают, что, в принципе, главный сегодня – дед. Они считают, что все внимание должно уделяться им. Поэтому старикан уже давно подготовил хорошие подарки для них, для Наташи и Андрея, чтобы они не остались разочарованными. Но и обидеть их нельзя, поэтому подарки – одинаковые. Точнее, похожие. Каждому полагается по одному диску с мультфильмом и одной игрушке. Старикан знает, кому какие нравятся, а мультики совсем новые, пару недель назад только вышли в прокат – он специально узнавал.

Одна из главных интриг дня – поздравит ли его жена. Бывшая, разумеется. Старикан очень хочет, чтобы она позвонила. Он сам звонит ей на все праздники, включая такие непривычные для людей его возраста и воспитания, как рождество и пасха. Но сегодня он не может набрать ее номер – это будет неправильно. Он думает о поздравлении бывшей жены с самого утра, но исподволь, краем сознания. Желание услышать ее голос отчетливо овладевает им, когда он возвращается из магазина, минут за пятнадцать до звонка – двадцать лет знакомства (хоть в браке и значительно меньше), и как следствие – способность угадывать мысли и намерения друг друга – не ликвидируешь раз и навсегда, в отличие от формального статуса. Она звонит, поздравляет его, и пусть ее слова стандартны и не очень сердечны, он совершенно успокаивается: о нем вспомнили все, кто нужно. Старикан как бы мимоходом предлагает: «Сегодня все придут, может, и ты заедешь?» – «Не знаю, стоит ли, ты же знаешь, какие у меня отношения с твоими сыновьями». – «У них нет ни малейших претензий к тебе». – «Да, но у меня есть к ним, и ты в курсе этого». – «Неужели ради меня нельзя забыть об этом один день в году?» Старикан говорит спокойно, потому что ее реакцию он знал заранее, но предполагает все-таки настоять на своем. «Ты же не запретишь им говорить о твоей первой жене. А я этого слышать не могу». – «Я попрошу их ради меня не говорить о ней. Они согласятся. А ты приходи». Она отнекивается, но в итоге соглашается.

«Я приду, но совсем ненадолго. К какому часу ты всех собираешь?» Старикан обрадованно благодарит и рассказывает подробности.

Остается час. Он вытаскивает на центр стол, стелит скатерть, достает посуду. Да, нелегко было тридцать лет назад – очень неприятно разводиться из-за намерения создать другую семью. Особенно – в те годы. А учитывая, что его второй жене было столько же, сколько сыновьям, ситуация осложнялась почти до предела. Но он справился, хотя в итоге и со второй развелся, причем довольно скоро – через пять лет. Зато у них успел родиться ребенок – его третий сын. С той же силой, с которой она любила своего ребенка, она терпеть не могла его старших детей. И, что парадоксально, ее неприязнь к ним после смерти их матери, его первой жены, лишь усилилась. Старикан соврал, когда говорил об отсутствии претензий со стороны старших – они ей платили тем же и старались избегать малейшего контакта с ней (к счастью, на младшего брата это не распространялось). Но волю отца уважали и при нем никогда не выпускали свои чувства наружу. А младший, окончив институт, сразу же уехал в Канаду и уже лет десять живет там. Получил гражданство, женился, то-се... Так и получилось, что старикан давным-давно один, что, впрочем, его нисколько не тяготит. У него очень много дел – надо всем звонить, писать, докладывать о своем самочувствии, спрашивать о житье-бытье сыновей, их жен, детей (средний лишь на пороге полтинника обзавелся семьей и потомством), а ведь существуют и другие родственники, а также друзья. Кстати, ведь еще есть работа, как же он про работу забыл!

Старикан считает себя счастливым человеком. Он сидит на кухне, предвкушая сегодняшний праздник. Все будет спокойно (если только Наташа и Андрей не расшумятся), как он любит. Они не очень долго посидят, поразговаривают о его жизни, скорее всего, попросят его что-нибудь рассказать. Он по традиции скажет тост о каждом из пришедших. Может, как раз в это время позвонит младший – было бы замечательно, но тут уж не угадаешь, когда он проснется.

Он бы сидел сегодня, бесцельно включив телевизор, в большой комнате – милый, родной старикан, одетый по-праздничному – другой, «выходной», костюм, светло-серая рубашка и галстук известной марки (подарок старшего внука). Сидел бы старикан на диване и ждал бы нас. А потом бы мы пришли, все вместе – веселая толпа его, старикана, детей, невесток и внуков. Сразу за нами пришла бы его вторая жена – и никакой неловкости не было бы в помине – в такой-то день! Мы бы стали быстро расставлять на столе салаты и прочую еду, открывать бутылки и рассаживаться. И долго мы говорили бы о старикане, о его замечательном пути, и желали бы ему здоровья и еще долгих-долгих лет...

...Утро. Я, словно в телевизор, смотрю за окно – там, как всегда, показывают суету студентов и неформалов на Куин-стрит. Я пять минут назад пришел на работу. Здесь день только начинается. А там скоро закончится. Тот самый день. Очень хочется снять трубку, набрать номер и поздравить его с днем рождения. Но нельзя – звонить уже некому. Уже давно некому. Невозможно давно. И смириться с этим так же сложно, как и поверить в то, что один из нас уже старше него, а скоро и второй нагонит, а там, глядишь, и до меня дойдет очередь.

Маржан Дикаева

Родилась в селе Валерик Ачхой-Мартановского района ЧИАССР. В 1982 г. окончила медсестринское отделение Республиканского медицинского училища. В 1989 г. окончила химико-биологический факультет ЧИГУ. С 1982 г. работала медсестрой в Республиканском онкологическом диспансере. С 1989 г. – врачом-лаборантом цитологической лаборатории. Пишет стихотворения и рассказы.

Деба

Рассказ

Август. Село, расположившееся у подножия гор. Небольшой саманный домик, чисто выбеленный, с пристроенным к нему навесом. Раннее утро. Арби дремлет, уютно закутавшись в теплое одеяло, сшитое для него заботливой бабушкой. Сквозь сон слышно, как за стенкой, в сарае, шумно дышит Деба – рыжая корова с белыми пятнами, их с дедом любимица. Вставать Арби очень не хочется, но он знает, что пора. Дед Шама, совершив намаз, уже сидит за низким столиком. Вкусно пахнет свежеиспеченным чуреком – мать давно на ногах. Арби, резко откинув одеяло, вскочил, и его тут же окутало прохладным воздухом, как окатило холодной водой. Побежал к рукомойнику, наспех умывшись, поздоровался и сел рядом с дедом, как старший в семье – отец Арби погиб полгода назад. Мама пошла доить Дебу. Бабушка разлила ароматный калмыцкий чай, разломил чурек, подала творог со сметаной. Перекусив, дед и внук отправились сопровождать Дебу на выпас – ежедневный ритуал утром выгонять и вечером встречать вдвоем Дебу.

В комнате захныкала семимесячная Айшат. Арби побежал ее покачать до прихода мамы. Малышка встретила его улыбкой, обнажив два острых, сахарно белых зубика. Он развязал поручни и вынул девочку из люльки. Айшат сразу успокоилась, глядя на Арби черными глазенками, в которых еще поблескивали слезинки... Зашла мама, и Арби побежал догонять деда.

Переделав все свои дневные обязанности, Арби побежал на полянку за селом, приспособленную под футбольное поле. Сегодня они с ребятами будут играть новым настоящим кожаным мячом, привезенным отцом Мурада из города.

На футбольном поле дети носились долго, с упоением, отстаивая до хрипоты каждый забитый мяч. Время пролетело быстро. Арби, потный и разгоряченный, совсем забыл о просьбе деда – встретить Дебу самостоятельно, так как он отлучился по своим делам в соседнее село. Опомился Арби только тогда, когда услышал дружное мычание возвращающегося домой стада – его гнал сельский пастух Анди.

Деба была корова своенравная, она никогда не приходила домой, а, как первооткрыватель, должна была изучить все близлежащие поляны, канавы и водоемы. Эта ее особенность хорошо была известна и деду, и Арби, поэтому ее нужно было встречать далеко за селом. Арби побежал к стаду, но, как он и предполагал, Дебы там не было. Он оббежал, обследовал все известные ему любимые места Дебы. Корова как сквозь землю провалилась. Сердце Арби тревожно екнуло. Небо затянуло облаками, и к вечеру полил дождь. Ребята вместе с Арби обыскали все окрестности – тщетно.

Лейла, держа Айшат на руках, давно поджидала мальчика у калитки. Наконец она увидела его – мокрого, измазанного глиной, идущего с опущенной головой.

Она все поняла. «Подержи девочку, – ровным голосом сказала мать. – Пойду, скажу Ваши¹».

Ваши – старший брат отца – главный авторитет после деда и бабушки. Арби присел на скамейку рядом с калиткой. Айшат, уткнувшись пухлой щечкой в его плечо, заснула. Арби зашел в дом, уложил девочку в кроватку, стал ждать маму.

Ваши с товарищами искали долго – до глубокой ночи и на следующий день с раннего утра, но Деба так и не нашлась. «Не переживай, – сказал Ваши и взъерошил светлые волосы Арби, – мы другую купим».

Дед должен был вернуться к обеду. Арби не находил себе места – он впервые не выполнил дедову просьбу, подвел его. Прячась в укромные места, Арби тихонько плакал, вытирая слезы рукавом старенькой рубашки, злясь на себя за эту слабость.

Шама, как его ждали, приехал к обеду. Семья собралась за столом. Мама подала большое блюдо с галушками и сочными кусками баранины, разлила по пиалкам чесночный соус. Ели молча, никто не упрекнул Арби – ни дед, ни бабушка, ни мама. От этого Арби чувствовал себя еще больше виноватым. Лучше бы его отругали!

После обеда дед с внуком прибрались в сарае, и без того чистом. Арби подмел дощатый пол, вынес стебли кукурузы к стогу, стоящему в огороде. Они накрыли стог старой клеенкой, привязав к ее концам тяжелые камни – кормить уже было некого.

Отказавшись от ужина, Арби рано лег спать. Они с дедом до холодов спали под навесом, поэтому мальчик никогда не простывал, рос здоровым. Дед лег чуть позже. Лежа на боку, он слышал, как беспокойно ерзал Арби. Наконец внук уснул. Дед долго лежал с открытыми глазами, думал о судьбе мальчика, о том, что нелегко быть старшим в семье, быть опорой для матери и сестры, просил Аллаха дать здоровья себе и бабушке, чтобы быть Арби помощниками.

На следующий год, весной, Ваши, как и обещал, привел полуторагодовалую телку, такую же как Деба – рыжую, с белыми пятнами. «Смотри, эту не потеряй!» – сказал он, весело подмигнув мальчику.

Много лет спустя, стоя у постели умирающего деда, Арби просил прощения за свою детскую оплошность и получил его с наставлениями на будущую жизнь. Эти дедовы заветы стали мерилom в его жизни и жизни его детей.

¹ Ваши (чеч.) – дядя.

Мовла Гайраханов**Бата**

Рассказ

Широкая казахская степь лежала под толстым слоем белого снега, и хотя апрель уже вступил в свои права, зимний ветер по-прежнему разносил снежные вихри по бескрайним просторам.

Бата стоял у края глубокой могилы и невидящим взглядом уставился в мерзлые комки желтой степной глины. С раннего утра в эту чужую для себя землю вгрызались его полуголодные родственники, она приходилась мачехой не только для живых, но и для мертвых. Чтобы похоронить в этой земле покойника, людям приходилось затрачивать неимоверные усилия, и оттого она становилась еще более чуждой для переселенцев с Кавказа.

Сегодня эта могила должна была стать местом последнего приюта для его жены, матери трех малолетних сыновей. Хрупкая женщина не вынесла тяжести испытаний, выпавших на долю всего чеченского рода. Она одна из первых выселенцев покинула этот свет, чтобы освободиться от бремени грешного мира.

Мужчины молча работали лопатами и боялись подобной участи – быть похороненными в чужой земле.

Заунывное пение «Ясина» – заупокойной молитвы мусульман – гармонично сливалось со звуками степного ветра и растворялось в снежной дали. Мысли уносились в прошлое, и только они, мысли, могли свободно возвращаться на Родину, и никакие кордоны НКВД не могли этому воспрепятствовать...

Мысли Баты в этот скорбный для него час находились в Чечне. Их маленький глинобитный домик, покрытый камышом, скрывался в тени большого тутовника. Отец любил сидеть под этим деревом и, перебирая четки, возносить молитвы Всевышнему Аллаху. Их небольшое село, расположенное на берегу буйного Терека, часто подвергалось нападениям. И тогда мужчины брали в руки оружие и шли защищать свои дома. Плата за возможность жить в этом благодатном краю была непомерно высока. Но предки на протяжении веков готовы были платить своими жизнями за то, чтобы жить и умирать в родном краю. Они не строили больших домов, не искали богатств и денег. Хорошее оружие и добрый конь составляли все богатство чеченца. Суровый быт воинов требовал аскетизма во всем, презрение к собственной жизни стало законом жизни, и потому не щадили и жизнью многочисленных врагов.

Много раз жителям приходилось покидать родное село и уходить в горы, чтобы там, под снежными вершинами и в глубоких ущельях, давать достойный отпор несметным полчищам врагов. Но когда опасность отступала, они вновь возвращались в эти места, к могилам предков...

Ровно одиннадцать лет назад глубокой ночью представители новой власти, чекисты, окружили его дом и забрали отца. В ту ночь сотни односельчан были погружены на подводы и увезены на железнодорожную станцию за Терек, откуда их в вагонах повезли в Грозный. Тогда тоже был апрель, но на Кавказе этот месяц пахнет сиренью и акацией и нежная зеленая трава покрывает собой землю.

Высокий, стройный и сильный отец безропотно пошел с людьми, которые пришли его забирать. Пошел только потому, что хотел уберечь семью, ибо хорошо знал повадки тех, кто стучался в двери глубокой ночью. Испуганная мать стояла в углу, прикрывая лицо краем платка. Двое сыновей-подростков

были готовы умереть за отца на этом пороге, но его требовательный взгляд заставлял их стоять и смотреть, как уводят в темноту безжалостной ночи самого близкого человека.

С тех пор прошло одиннадцать лет, но Бата запомнил этот миг на всю свою жизнь. Тогда отец сказал ему: «Теперь ты отвечаешь за семью, будь настоящим мужчиной», и юноша старался выполнить последнюю его волю – быть достойным сыном своего отца.

Целый месяц он делал все, чтобы спасти его жизнь. Была собрана приличная сумма денег для алчных чекистов, но эти люди также хорошо знали нравы тех, с кем имели дело. Даже безжизненное тело чеченца имело свою немалую цену, и поэтому за убийства в «ЧК» получали, кроме зарплаты, еще и мзду с родственников убитых.

Ровно через месяц после этой страшной ночи Бата отдал все деньги за то, что ему укажут место, где похоронен его отец. Тогда на окраине города выросло целое кладбище расстрелянных людей. Глубокой ночью он раскопал указанную могилу, но в ней оказался незнакомый ему человек. Тогда он раскопал соседнюю могилу, но опять неудачно. Так он трудился до самого рассвета. В последней раскопанной могиле он нашел труп односельчанина и отвез на подводе его тело домой.

Чекисты не имели совести, забрав деньги, они обманули его. Тогда Бата не сумел найти останки своего отца, но он сумел остаться верным отцовскому завещанию. Увы, на родовом кладбище никогда не будет отцовской могилы, и в Судный день он встанет в другом месте, но Бата сумел дать другим людям то, чего не имел сам.

Тогда он был очень молод, но Бог дал ему терпения и мужества, чтобы пройти сквозь тяжкие испытания. Будучи на Родине, он лишился самого святого для всех чеченцев места – могилы родного отца, сегодня же, будучи зрелым мужчиной, он стоял у могилы жены, но уже не имел Отчизны.

Бата был убежден, что Всевышний Аллах вернет его народ на родную чеченскую землю и уже его сыновья не будут иметь возможности приходить к могиле матери.

К власти в этой стране пришли люди, которые отбирали у людей не только жизни, но и могилы предков. Такое варварство могло придти в голову только одному дьяволу, и потому Бата относился к представителям этой власти, как к слугам дьявола.

Мулла читал свою заунывную молитву, напоминающую о бренности всего сущего, молитва напоминала о том, что венцом всякой жизни является смерть, и каждый из живущих существ должен вкусить ее горечь.

Бата рано остался без отца, и хотя он был частью своего рода, ему всегда не хватало его. Он постоянно старался во всем походить на него: походкой, манерами, разговором и даже образом мышления. Каждый свой поступок он мерил той оценкой, которую мог дать отец. И если в его жизни происходило что-нибудь такое, что могло отцу не понравиться, Бата замыкался в себе и становился мрачным и нелюдимым.

Сегодня в его семью пришла страшная беда, ушла из жизни мать его трех малолетних сыновей. Он сам испытал на себе сиротскую долю и знал, что это такое. Теперь эта участь выпала его детям. Однако Бата был уверен, что на все воля Бога, ни один из стоящих на похоронах людей не мог его упрекнуть в слабости или малодушии.

Его сердце превратилось в камень в ту черную ночь, когда он вглядывался в лица раскопанных им из могил мертвецов. Он не боялся их, ибо каждый из них, возможно, еще вчера стоял в одной шеренге с его отцом, когда безжалостный свинец из маузеров оборвал их жизни. Все они были ему родными и близкими, потому что разделили судьбу его отца. Очищая их лица от прилипшей вместе с кровью земли, Бата читал над ними «Ясин», последнюю молитву мусульман, читал с сыновней любовью, потому что знал, что их сыновьям такое право уже

не дано. Однако могил было много, очень много. Казалось, одной человеческой жизни было мало, чтобы всех убитых предать земле по мусульманским обычаям. Вокруг было так много горя, что сердце человека не было способно его вместить, и тогда оно окаменело и стало тверже железа. Он на рассвете ушел из этого места, как и обещал, но там, увы, остались его юность и мечты. Бата не помнил, как его лошадь добралась до Терского хребта, сам он шел рядом с арбой, на которой лежало тело его расстрелянного односельчанина. Бата накрыл его черной буркой, скрип деревянных колес арбы усилился на подъеме, и этот звук вернул его к действительности.

Весеннее солнце уже выглянуло из-за горизонта и согревало землю своими теплыми лучами. Дорога петляла по Терскому хребту, весеннее разнотравье разносило душистый аромат по всей округе. Чего человеку не хватает в этом мире, почему он убивает себе подобных, убивает методично, присвоив себе право безжалостно карать других людей?

Запахи весны уже не волновали душу юноши, пение птиц не ласкало слух. Перейдя через хребет, он специально выбирал малолюдные дороги, и его лошадь спокойной поступью вступила в село, когда на улице уже начало темнеть.

Обогнув село, Бата подъехал к его дальней окраине и остановился возле дома того, кто лежал на его арбе, лежал безмолвный и равнодушный ко всем земным заботам.

Пожалуй, в любом другом случае смерть близкого и любимого человека вызвала бы чувство неимоверной печали, и всякий человек, принесший известие о гибели родственника, выглядел бы недобрый вестником. В данном же случае появление Баты, который, позвав хозяина дома, прочитал молитву по усопшему и попросил открыть ворота, чтобы занести его тело, стал сродни явлению небесного ангела.

До людей доходили слухи о жестокой участи, постигшей их родственников, многие потеряли надежду получить хотя бы их останки, и вот в этом доме появился человек, который совершенно безвозмездно исполнил их самое сокровенное желание – похоронить по обычаям предков на родовом кладбище близкого человека.

За подобное «счастье» Бата отдал бы все на свете, но судьба не дала ему такой возможности, и ему пришлось с этим смириться. И только то, что он сумел другим людям подарить недостижимое для него счастье, в какой-то мере глушило пожар, который горел в его собственной душе.

Новая власть не могла ему простить подобного «благородства». Дарить, продавать или отнимать счастье было только ее прерогативой. Тех, кто вольно или невольно замахивался на это право, ждала неминуемая расправа.

Тогда Бата сумел перехитрить представителей ЧК. Он забрал своих домочадцев и исчез из села. За Сунжей жили его дальние родственники, которые и приютили его с семьей.

Однако власть не собиралась прощать нанесенных ей обид. И так как таких, как он, не способных стать стадом покорных рабов, было много на этой земле, весь народ в один день выслали в бескрайние степи Казахстана...

Снежный ветер безжалостно бил в лицо, злая, беспощадно-холодная зима властвовала над бескрайней степью. Бата понимал, что людей нужно быстрее отпускать в свои бараки, но старый мулла не хотел нарушать вековой обряд, каждая молитва имела свое значение и смысл. Посиневшие губы шептали суры из Корана, люди, воздев к небу промерзшие насквозь руки, повторяли «аминь».

В доме вместе с бабушкой находились полуголодные дети, которые еще не постигли всей глубины постигшей их беды. Малыши верили, что мать вернется, приласкает и накормит их. Нани должна обязательно вернуться, потому что не может бросить их, каждый скрип двери привлекал их внимание, но приходили чужие женщины, которые, прикрыв свои лица краем платка, тихо плакали в унисон ветру, завывающему за стенами деревянного барака. Каждая

из них сопереживала не только чужому горю, но и изливала муки своей души, лишенной Родины...

Группа чеченцев шла из снежной степи в сторону бараков. Впереди степенно шел старый мулла, все остальные почтительно шли за ним, отдавая дань уважения его старости и мудрости.

Плохо одетые, замерзшие люди шли, исполнив свой долг, предав земле соплеменницу в соответствии с требованиями Веры и обычаями предков.

Жители поселка выглядывали через окна своих домов, изумленные силой духа чеченцев. Простояв несколько часов на морозе под обжигающим ледяным ветром, они медленно следовали за своими старцами, не замечая силу разбушевавшейся стихии...

...Пройдут годы, и Бата покинет этот бренный мир. Всю свою жизнь он будет помнить наказ отца быть достойным сыном своего народа. Его останки будут похоронены в родной земле, и рядом с его надгробным камнем его сыновья поставят надгробный камень и для своей матери, которая осталась лежать в холодной казахской степи под Карагандой.

Осень

Рассказ

Хмурые облака с утра заволокли небо. Этот осенний день позднего октября в прямом смысле этого слова можно было назвать серым. Печальное небо как бы застыло в раздумье, не зная, пролиться ему унылым дождем или замереть в своей нескончаемой грусти над земной гладью. Холодный порывистый ветер, под стать серому небу, то прокатывался по верхушкам деревьев, то замирал в почтении перед увядающей осенью.

В такие дни люди, как правило, редко смеются. Мир в очередной раз напоминает им о бренности всего сущего, и многие понимают, что они также увянут и уйдут в бесконечное прошлое, как эта осень. В такие дни хочется запереться в своей комнате и, укутавшись в теплое одеяло, остаться наедине со своими мыслями. Необходимость заниматься чем-либо или слушать кого-то становится нудной обязанностью, мешающей внутреннему самосозерцанию.

В моей голове, как и на улице, торжествовала осень. Мне ужасно не хотелось выходить из дому. Дела, которыми я раньше занимался с большим интересом, теперь казались никчемными и суетными перед надвигающейся на каждого человека неизбежностью. Я начинал остро ощущать, что этот мир не стоит того, чтоб перед ним прогибаться и желать чего-либо большего, чем имеешь на данный момент.

Однако человеческое тело – это сосуд бесконечных желаний, и зачастую оно подчиняет себе сознание, невзирая на то, что ни один человек не знает своего срока пребывания на этой земле.

В этот день я искренне не хотел идти на работу и понимал, что со своей хандрой не изменю наш мир к лучшему. Холодный неуютный кабинет никак не среагировал на мое появление. В разное время разные люди работали в нем, однако он всегда оставался равнодушным к своим обитателям. Я был уверен в том, что если даже я исчезну из него навсегда, он не испытает никаких чувств. Поэтому мы всегда с ним были безразличны друг к другу.

Этот хмурый осенний день так бы и растворился в череде других обычных дней, если бы не одно обстоятельство. После полудня через проходную провели пожилого человека в наручниках. Его толстое, одутловатое лицо было красным от напряжения, взгляд маленьких колючих глаз бегал по стенам, демонстрируя все смятение, царившее в его голове. Чуть позже я узнал причину его задержания. В нашей беседе он старался сделать свой голос мягким и мотивировал свои сделки с наркотиками тяжелыми жизненными обстоятельствами, навалившимися на него в одночасье. Однако его колючие

бегающие глаза выдавали в нем натуру жесткую и беспощадную. В его жизни действительно было много трагичного, но кто в нынешние времена мог похвастаться тем, что его обошли беды, накатившие на эту землю?!

Этот немолодой мужчина, отец семейства, пристрастился к героину уже в том возрасте, когда меньше всего приходится думать о себе и больше заботиться о тех, кто зависит от тебя, то есть о своих родителях и детях.

В данном случае причиной зависимости от героина и, как следствие этого, торговли этим тяжелым наркотиком стала давняя привычка «баловаться» марихуаной. Переход от одного вида наркотика к другому, более дорогому, быстро привел к полной зависимости и материальному краху. Чтобы добыть себе средства на дозу, пришлось заняться наркоторговлей. К бедам семьи добавилась еще одна, на этот раз не только тяжкая, но и несущая позор и бесчестье.

К моему удивлению, этот «гость» оказался не единственным, доставленным в этот день за торговлю наркотиками. В соседней комнате сидел его «подельник» в возрасте далеко за сорок лет. Его мертвый взгляд выдавал наркомана с большим стажем. Он находился в таком состоянии, что было очевидно: этот человек не питает никаких иллюзий насчет своего будущего и понимает, насколько серьезно попал в зависимость от наркотиков. Безразличным и монотонным голосом он рассказывал о своей пятнадцатилетней «карьере» наркомана. С той поры, как он решил попробовать предложенный в компании знакомых героин, его жизнь круто изменилась. Имея хорошую рабочую специальность и опыт тридцати лет жизни, он все же сделал роковой шаг, будучи уверенным, что это всего лишь простое удовлетворение любопытства и испытание новых ощущений.

Впрочем, его лицо еще сохраняло следы бывшего порядочного человека, хотя наркотики убивают в первую очередь в людях именно это качество.

Стены «оперских» кабинетов уже пропитались аурой сотен и тысяч сломанных судеб людей, ставших заложниками наркотиков. Эти стены равнодушно встречали очередных «гостей», чтобы, проведив их по накатанной дорожке к приговору суда, встретить своим безразличием новых «гостей».

Хмурый осенний день незаметно накрыло темнотой надвигающейся ночи. В какой-то момент я понял, что общение с наркоманами что-то переменяло в моем сознании. Я уже не ощущал так остро никчемность и суетность своего бытия. Если отбросить все остальные интересы, в этом мире жили близкие мне люди, которые нуждались во мне и любили меня так же, как и я любил их.

Эти два человека поступили очень подло, разменяв свою любовь к родителям и детям на наркотики. Они не только сгубили свои жизни и души, но и отравили жизни родных им людей.

Я, как и все живущие на свете люди, не мог предвидеть свою судьбу, но мне очень не хотелось бы, чтобы кто-либо, в том числе и я, повторил судьбы своих собеседников. Уныние, царившее в моей душе, уступило место мыслям о необходимости прожить жизнь так, чтобы она имела смысл.

Чеченские старики говорят, что творить зло нетрудно, трудно делать добро. Многие люди на этой земле выбирают легкие пути жизни. Наверное, моя душа не хотела, чтобы я выбирал эти пути, и трудности, которых я избегал в жизни, возникли внутри меня.

Утро следующего дня встретило меня ослепительными лучами теплого осеннего солнца. Лесной орех, раскинувший свои ветви под моим окном, с грустью расставался со своими листьями, однако, как мне показалось, в преддверии наступающей зимы он был безумно рад тому, что детишки имеют возможность лакомиться его плодами.

Отряд «Юный спецназовец»

Очерк

1

Первые лучи солнца рассеяли синеву предрассветной темени, и в кубриках властный голос объявил «Подъем!»

Мальчишки, курсанты отряда «Юный спецназовец», нехотя стали подниматься с теплых постелей. Командир взвода голосом, не допускающим возражений, подгонял мальчишек на построение.

Перед входом в здание стали собираться нестройные колонны самых исполнительных курсантов, ленивые же старались оттянуть неизбежный выход в холодную свежесть августовского утра.

Несмотря на короткий недельный период сбора отряда «ЮС-2», его курсанты научились в течение пяти-десяти минут одеваться и строиться повзводно в колонну для утренней пробежки и зарядки.

После зарядки курсанты шли заправлять постели, умываться, а затем наступало время «утренней прогулки», то есть маршировки по плацу до завтрака.

Время завтрака – самое любимое время любого курсанта, потому что молодой организм, переносящий физические нагрузки, требует пищи.

Мальчишки быстро орудовали вилками и ложками, еда, приготовленная искусными поварами, не вызвала ни у кого нареканий. В первые минуты завтрака в столовой устанавливалась тишина, нарушаемая только звоном вилок и ложек. Затем начиналось гудение, которое плавно переходило в большой гул. Это было верным признаком того, что мальчишки наелись и их надо выводить на улицу. Полчаса личного времени было маленькой поблажкой перед трудовым днем, который вмещал в себя тяжесть армейских будней, экскурсию, встречу и беседу с интересными и известными людьми.

В первые дни строй мальчишек походил на развевающийся на ветру стяг, однако уже на третий день каждый из четырех взводов стремился стать лучшим, и первым показателем в этом деле являлся именно строй.

Я вглядывался в лица своих мальчишек, у многих из них за плечами была тяжелая доля, судьба жестоко ударила по ним в самом начале их жизненного пути. Некоторые из наших мальчишек были полными сиротами, некоторые потеряли одного из родителей, были и те, которые ютились в пунктах временного проживания.

Война оставила в душе каждого из них свой след, нанесла урон их психике, они росли в условиях, когда нормальные человеческие законы отступали на задний план. И в этом не было их вины, в этом была их беда.

Многие из них росли по законам «улицы», которые диктовали свои критерии выживания в условиях войны. На войне доминирует право сильного, эти мальчишки были осведомлены об этом лучше других. В их детской жизни школьная пора прерывалась войной, не было кружков и секций, походов с мамами и папами в зоопарк или цирк. Им приходилось темными ночами вслушиваться в грохот разрывающихся снарядов и бомб, они научились различать звуки выстрелов из разных видов стрелкового оружия, они не понаслышке знали, что значит переносить холод и голод. У каждого из них была своя история, когда они попадали под обстрелы, бомбежки, зачистки. Некоторые на всю свою жизнь запомнили истории гибели своих родителей.

Для многих из этих ребят человек в форме не ассоциировался с защитником, наоборот, в их детской жизни появление людей в пятнистой форме и с оружием в руках приводило к большой беде.

Перед нами стояла задача за короткий период вернуть этим ребятам веру в

справедливость, надежду, что в их жизни все наладится, уверенность, что эти мальчишки нужны своему народу, своей стране.

Нам искренне хотелось в меру своих сил и возможностей восполнить тот пробел детства, которого они были лишены.

2

Слова для наших мальчишек мало что значат, они привыкли судить о других по их делам, все они тонко разбираются в людях, излишняя доброта ими воспринимается как слабость духа, чрезмерная строгость – как желание их унижить. Среди наших ребят есть и те, которые переходили грань закона, но мы не можем их строго судить за это. Мальчишки выживали, как могли, и не всегда свой кусок хлеба им приходилось добывать честным путем.

Каждый человек воспринимает происходящее вокруг через призму детских воспоминаний, характер человека формируется в самом начале жизненного пути.

Наш мир встретил этих мальчишек не самым лучшим образом. Все, что происходит вокруг них, они воспринимают скептически, ждут подвоха или обмана.

В первый день сбора отряда «Юный спецназовец» я растерялся, мне показалось, что за неделю мы ничего не исправим. Недоверчивые взгляды ребят внушали мало оптимизма, не верилось, что нам, командирам, удастся наладить контакт с ними.

Пройдет всего неделя, и эти мальчишки будут для нас так же близки, как наши собственные дети, они будут звонить нам, рассказывать о своих проблемах, просить совета и приходиться в гости.

Конечно, нам не удастся «расшевелить» всех ребят. Кто-то так же будет убежать из дому, и их близкие будут звонить нам, людям, которым не безразлична судьба этих детей, кто-то – не слушаться бабушек и дедушек, на попечении которых они остались, кто-то будет продолжать «бузить» в школах, а некоторые так и не узнают, что такое каждое утро входить в класс. Но когда мы, их командиры, начинаем «встревать» в эти негативные процессы, они виновато опускают головы. Они могут себе позволить пререкаться с родственниками, но никогда не позволяют себе этого в отношении нас. За неделю, проведенную в отряде, мы стали для них непререкаемыми авторитетами. Кроме того, отряд дал возможность узнать друг друга ближе, наша «армейская» дружба сильнее условностей и законов «улиц». В первые дни, когда между мальчишками возникали ссоры, мы не просто пресекали конфликты, но и обсуждали вместе с участниками и их друзьями причины их возникновения. В итоге выяснялось, что серьезных поводов для вражды не было. В конце разбирательства устраивался процесс «дружеского рукопожатия». Нарушение такого пакта командирами преподносилось, как неспособность сдержать свое слово, и у нас не было ни одного случая в отряде, когда нарушалось такое «мировое соглашение».

Во время наших разбирательств выяснилось, что основной причиной возникновения конфликтов становились обидные прозвища.

В середине недели мы все пришли к общему выводу, что ребята будут называть друг друга только по именам. Те, кто поступал иначе, останавливались самими мальчишками.

Таким образом, потихоньку внутри отряда устанавливались свои правила. Вопросы взаимовыручки и поддержки малых и слабых культивировались всеми командирами. Эти ребята привыкли жить по законам «стаи», когда всеми верховодит самый сильный и дерзкий. Здесь же были другие правила, все мы были сильны дружкой, единением, любыми раздорами ослабляли коллектив, перед которым стояли одинаковые цели.

Некоторые наши мальчишки потихоньку курили. В отряде на курение был наложен жесткий запрет. Тех, кто нарушал его, ждала неминуемая «расплата».

Виновный со шваброй в руках начинал наводить порядок в помещениях отряда. Кроме «силового» воздействия, с любителями табака проводилась и разъяснительная работа. Также командиры отряда не позволяли себе курить при курсантах.

Итогом такой нашей работы стало то, что при закрытии отряда несколько мальчишек дали слово, что никогда больше курить не будут. И это было не просто пустым обещанием, это было осознанное решение ребят. Я вглядывался в лица своих мальчишек и был уверен, что они не подведут. Сигарета в их жизни многое значила, она давала возможность почувствовать себя взрослыми, мальчишки становились частью того круга «улицы», который доминировал во всем.

Бросив курить, они переставали следовать правилам тех, кто оказывал влияние на их мировоззрение. Аргументам в пользу курения они могли противопоставить свои доводы, а для этого нужно было иметь достаточно мужества.

3

Каждый день в программе лагеря предусмотрены различные мероприятия, в том числе и экскурсии. В отряде было много сельских мальчишек, которые дальше райцентра никуда не выезжали. Для них такие походы дают массу новых впечатлений. Самым возбуждающим для всех мероприятием является экскурсия в детский парк отдыха. Пятнадцатилетние пацаны впервые в своей жизни катаются на каруселях и не могут скрыть своих эмоций. Эмоции перехлестывают через край, прохожие с недоумением наблюдают, как мальчишки в военной форме орут, визжат, как маленькие дети. Они попадают в детство, которого у них не было. Качели, карусели, мороженое, смех и радость прошли мимо них. Мы, командиры и воспитатели, бессильно опустив руки, молча наблюдаем, как наши мальчишки резвятся, танцуют зажигательную лезгинку. Наша строгость куда-то исчезла, мы пытаемся скрыть свое волнение, но оно читается на наших лицах. Мы никого не сдерживаем и не останавливаем, теплый летний дождик слезинками стекает с наших лиц. Даже синее небо не в силах удержать свои слезы, видя такую картину.

Все хорошее когда-то заканчивается, мы строим мальчишек повзводно, нам очень тяжело их успокоить, им тоже нелегко возвращаться из детства, которого у них не было.

Плац военного комиссариата возвращает всех к действительности. Строевая подготовка – обязательный атрибут военной жизни, и эта истина уже дошла до ума каждого курсанта. Детство кончается там, где начинается плац, все разговоры и вольности запрещены, все действия строго подчинены приказам командиров.

Невооруженному взгляду покажется, что ничего вокруг не изменилось, тот же строй, те же лица, но внутри каждого из нас произошли перемены. Мы по-новому смотрим на своих мальчишек, они по-другому смотрят на этот мир.

Еще час назад они видели на наших лицах растерянность и бессилие и понимали, что каждый из нас чувствовал свою вину за то, что у них отняли детство.

На другой день у нас был предусмотрен поход в кадетский корпус.

Выйдя из автобусов, наши мальчишки быстро строятся повзводно. Им хочется блеснуть своим умением перед кадетами. После воинского приветствия нас приглашают на территорию корпуса. Кадеты проходят строем перед нами, и мальчишки видят, каким должен быть настоящий строй. Кадеты – это нечто целое, единый механизм, строго отлаженный и динамичный. Такое зрелище приходилось наблюдать не каждому, ежедневные многочасовые строевые занятия сделали из кадетов настоящих солдат.

Кадеты дисциплинированы и немногословны, суровый воинский быт

наложил свой отпечаток на их характер.

Следующим в нашем распорядке является преодоление полосы препятствий – сложного сооружения, которое не каждый взрослый мужчина сможет преодолеть.

Наши мальчишки просят пустить их по полосе вместе с кадетами. Мы понимаем, что это авантюра, но наш «спецназ» настойчив. И тогда мы принимаем компромиссное решение, что с кадетом побежит наш спортсмен, мальчишка из детско-юношеской спортивной школы.

Конечно, кадет оказался вне досягаемости, но даже командиры кадетского корпуса были удивлены, насколько хорошо наш мальчишка преодолел полосу с первого раза.

Дальше были показательные выступления по рукопашному бою. Кадеты замечательно владеют приемами этого вида единоборств, но в схватках по вольной борьбе наши спецназовцы тоже блеснули настоящим мастерством.

В отряде было несколько десятков спортсменов, которые серьезно занимаются вольной борьбой. Мы специально пригласили этих ребят в лагерь, чтобы они могли подружиться и вовлечь в свои секции тех, кто остался на попечении «улиц».

Каждая секция – это братство, где ребята не просто занимаются спортом, но создают свой круг общения. Чтобы остаться в секции, необходимо подтянуться в учебе, и в этом вопросе все стараются помочь друг другу.

Во время одной показательной схватки наш «юный спецназовец» неосторожно пошел вперед, и удар ногой «вертушкой» пришелся ему по лицу. Мальчишка упал, но, снова приняв боевую стойку, захотел продолжить поединок, но уже по-взрослому.

Такой дух наших бойцов пришелся кадетам очень по душе. Нам был оказан радушный прием, ребят сытно накормили, причем стол ломился от сладостей и фруктов.

Во время товарищеского футбольного матча кадеты подыгрывали мальчишкам, но все равно разница в классе была слишком заметной, и победил сильнейший. Впрочем, это нас не слишком сильно расстроило, хотя эмоций на трибунах было хоть отбавляй.

После этого похода отношение к строевым занятиям изменилось кардинально, теперь каждый хотел маршировать так же хорошо, как и кадеты. В свои свободные полчаса спецназовцы выходили на плац и отрабатывали приемы строевого шага. Занятие, которое им в первый день казалось нудным, теперь привлекало их больше всего на свете.

Посещение мечети «Сердце Чечни» приковывает к нам внимание. Прихожане с удивлением вглядываются в лица мальчишек, одетых в военную форму. Если в первый день форма на всех висела мешком, то теперь почти все выглядят заправскими военными. Мальчишки знают, как себя вести в мечети. Молитва Богу – священный обряд, молитва – это единственная преграда между человеком и опасностями, которыми наполнен этот мир. Ребята знают об этом, потому что сами истово молились в те дни, когда война сотрясала мир вокруг них.

Бог отвечает на молитвы униженных и оскорбленных, и только некоторые люди не знают жалости ни к тем, ни к другим.

Фото на память перед мечетью является кульминацией похода, и мы возвращаемся на базу, проходя мимо праздных зевак, с любопытством разглядывающих юное воинство.

Отход ко сну – это отдельная процедура, требующая от нас, командиров, особого внимания. Среди мальчишек немало тех, кто живет ночной жизнью. Казалось бы, после насыщенного трудового дня кровать должна стать желанным местом для каждого. Некоторые засыпают сразу после отбоя, кое-

кто начинает вести беседы «за жизнь». Но у нас есть и те, у которых в течение дня возникают поводы для разбирательств, и они ждут, пока все не утихнет, причем «разборка» может начаться и в четыре часа утра.

Законы «улицы» еще живут среди наших мальчишек, однако мы, наученные опытом проведения первого лагеря, в каждом кубрике поставили кровати для командиров взводов.

Ночные «бузотеры» у нас автоматически превращаются в утренних «полотеров». Такое превращение весьма неприятно, «авторитета» никакого, и к тому же недосыпание, приплюсованное к длинному коридору, который нужно вымыть, не прибавляет радости и настроения.

Иногда ночью у некоторых из ребят поднимается температура. Тогда у наших докторов начинаются «трудовые будни». Мальчишки чувствуют заботу, которой были лишены, и порой начинают жаловаться на «хвори», которых нет. Иногда мы подыгрываем им, иногда с серьезной миной на лице желаем скорейшего выздоровления. Недоумение сменяется веселыми искорками в глазах, и картина переходит в беззаботный смех собеседников.

Впрочем, ночь – это самое трудное время суток для нас, командиров. Если удастся поспать несколько часов – это уже хорошо. Любое послабление может привести к непредсказуемым последствиям. Этим ребят нам доверили, и мы отвечаем за них, пока они в отряде.

Всех курильщиков мы вычисляем за первые две ночи. Тех, кто просится на улицу по нужде, при возвращении требуем «дыхнуть» и понимаем, какая была нужда.

К этим ребятам особое внимание, и хотя не все, но некоторые из них дали слово больше не курить никогда.

Два раза за курение в течение всего лагеря еще никого не «ловили». Вот такая эффективная профилактика табакокурения.

После отбоя в кубриках постепенно устанавливается тишина. Сон вступает в свои права, мальчишки спят, кто раскинув руки, кто свернувшись калачиком. Ночная темень окутывает землю, и только огни ночного города разрывают ее свои неоновым светом.

Эпилог

Я пишу эти строки в последний день проведения сборов отряда «Юный спецназовец». Наши мальчишки разъехались по городам и селам Чеченской Республики. Еще час назад они стояли на плацу республиканского военного комиссариата и совсем по-взрослому показывали свое умение ходить строем и лихо отвечать на приветствия командиров.

Грусть расставания щемит сердце, в каждом из этих мальчишек мы вложили частицы своих душ. За эту неделю мы успели сродниться с ними и считали их своими, мы радовались их успехам, ругали и наказывали за нерадивость. За строгостью командиров скрывалось желание научить мальчишек не только ходить строем, но и с достоинством преодолевать жизненные трудности. Среди этих ребят было немало тех, кого война коснулась напрямую, она безжалостно забрала жизни их самых близких людей. Конечно, мы не можем заменить им родителей, но в данном случае слова «отцы-командиры» не просто слова, а очень емкое определение наших обязанностей.

Никто из нас не имел права на ошибку, строгость не должна была переходить в грубость, милосердие – в жалость. За неделю мы должны были изменить мировоззрение многих ребят, которые жили по законам «улицы». В отряде строго запрещалось обзывать сослуживцев оскорбительными «кличками», обижать слабых и малых. Каждый спецназовец обязан был уважительно относиться к старшим и беспрекословно выполнять все указания и требования своих командиров. Вместе с тем, большим позором для курсанта отряда считалось

курение сигарет. Мы не просто наказывали выявленных «нарушителей», но и вступали в честный мужской диалог со своими воспитанниками. Мне трудно судить о том, насколько мы были убедительны, но очень хочется верить, что те ребята, которые бросили курить в отряде, уже никогда не вернуться к этой вредной привычке.

Наверное, неделя сборов вместила в себя столько, что хватило бы даже взрослому человеку для переосмысления своей жизни. Люди часто совершают ошибки и жалеют об этом тогда, когда исправить уже ничего нельзя. Внутри каждого человека должен находиться стержень – совесть, которая не позволит совершать подлость или низость. Мне кажется, что главной задачей проведения сборов отряда «Юный спецназовец» было стремление укрепить этот стержень в своих воспитанниках.

В последний день, перед прохождением торжественным маршем, я всматривался в лица своих курсантов, видел их чистые детские взгляды. Они безоговорочно верили нам, и мы не имели права не оправдать это доверие. К каждому из своих воспитанников я относился как к собственному сыну. Дети чувствовали это, мимо их внимательных взглядов мало что могло пройти незамеченным. Когда мне приходилось кого-то наказывать, внутри меня возникала боль, умом я понимал, что иначе нельзя, но все же сопереживал вместе со своим наказанным мальчишкой.

Иногда из мальчишеских глаз скатывались слезы обиды, и тогда приходилось строгим голосом отчитывать распутившего нюни бойца, но вместе с тем рука командира ласково гладила голову провинившегося питомца.

В миг расставания эти мальчишки стыдливо подходили к нам, чтобы по чеченскому обычаю близких людей обнять перед разлукой. Их неумелые слова благодарности стали для нас самой большой наградой, ни одна, даже самая ценная медаль из дорогого металла не сравнится с частицей детской любви, подаренной тебе ребенком. И эта награда вдвойне весомей, если своей душой поделился сирота, обреченный жить на этом свете без родителей.

Ребята разъехались по домам. Плац, на котором курсанты оттачивали свое мастерство ходить строевым шагом, опустел, в кубриках установилась непривычная тишина. Гулкое эхо твоих шагов сиротливо разносится по коридору, однако я понимаю, что наша жизнь состоит из встреч и расставаний.

Пройдут годы, эти ребята повзрослеют, и хочется верить, что в их памяти навсегда останутся первые командиры, которые учили их добру, справедливости и умению терпеливо и стойко переносить все жизненные трудности.

Алла Чотчаева

Поэт, дипломант конкурса имени Германа Лопатина, лауреат литературного конкурса Международного еженедельника «Народы Кавказа», лауреат «Читательских симпатий», дипломант литературного конкурса «Осень – 2006» региональной газеты «Огни Кавминвод». Автор книги стихов «Достойно» на русском языке и детской книги стихов на карачаевском языке «Подснежник». Печатается в альманахе «Литературный Кисловодск», газете «Огни Кавминвод» и других изданиях.

Преподаватель математики в вузе, живет и работает в городе Кисловодске, пишет на русском и карачаевском языках.

Храни Кавказ мой...

Храни Кавказ мой
от раздора.
От разобщения, вражды.
Храни, Всевышний,
от позора.
От бездуховности, нужды!
Храни Кавказ мой
от раздора.
Взаимной ненависти, лжи.
Храни народы от позора
Взаимной тяжкой клеветы!
Храни Кавказ мой
от раздора.
Взаимной горестной вины.
Храни, Всевышний,
от позора
Братоубийственной войны!

Депортация

Сорок третий –
год отпетый,
Год отсчета
зла без счета.
Выстрел в спину –
путь в чужбину,
Боль и горе,
смерти – море.
Путь к востоку –
не к восходу,
А – к заката
волей ката.
В неизвестность,
как в безвестность,

Вслед рыдают,
горы тают.
Где победа –
прочь все беды!
Сила воли –
вызов доле.
Не сломался,
продержался,
Возвратился,
возродился!
Сорок третий –
год отпетый.
Год отсчета
зла без счета.
...Но могилы
молчаливы
И поныне –
на чужбине.

Милый край...

Милый край!
Сторонушка родная!
Сколько лет не виделись
с тобой?!

О тебе в разлуке
вспоминая,
Мысленно гордилась
я судьбой.

...Как же так –
убогою картиной,
Что с холста художника
сошла,
В платянице из ветхого
сатина
Ты встречать домой
меня пришла?!

Где поля, звенящие,
 где нивы,
 Золотом манящие хлеба?
 Вместо рек, озер –
 болота, сливы.
 Как узнать, родимая, тебя?!
 Сплошь в домах
 разбитые пороги,
 Окна заколочены доской.
 Сгорбленной старушкой
 у дороги
 Ивушка... с протянутой
 рукой.

Матери

Зарастает,
 зарастает,
 зарастает
 тишиной,
 Незабвенный,
 Незабвенный,
 Незабвенный
 образ твой.
 Свет, тепло,
 уют
 и нежность –
 Все,
 что счастьем
 звалось
 мной,
 Как преступная
 беспечность:
 впредь –
 под мраморной
 плитой!

Запоздалая любовь

Запоздалая любовь вдруг
 нечаянно
 постучит однажды в дверь
 в миг
 отчаянья.
 Пусть прошли давно уж дни
 листопадные,
 и метели над судьбой
 неприглядные.
 Запоздалая любовь,
 запоздалая...
 Ах, куда бегут зимой
 воды талые?

Запоздалая любовь,
 хоть нежданная,
 оказалось, ты была
 долгожданною.

Далеки пусть вечера
 Звездопадные,
 И вокруг – одни снега
 неприглядные.
 Запоздалая любовь,
 запоздалая...
 Ах, куда бегут зимой
 воды талые?

Запоздалая любовь –
 наваждение.
 Счастья позднего
 в глазах
 отражение.
 Пусть обрывки фраз вокруг
 непонятные,
 на висках нить седины –
 неприглядная.
 Запоздалая любовь,
 запоздалая...
 Ах, куда бегут зимой
 воды талые?

Рябина

Средь редющей
 листвы
 вспыхнет цвет
 рябины
 алой,
 словно в сумраке
 судьбы
 луч надежды
 запоздалый.
 Как молитвенный
 огонь,
 как огонь любви,
 надежды –
 ты, гори, гори,
 огонь
 небывалой силы
 прежде!

Дни мои...

Дни мои,
 к сумеркам
 склонные,
 в них все одно:
 день иль ночь.
 Будни мои
 монотонные
 пятятся медленно прочь.
 Черное,
 белое,
 черное:
 проблеск и...

сумерки – в ряд...
 Дни, что судьбой
 отведенные, –
 можно ль вас жизнью
 назвать?!

Кольцо на руке

Что нас ждет
 впереди –
 мы молчим:
 я и ты,
 а свеча на столе
 догорает.
 Из судьбы
 «паутин»
 мне бы взять
 и уйти,
 но в ладони ладонь
 замирает.
 Что нас ждет
 впереди –
 мы молчим:
 я и ты,
 отчего же так сердце
 терзает?!
 Ах, кольцо
 на руке –
 верность прежней судьбе –
 у меня все, как прежде, сверкает...

Сирень

Опять взметнулась ввысь
 сирень,
 вслед – чувства вместе с нею
 рвутся,
 туда, где прошлого
 лишь тень,
 откуда счастьем
 не вернуться.
 Мечты божественный
 полет –
 я верю в чудо раз
 весною:
 когда во всю сирень
 цветет –
 мне снится счастье вновь
 со мною.

В дымке сирени

В нежной дымке сирени
 замечала не раз
 отраженье любимых,
 твоих ласковых глаз.
 В ней – бездонное море
 и небесная высь,

словно счастье и горе
 в этой дымке сплелись.

Туман

Звезды начищены снова до
 блеска,
 падают, падают, падают
 низко.
 И в отраженьи стальной
 красоты
 стынет земля от немой
 мерзлоты.
 В сером тумане осеннего
 неба
 месяц размок, словно краюшек
 хлеба.
 И замирает душа
 в тишине
 вновь до весны –
 по какой же вине?!

Окна завешаны инеем
 белым,
 чуть отражаются светом
 несмелым.
 Взгляд устремляется сквозь
 плену,
 вновь пребывая в мятежном
 плену.
 В сером тумане осеннего
 неба
 месяц размок, словно краюшек
 хлеба.
 И замирает душа
 в тишине
 вновь до весны –
 по какой же вине?!

Молитва

В тишине предутреннего
 света,
 на закате солнечного
 дня,
 грусть молилась тихо,
 без ответа –
 ту молитву слушала
 земля.
 И с тех пор, как водится,
 земля
 слезы льет росой
 беспросветно
 на закате солнечного дня,
 в тишине предутреннего
 света.

Владислав Резников

Родился в Белгороде в 1978 г. В 2000 г. окончил Голицынский военный институт пограничной службы, юрист. Работает в Управлении службы судебных приставов Белгородской области.

Пишет прозу и стихи. С 2000 г. состоит в литературном объединении «Младость» при Белгородском отделении Союза писателей России.

Принимал участие в мастер-классах, проводимых Фондом «Поколение» в рамках премии «Дебют» в Старом Осколе (2002), Межрегиональных поэтических семинарах, организованных Курской организацией Союза писателей России в Курске (2004), Втором всероссийском Слете молодых писателей «Дети Солнца», проводимом Московской писательской организацией совместно с Литературным институтом им. Горького в Москве (2005), 5-10 Форумах молодых писателей России, проводимых Фондом СЭИП в подмосковных Липках (2005-2010). По результатам 10 Форума рассказы включены в «Каталог лучших произведений». Проза и стихи публиковались в газетах и журналах Ангарска, Белгорода, Горно-Алтайска, Ижевска, Москвы, Вены, Интернет-журнале «Пролог», коллективных сборниках писателей Белгородской области.

Смерть

Рассказ

Полтора года назад, когда мальчику было шесть, от рака умерла его бабушка, еще до смерти превратившись в скелет. Спустя год он нашел своего любимого кота Фредо на дороге перед домом, раздавленного, похожего на волосатую лепешку в томате. Поэтому мальчик очень боялся смерти.

...Пока не встретился с ней сам.

– Ты кто? – открыв глаза, хриплым голосом спросил мальчик.

– Я? Смерть, – ответила Смерть.

Лицо мальчика выразило нечто больше похожее на удивление, нежели на испуг.

– Смерть? – громче переспросил он, расширив глаза.

– Да, – вздохнула Смерть, опустив ресницы.

– А почему ты маленькая? – почти равнодушным тоном спросил мальчик.

– А я, как ты, – ответила Смерть, взглянув на него.

– А ты меня знаешь? – спросил мальчик.

– Знаю, – тихо ответила Смерть, – ты Саша.

– Да, – сказал Саша, – а что ты знаешь еще?

– Все, – сказала Смерть.

– Ух ты! – Саша улынулся, – это, наверно, так интересно, все знать?

– Не-а, совсем не интересно, – Смерть посмотрела ему в глаза.

«Синие-синие, живые-живые», – подумал Саша, и Смерть тоже улыбнулась.

– А где твои зубы? – спросил Саша.
– Ой! – Смерть прикрыла рот ладошками и покраснела, – молочные выпали, а новые еще не выросли.
– А-а... А ты все равно красивая девочка, – сказал он.
– Правда? – спросила Смерть, игриво улыбнувшись.
– Да. Мы подружмся? – спросил Саша.
Смерть перестала улыбаться.
– Не знаю, можно ли мне сейчас, – застенчиво произнесла она.
– Почему? Давай с тобой играть! – в Сашином голосе послышались капризные нотки.
– Нет. Тебе уже пора, – серьезно сказала Смерть.
– Куда? Не хочу! – выкрикнул Саша.
– Домой, – отрезала Смерть и... исчезла.
– Постой! Ты где? Где ты? – закричал мальчик.

...– Ты где? Где ты?...
– Я здесь! Здесь, Сашенька!
Кто-то держал его за плечи. Над головой что-то пикало. Мальчик в течение двух минут находился в состоянии клинической смерти.
– Ты кто? – хрипло спросил он, открыв глаза.
– Это же я – мама, – ответила мама, уронив слезу на его одеяло. По щекам наперегонки бежали еще две, – Родной! – мама прижалась к сыну горячим мокрым лицом. – Слава богу! – она плакала и смеялась.
– Мамочка, – прошептал Саша, обнял ее и, испугавшись, тоже заплакал, – что случилось?
– Ничего, все хорошо. Тебе просто приснился страшный сон, – мама нежно гладила волосы мальчика. – Забудь о нем.
– Мама, а знаешь, кого я видел во сне? – улыбнувшись, спросил Саша.
– Кого, Сашенька? – мама поднялась.
– Смерть! – весело произнес он.
Мама побледнела, ее лицо вдруг сделалось каменным. По нему снова потекли слезы. Саша испугался:
– Нет, мамочка, не плачь, она совсем не страшная, она такая же маленькая, как и я. Только девочка. Красивая и с голубыми глазами.

Его щеки слегка порозовели, а мама еще крепче прижалась к сыну, содрогаясь рыданиями.

С той поры мальчик не боялся смерти и был очень горд собой. Ведь что может быть страшнее смерти? А если не бояться ее, то чего же, чего же бояться тогда? Он знал, как она выглядит, почти подружился с ней и даже хотел встретиться снова.

Очень скоро эта встреча произошла...

Александр вдруг почувствовал необычайную легкость и открыл глаза. Перед ним была девушка. Она улыбалась.

– Привет!

Александр не мог вспомнить это лицо, но что-то в ее глазах и улыбке казалось знакомым и даже близким. Он улыбнулся ей в ответ:

– Мы знакомы?

– А ты не узнал? – все так же улыбаясь, произнесла она.

– ???

Девушка приблизилась. Он внимательно изучал ее лицо. Какие яркие синие глаза!

– Ты похожа на ангела, – прошептал он.

– Спасибо, – прошептала она, – но я не ангел.
– Знаю, – ответил он, – я вспомнил, – и несмело обнял ее.
– Я ждала тебя, – она прижалась к нему. Он почувствовал... тепло.
– А помнишь, тогда... Ты была такой маленькой... Сколько же лет прошло?
– Пятнадцать лет, два месяца и три дня, – доложила она.
– Неужели, ты точно знаешь? – удивился он.
– Точно. Я же все знаю. Ты забыл?
– А ты часто мне снилась.
– Да, я навещала тебя в твоих снах даже чаще, чем ты помнишь.
– Слушай, а может ты и не Смерть вовсе, а просто пугаешь меня?
– А разве ты меня боишься?
– Нет, совсем нет. Я уже давно перестал тебя бояться. Но все же, тебя бояться все и говорят, что ты страшная старуха с косой, а ты...
– Кто говорит? Те, кто говорят... Думаешь, они что-нибудь обо мне знают?
– ... а ты как ангел. Ты – самое прекрасное, что видел я в своей жизни, – он усмехнулся. – Прямо парадокс получается: самое прекрасное в жизни – это смерть.
– Ну, у тебя самое прекрасное еще впереди. А я тоже старею, пока ты живешь, и при следующей нашей встрече ты, наверняка, меня не узнаешь и тоже испугаешься. Я буду старой и некрасивой, – говорила она, глядя куда-то в сторону.
– Как... Как же так?! – вскричал Александр. – Я думал... ты возьмешь меня сейчас. Возьми меня с собой! – он вцепился в нее, изо всех сил прижав к себе.
– Ну что ты, глупенький, тебе еще жить и жить, – сказала Смерть, не пытаясь отстраниться.
– Прошу тебя! Умоляю! – Александр упал перед ней на колени, обхватив ее ноги. – Забери меня, – он чуть не плакал.
– Нет, Сашенька, живи, – голос ее дрожал, – еще не твое время.
– Я не отпущу тебя, я хочу быть с тобой, – шептал он, поднимаясь с колен.
– Тебе пора, – чуть слышно произнесла Смерть, закрывая глаза. По ее красивому лицу текли слезы.
За миг до того, как губы Александра коснулись ее губ...

– Чертовы ублюдки! – услышал Александр и открыл глаза.

Он лежал на кирпичной мостовой. Его сердце, бешено колотившееся в тесной груди, две предыдущие минуты молчало.

– Живой! Скорую! – чей-то незнакомый голос острой болью пронзил голову. Болело все. От боли исказилось лицо, вырвался произвольный стон...

Спустя ровно тридцать лет, Александр Иванович, фотокорреспондент одного из многотиражных печатных изданий, после плодотворного рабочего дня возвращался домой. В фотоаппарате, висевшем через плечо, отдыхала отснятая пленка с материалом об открытии в городе нового исторического монумента, которую Александр Иванович собирался проявить в своей домашней лаборатории.

Вопреки присущих ему обычно чуткости и беспокойству, в этот день в нем царил необычное умиротворение. В голове сами собой листались страницы его жизни. Как фотоснимки, мелькали кадры из его детства, юности, детства его детей, внуки (пока одной, Машеньки) и лица, лица, лица: мама, жена, Сережка с Женькой, а вот Сережка уже с Машенькой на руках. Она смеется,

пытаясь ухватить папу за нос. А это кто? Фредо! Ты что здесь делаешь? А ну, брысь со стола!

...Занятый своими мыслями, Александр Иванович не заметил ни как зеленый сигнал светофора сменился красным, ни... всего остального.

- А вы совсем не изменились.
- Мы успели перейти на вы?
- ... но мы столько лет не виделись...
- Перестань.

– Ой, чуть не забыл, у меня тут пара кадров осталась. Хочешь, я тебя сфотографирую? А то кто знает, когда снова свидимся...

Она ничего не ответила, но посмотрела на него с какой-то странной, не свойственной ей грустью. Он заметил это:

- А ты сегодня в черном?
- Сильно бросается?
- Просто не замечал прежде. Что-то случилось? Ты плачешь?
- Тебе нужно будет ко многому привыкнуть, Саша. Ты умер...

Когда тело погибшего укладывалось на носилки, с его плеча соскочил фотоаппарат и громко ударился об асфальт. Нажалась кнопка спуска, сработала вспышка.

Позже пленка была проявлена. Вышел восхитительный фоторепортаж. Посмертно Александру Ивановичу был присвоен «Золотой отличник печати». Его семья получила высокую премию.

А через год на всемирном конкурсе современной фотографии первое место занял черно-белый снимок с изображением никому не известной, необычайно красивой женщины средних лет с удивительно живыми, синими - синими глазами.

Халикова Асет**Пайглане Терк**

*Цкъа мацах,
рогIера вайн ДегIаста
мостагIаша йоруш,
шайн сий ца дайийта
гIазотехъ кхелхинчу йижарина.*

Карзаха ног етташ хьалха,
Гайглане догIуш ду Терк.
Кхузахъ цкъа мехкаршна хьалха
Дуьнено латийна бехк.

Уьш бара йийсаре лаьцна,
Сий дайна буьгура уьш.
Хьанала махкана ваьцнарг
Къиза ма хуьлура вуьйш.

Вежарий бацара уллохъ,
ДогIанах доьлхура дог.
Теркаца, дIо тIайна уллохъ,
Къизалло теснера ког.

Сий дайна баха ца лиьна,
Ларийна дайн лекха цIе,
Мехкарша, Нохчийчохъ кхиьна,
Шайн дегнех латийра цIе.

ГIазотан новкъа тIе бовлуш,
МостагIий лецира сха.
Цъхацца уьш мара а къовлуш,
Терка чохъ уьш байра дIа.

Дуьне а гIаттал шайн сийнна,
Сийлаллехъ кхелхира уьш,
Цундела Теркаца сийна
Маьлхан нур хуьлура туьйш.

Синтемза, кхоьллина аьрха,
Даима догIуш ду Терк.
Кхузахъ цкъа мехкаршна хьалха
Дуьнено латийна бехк.

**Нохчийчоь, яхалахъ
даима гIоза!**

Шен бенара йоьжначу
аьрзонан цу кIорнех терра,
Дуьненчу яьлла со,
маьхьарца декадеш лаьмнаш.
Чал дера, балано ког тийсарх
хир яц со къера,

Бакъдолчу иллица Iадор ду
дерриге къаьмнаш.
И илли лелар ду, лобхуш
хьан ирс дайна гIайре,
Нохчийчоь, хьан синан
йозаллин къайле.
Паккха и доьрзур ду со
йинчу лаьмнашка доьлуш,
Цо цаьрга дуьйцур ду
сан весет цу иллехъ долу:
Нохчийчоь, яхалахъ даима гIоза!
Хьан царца яздина тхан ирсан йоза.
Бяьстенах елалой хилалахъ тхуна,
Дахар а дIалур ду, и эшахъ хьуна.

Сан нана маьрша мел еха

Сан нанас юкьйоьхкуш
дилхинчу дийнахъ,
Къийсаман хьацар ду
даьлларг тхан цIийнах.
Со цуьнан мутт муьйллуш,
Нохчийчохъ кхиьна,
Къонахчо кечбина кхача ас биьна.

Елхаран къурдашца техкош сан ага,
Ас нене ладогIуш, наб кхетта хийла.
Генех а эхъ хеташ со сайха ягарх,
Хинца а дисина сан денош шийла.

Сан нанас юкьйостуш,
къегинчу дийнахъ,
ДIо, баьвнаш йобттина ю
цуьнан сийнна.
ДуьнентIехъ сан нана
маьрша мел еха,
Нохчийчоь даима хилла ю ехаш.

Нана-мохк тебеш

Йиш хилча кхолламан жайнин
Цъха агIо цкъа юха листа,
Ирс лобхур дацара сайна,
Нохчийчоь лаьар-кха хьаста.

Цъха чов а, цъха узар, лазам
Тебича хир яра маьрша.
Даймахке кхийина безам,
Ерззол и машаран хорша.

Орамца бяIаш а хедош,
Зезагийн бай кхиор бара.

Машаро Нана-мохк тебеш
Илли ас длаолур дара.

Нана

Мичахь ду лам узу терза?!
Мичахь ду дош хадо герз а?!
Дуй доза анайист юста,
Узамца йоьлху и хьаста?!
Ненал а хIуммаь дац деза!

Дитгаша хьоцу шайн гаьннаш,
Дебаеш дахаран хьаннаш.
Ткъа нанас шен сица кхерчахь
Дахаран хьийзайо урчакх...
ХIуммаь дац деза вайн ненал!

Кхоьллинчо ирс вайна делла,
ХIоранна нана цо елла.
ХIай Дела, ирсе уьш белахь!
ХIора а декъала елахь!
Ненал а хIуммаь дац деза!

Геннарчу генахь

Геннарчу генахь,
Заманна генахь,
Боху и гина,
Дуьненан къина
Жил-Иалам делхош,
ШайтIанаш лелхош
Вилхина боху,
Синош а дохуш,
Назманча къена,
Озаца цIена
Хьаьжа-цIа хестош,
Блаьрхиш ца къестош:
«Я, АллахI-Дела!
Ва Везан Дела!
Мел деза ду-кха
Хьаьжа-цIа тхуна!
Хестийна дукха,
Стиглане, лаьтто,
Ца тоьа суна
Дешнаш и хасто!
Кху лаьттахь волу
Бусалба, хьоьга
Вирзина волу,
ДоIа деш хьоьга.
Ма деза ду-кх хьо!
Ма цIена ду-кх хьо,
Тхан лаьттан беркат,
Хьо Делан ниIмат...»

Иалам дIатийна,
ЛадьогIуш цуьнга,
Синтемах ийна,
И хесточуьнга.
Беркатан ага,
Хиллера лаьттахь,
Сирла ца къагархь,
Йовр йоцуш хьаьтга...
Блаьрхиш дIадаьхна,
Узам болийна,
Хьалхачул аьхна
Назма йолийна:
«Тхан лаьттан беркат,
Хьо Делан ниIмат!
Ас дохор дара
Эзарза хIара
Бусалба стеган
Дог дохор доцуш.
Адам ду деза...» –
Аз цуьнан хеза,
Даггара воьлху
Жил-Иалам делхош...
Адам ду деза,
ХIай Дела Веза!
Дуьненан къина,
Адамийн къина
Назманча воьлхуш,
Жил-Иалам доьлхуш,
Геннарчу генахь,
Заманна генахь...

Хезаш ду молланан аз...

Делкъенга тевжина Иалам,
Хезаш ду молланан аз.
Сирлачу кху дийне ялар
Къайленах тIейици ас.

Хийлаза дог доьхна Иийна,
Хийлаза ирс лехна ас.
Ас сайга ладьогу тийна –
Ца йисна соьхь цхьа а вас.

Кху эвлахь дIабубзи малх а,
Кхечунна гIоттур бу и.
Лаьтга тIехь цхьа а вац цхьалха,
Иаламо тоьшалла ди.

Веза ву хIора стаг лаьттахь!
Карзаха догу сан дог.
Серлонца кхана малх гIаттахь,
Хастамца боккхур бу ког.

Насруди Дабачхаджиев**Мерцанье звезд**

Звезды мерцают во мгле,
Светит уныло луна.
Бродит по грешной земле
Вслед за войной тишина.

К полночи ближе рассвет:
Веет туманной тоской,
В свете далеких планет
Видится тишь и покой.

О хлебе

Когда из пекарни, бывало,
Авоську несешь за спиной,
Кусочек от булки по малой –
И булочки нету одной.

Тебя я, мое поколение,
В «грехе» том ничуть не корю.
Кто с наше познал все лишенья,
Тот знает, о чем говорю.

Стребая все крошки в ладошки,
Отцовские слышу слова:
«Запомни, сынок мой хороший,
Хлеб наш – он всему голова!»

У Терека реки

Тучи над землею
закружились,
Стрелы молний
бьют по мостовой.
Ручейки в поток
единый слились –
Все вокруг охвачено
грозой.

Реки разрастают
от потоков,
Выйти норвят
из берегов,
Полноводны от самих
истоков
И до устья, пойменных
лугов.
По равнинам и лесным
массивам

Терек воды бурные
несет.
Бег реки игривый
и красивый
За собою к Каспию
зовет.
Здесь волна реки
с морской волною
Встретится, расскажет
о своем.
Посудачат волны
меж собою
О текущем дне
и о былом.
В небеса вздымает
гордо волны,
Плещет пенно
к берегу прибой,
Старец Каспий,
нежно напоенный
Терека живительной
водой.

Уехала ты...

Раздался зовущий гудок тепловоза,
Зеленый мелькнул вдалеке семафор.
Ты шла на посадку по краю перрона,
Медленно шла, потупив свой взор.

Поднявшись по узкой ступени вагона,
Ты в тамбуре темном исчезла тогда.
И не было слов
в суматохе вокзальной,
С тобой я расстался
в тот день навсегда.

Хотелось мне так побежать
за вагоном,
Тебя уносящим, вослед закричать...
Бегут поезда и приносят разлуки,
Колеса по рельсовой стали стучат.

Уехала ты. След растаял твой где-то.
И нет уж больше возврата всему...
Не видно усталому сердцу покоя,
Ушедшее лето виною тому.

Эдильханов Ризван**Нохчийн йо1**

Хастам бу турпала нохчийн йо1 хьуна,
 Оьздачу г1иллакхна, доккхачу хьуьнарна.
 Хало т1ех1оьттича, хьан долчу собарна,
 Боккхачу балина дуьхьала х1оттарна.

Къызаллин чалгачаш вайн махка баьржича,
 Яккхийра тоьпаша аренаш ерича,
 Ямарта харцонаш вайн халкъе кховдийча,
 Даймехкан нана хьо хилла д1ах1оьттира.

Кийрара дилха дог т1улг санна ч1аг1дина,
 Беьначу балина г1одаюкь йихкина,
 Шина т1еман халонаш ахь букь т1е лецира,
 Шелонах, мацаллех доьзалаш ларбира.

Доккхачу доьналца к1ентий ларбарна,
 Махкана орцаха доггаха яларна,
 Суждане охьатаь1аш хьан ларам барца,
 Гобла т1е лахлуш сий до аса хьан!

Сольжа-Г1ала

Со кхийна сан Сольжа-Г1ала,
 Хьо йохийча лайра бала.
 Дера къызаллица ага
 Бевллера мостаг1ий ара.

Ца кхоош диттира герзаш,
 Хедадеш адамийн дахарш,
 Йохийра массеран х1усмаш,
 Дохийра, этира некъаш.

Доккхачу кошах тарйина,
 Чалгачаш хьо х1аллакйира
 1аьржачу балано хьаьшна
 Вайнехан ойланаш яра.

Моьттура денлур яц юха,
 Б1е шарахь г1оттур яц хьала.
 Чов хилла экханах 1илла,
 Хетара даимна йисна.

Хьо овкъарш юккъера г1аттош,
 Хьаьвзира ламанан леча.
 Аьрзонан сирла б1аьрг хьежош,
 Цо инзар хийцамаш бира.

Ша Делах хиларна тешна
 Исбаьхьа маьждигаш дира.
 Сел яккхий г1аланаш х1иттош,
 Байтира дуккха а белхаш.

Исбаьхьа хаза ю паркаш,
 Тойина дуккха ишколаш,
 Даккхийде адамийн дегнаш,
 Ирсе го массеран яххьаш.

Хазьелла вайн керла г1ала,
 Йоьхна ма юьсийла 1илла.
 Кхин вайна ма гойла бала! –
 Даггара лаьа и ала!

Надиев Мудар

Забаре дийцарш

Цов

Эвлаистехь бехаш-Іаш хилла цхьа доьзал: да-наний, кІанттий, йоШий. Цхьана Іуьйранна дас хаьттина:

– Цов биллиний шинарна? – аьлла.

– Ца биллина! – дера жоп делла зудчо. – Тхобга хобьтучул, гІан а гІой, айххьа билла!

– Со кхин дан хІума доцуш ву, ткьа? Сан кха тІехь шортта болх бу. Кертахь-чохь дерш мукъана шаьш де, – аьлла майрачо.

Майрачух дош хир доцийла а хиъна, кІанте аьлла нанас:

– Вада, кІант, эсана хьалха хІума йилла.

Амма кІанта дуьхьало йина:

– Шадоллу гІуллакх суна тІедуьллу аша. Сан кхин гІуллакхаш а ду. ДІо йоІ хийта, – йишин коча вахана кІант. Амма вукхо дуьхьало йина:

– Со чуьра гІуллакхаш дичахьана йолуш ю. Божала чуьрчу бежанашка хьажар божарийн гІуллакх ду.

Кхин шайн барт ца хилча, майрачунна цхьа хІума дагадеана:

– Делахь-хІета дика ду, – аьлла цо. – Тапар-тип. ХІинца вайх хьалха вистхилларг гІур ву шинарна цов билла.

Массо тапъаьлла дІатийна.

Ощу хенахь керта веанчу говр-беречо хІусамдега мохь тоьхна. Амма цхьа а дуьхьала вист ца хилла. ТІаккха:

– ТІаккха чохь дуй шу? Чуван мегар дуй? – олуш, чохьха ваьлла хьаша.

Массо тапъаьлла Іаш хилла. Цара лелочух ца кхеташ волчу хьешо юха а хаьттина:

– Шун чохь синош мукъана дуй? Бага хи а эцна ма Іа шу?

Дуьхьала цхьа а вист ца хилла.

ТІаккха а церан багара дош ца даьлча, маж а лаьцна, дІасатоьхна веанчо хІусамда. Цунах а дош ца хилча, неІаран сонехь лаьтгаш йолу кІудал схьа а эцна, цу чуьра хи цІенкьа доьттина хьешо. Цунах а дош ца хилча, чуьра мотт-гІайбий ара хоттала охьакхобссина цо.

Кхин дІа садетта ца деллачу йоьІан мохь баьлла:

– Вай, нана, тховса охьа мича дуьйшур ду вай? – аьлла.

ТІаккха ден мохь баьлла:

– Яда, йоІ, шинарна хьалха цов биллий йола.

Дан хІума а ца хилла, елха а йоьлхуш, божала чу дІайолаелла йоІ.

Ахча

Цхьана суьйранна шен лулахо Илес волчу вахана Ахьмад. Илес чоІоІа кхоьлина, гІийла хиъна Іаш а карийна, Ахьмада хаьттина:

– ХІун сингаттам бу тІебеанарг? Ма таьІна-гІийла го суна хьо?

– Хьо а хир вацара дог деладелла, соьгахь долу хьал хьайгахь делахьара, – аьлла доттагІчо.

– Ой, и хІун ду иштта хьан йиш йохийнарг? – воьхна хьаьвзина Ахьмад.

– Хьайн тарлахь, схьадийцахьа соьга. Цхьаьний хьожур ву вайша иза листа.

– Кхана Іийна, велла а, висна а духадерзо дезаш кхо бІе туьма декхар ду сан. Иза мичара тардийр ду ца хууш, ойланашка ваьлла Іара со-м.

– Иза а бен дуй иза?

– Кхин хІумма дац.

– Иза-м хала доцург ду. Аса лур ду хьобга и ахча-м, шек дла ма валахьа, – паргIатваьккхина цо Илес.

– Баккъалий?

– Баккъала!

ТIаккха жимма Ийна ТIетоьхна:

– Лаха юккъехь Iаш йолу Алпату евзий хьуна? Иза суна декхар ю. Аса ваийтина алий, иза йолчу а гIой, цуьнгара хьайна оьшу ахча схьаэца. Цо хабар дайитинера соьга, цхьадерг шен вовшахкхетта аьлла. Дерриге нисдаларе ладоьгуш Iаш ю ша, аьлла.

Дукха хазаетта, самукъадаьлла хьавзина Илес. Цунах боккха кхаь хилла, дууш-молуш сакъоруш хан йийна цу шимма.

ШолгIачу Iуьйранны Алпату йолчу вахана Илес. Ахьмада ваийтина хилар хаийтина Алпатуга.

Алпату цец-акъяьлла йисина.

– Аса маца даьккхина нахера духалург ахча? Ахьа вуьйцург хIун Ахьмад ву, ван мукъана? Со хIинца гIур ю иза волчу-м! – тохаелла Алпату. – Вайша цхьаьний гIур ду цига-м. Ахьа вовзуйтур ву иза суна! Иза сайн бIаьра хьожуш ган лаба суна! – кечьяла тохаелла зуда. – Дера гIур ю-кха, дукха гIан а гIуш-м!

Ша Ахьмада левина хиларх кхетта Илес. ТIаккха йоккха стаг хала а, атта а юхаяьккхина цо цаьрга йогIучух, ша гIур ву, оьшуш хилахь, вухавогIур ву, аьлла.

ЧIогIа дарвелла, оьгIазвахана Илес, Ахьмадан неI-сагIа хадорций, вукхунна коча вахана:

– И хIун кеп яра ахьа суна хIоттийнарг? – чуьраваьлла хьавзина Илес. – Ткъа аса хьох теша а тешна, дIабалхийнера хьобга сайна бала. Ткъа ахьа... Цкъа хаза а хетийтина, вон дог дохий ахьа сан.

– Собар! Собар! – юкьайккхина Ахьмад. – Сих ма лохьа. ЛадогIахьа соьга. Селхана вуно чIогIа дог доьхна варий хьо, со шайга веача?

– Вара.

– Аса ахча лур ду аьлча казахийтирий хьуна?

– Хийтира дера. Теша а тийшира. Амма ахьа суна бинарг тешнабехк хилла.

– Иштта дац иза! Сих ма ло. Дууш-молуш сакъоруш а Ийна, хаза дIасакъаьстира вайша, хьан даг тIера беза бала дIа а баьлла. ТIаккха хьуна хIун моьтту, Илес, вайн дахар-м цкъа ойла екхош, тIаккха дуьне кьахьдеш дай. Адамаша дикане сатуьйсусуш ца хилча, дуьне доьхна дукха хан хир яра.

Корта а лаьцна Iачу Илесе дIахьаьжира Ахьмад. ТIаккха:

– ХIан, дIаэца. ХIорш ю хьуна оьшуш хилла шайнаш, – дIакховдийна цо ахча. Дукха хазаетта, вала а, вола а меттиг ца карош хьавзина Илес, Ахьмад чIогIа мара а кьовлуш.

– Суна-м... Суна-м... – ала дош ца карош висина иза.

– Гой хьуна, хIинца кхаь хилла хьийза хьо. Иштта хийцалуш ма ду хIара дуьне...

Гур

Цхьана дийнахь хьуьнан йистехула догIуш хилла цхьогал. ЦIеххьана дIахьажаделлачу цунна дума гина. Ойлане даьлла цхьогал. ТIаккха:

– Суна цкъа кхаллал бен бац иза. Дума беанчо кхин а тIебан а тарло. Жимма собар дийр ду аса, – ойла кхоллаелла цуьнан даг чохь.

ХIара иштта ладоьгуш Iаш, мичара йогIу ца хууш, борз кхаьчна цига. Дуьмех шен бIаьрг кхетарций, цунна тIекхоссаелла борз. Пап аьлла, гур тIе кхетта, борз юкьа а Iовдуш. Багара кхоссабелла дIабахана дума. ТIаккха, цхьогалх бIаьрг кхетгачу барзо, цуьнга хаьттина:

– Сох хIун хир ду аьлла хета хьуна? – аьлла.

– Хьох хиндерг гуран да тIекхаьчий бен хуур дац. Ткъа аса кху дуьмех дан деззарг дийр ду, – аьлла, кхаьллина иза дIабахийтина цхьогало.

Адам Токаев

Родился в 1981 г. Окончил Азербайджанский государственный медицинский институт (г. Баку) в 2004 г. Врач, хирург-онколог, работает в КБ № 1 г. Грозного. Пишет рассказы, с которыми читатель до настоящего времени мог ознакомиться на страницах Интернета.

Двери

Рассказ

*Пассажирам маршруток
посвящается*

Новый день не предвещал ничего необычного. Я проснулся, умылся, побрился, позавтракал, оделся и вышел на улицу, навстречу новому дню. На работу, то бишь. Ехать мне с 36-го участка до рынка «Беркат», потом пересадка на 29-й и до 6-го микрорайона. Утренний туман обещал, что день будет солнечным. Стою, значит, на остановке. Жду маршрутки. Две маршрутки проехали, забитые до отказа. Остановилась третья по счету, но в нее до меня успели протиснуться граждане пошустрее, и я остался ни с чем. Едва остановилась следующая, как я тут же вцепился в переднюю дверцу. Дергаю, дергаю, а она никак не открывается. Шофер изнутри советует:

- Сильнее, сильнее надави! Да не дергай ты, а надави!
- Давлю. Ручка не поддается.
- Сильней надави же!
- Да давлю я, не открывается!

Маршрутка стоит. Люди смотрят на меня, как на человека, который в жизни не открывал дверцу. Шофер багровеет, перегибается через сиденье и открывает мне эту злополучную дверь. Я влезаю внутрь. Машина трогается. Шофер оказался ворчливым дедом, крутит баранку и бурчит себе под нос:

– Неужели трудно надавить на ручку, просто взял и надавил. Надавил – и открылась! – я сижу тихо и слушаю тираду в свой адрес, делая вид, будто ко мне это не имеет никакого отношения. – Не понимаю, зачем люди живут на свете, если даже дверь открыть не могут! – я стораю от стыда, спиной чувствую, что все пассажиры молча его поддерживают. Что там ни говори, а все же он прав. – Каждому пассажиру одно и то же долби!

– Это все от безграмотности, – подкакивает ему один толстяк сзади, в прошлом, видимо, тоже водила, – неаккуратный народ!

На дороге голосует еще один. Машина останавливается рядом с ним. Он хочет сесть вперед, то есть ко мне. Дергает дверь. Естественно, открыть ее не получается. Шофер ему:

- Надави, надави на ручку и все!

Мне становится жаль того, кто снаружи, и я протягиваю руку, чтобы открыть дверцу изнутри, не поверите: давлю – не открывается! Шофер мне:

– Да потяни ты ее на себя! Это снаружи давить надо, а изнутри надо на себя потянуть, – шофер опять перегибается и, дотянувшись до дверцы каким-то неведомым мне образом, открывает. Тот парень садится рядом со мной. Разъяренный старик уже не закрывает рта, того и глади на мат перейдет. – Ей-богу, мне уже надоело, каждого учить надо! В лифте, что ли, живете? Нежели у вас дома ручек нет на дверях?

– Если не умеешь открывать дверцу машины, то для чего ты на этом свете живешь, да еще и человеком называешься? – вторит ему толстяк сзади, и тут

же добавляет: – Останови на «Ташкале».

Остановка. Он хочет сойти, а дверца не открывается. Шофер в ярости:

- Поднимай ее вверх!
- Не поднимается!
- Да не дверь, а ручку поднимай!
- Поднял!
- Навались!
- Я наваливаюсь, не открывается!

Хлоп! Бах! Открылась. Вышел.

– Смотри, сильно не хлопай, когда закрывать будешь, – вслед поучает его шофер. Ш–ш–ш–ш–бах! Но не успевает дверь захлопнуться, как раздается вопль толстяка:

- А-а-ай! Ва-ай!
- Что такое? Что случилось?

Прищемил дверцей свой толстый палец. По руке течет кровь, а он стоит и ругается:

- Проклятая дверь! В жизни не видел ничего подобного!

Пока этот тип изливает душу, шофер дает полный газ и, отъехав на приличное расстояние, принимается за свое:

– Что за люди? Каждую неделю ремонт дверей! Сколько ни зарабатывай, все на ремонт уходит. Не работа, а сущее наказание... У вас что, дверей дома нет?

Вывести этого полоумного старика нет никаких сил. Я в мыслях отказался ехать до самого центра, но сижу из страха, что не смогу открыть дверцу. Через несколько остановок тот парень, что рядом со мной, просит остановить. Тянет ручку на себя – не открывается. Я, уже обученный этому нелегкому делу, ему помогаю. Получается. Слава Всевышнему, я на улице! Это остановка «Березка». В следующей лучше поеду, думаю. Жду.

Маршрутка останавливается предо мной. Не дожидаясь наставлений шофера, я давлю на ручку передней дверцы. А она не поддается. Давлю сильнее. Еще сильнее, аж рука немеет!

– Да ты надави сначала на ручку, а дверь толкни внутрь и на себя тяни, – кричит шофер, – она и откроется!

Надавливаю, толкаю, тяну на себя – дверца распахивается. Сидящий рядом с водителем пропускает меня вперед, говорит, что ему на «Автобазе» выходить. Как только рокировка закончена, шофер тоже начинает ворчать:

– Все чеченцы на один лад, то ли дело по России ехать – ничего объяснять не надо, все знают, как открывать дверцы маршруток

Мой попутчик – видимо, знакомый шофера – подключается к теме. И шофер, и его друг считают меня виноватым. Я сижу между ними, как меж двух огней, и упорно молчу. Меня трудно вывести из себя, и уж тем более если я не прав, то ругать меня можно сколько угодно – слова против не скажу. На «Автобазе» его друг хочет сойти, а дверца не открывается!

- Налево поверни и дерни, Аслан, налево!
- Не поворачивается, брат!
- Да ты же направо поворачиваешь, мы же в армии вместе служили, забыл ты, что ли, где право, а где лево?
- Повернул – не открывается!
- Да ты дерни ее, поверни налево и дерни.

Шофер не выдерживает и, перетянувшись через нас, открывает дверцу. Пассажир выходит, я выхожу вслед за ним – черт с вами, вдруг я сам потом открыть уже не смогу. Итак, я на «Автобазе», до «Берката» не доехал, ну ничего, думаю, сяду на 31-й, доеду до Садовой, а там пересяду на 29-й. Останавливается пустой 31-й. Смотрю на водителя – с виду культурный такой, седовласый старче, в костюме и даже, не поверите, в галстук! Про себя поклявшись не садиться больше вперед, беруся за ручку задней дверцы. Давлю – э-эх, не открывается. Сильно давлю – ы-ых, не открывается. Еще сильнее надавливаю и толкаю – не получается! Нагоняй от шофера мне обеспечен, хорошо, думаю, хоть салон

пустой, и никто ему поддакивать не будет.

– Да ты, молодой человек, ее вверх тяни, вверх! – поучает меня шофер.

Поднимаю ручку вверх, и действительно, – дверца «отъезжает», будь она неладна! Я поднимаюсь в маршрутку, за моей спиной голос:

– Подожди, подожди, – чуть не прищемил дверью, оказывается, следом за мной еще один пассажир увязался, тоже в костюме с иголки, с портфелем, попоже, преподаватель.

Шофер начинает:

– Ведь эта дверца как часы у меня работает, тихонечко вверх потяни, она и откроется...

Я молчу. Ему льстит, видимо, что я не отвечаю на его обвинения, и он решает милостиво смягчить тон:

– Надо открыть факультет по обучению открыванию дверей в маршрутках, – острит шофер, и сам смеется своей шутке.

– Нет, – поддакивает ему пассажир, похожий на преподавателя, – факультет открыть мало, надо институт открывать! Развелось неучей. Не занимаются, ничего не знают и не хотят знать!

– Дверца не закрыта, – резко обрывает его шофер.

Пассажир на ходу открывает дверцу пошире и захлопывает. Не получается! Он хлопает еще раз – опять не выходит.

– Да тише ты, тише! – набрасывается на него шофер и резко нажимает на тормоз – дверь по инерции захлопывается.

Едем дальше в зловещей тишине. На остановке «Баня» салон заполняют студенты.

Скоро моя остановка. Я сижу и про себя разрабатываю план по открытию дверцы изнутри. Как обращаться снаружи, я уже знаю, а вот изнутри – головоломка. Тут один из студентов говорит:

– На Садовой остановите.

Ну, думаю, Сусанин, благодарствую, посмотрим, как ты справишься. Машина остановилась, студент дергает дверь. Куда там! К-ррах! Дверь сходит с роликов. Шофер берет монтировку, выходит, поддевает монтировкой дверь – она со скрежетом открывается. Представляю, чего стоит шоферу открыть ее молча. Выходит студент, я следом. Фу-у. Жду 29-й. Подъезжает.

– До госпиталя едешь? – спрашиваю.

– Да, садись, – отвечает водитель.

Хватаюсь за ручку. Давлю, сильно надавливаю, толкаю от себя и тяну ручку вверх!

– Поломать, что ли, хочешь мою дверь?! – возмущается шофер.

– Да нет, войти хочу – не получается!

Вверх не поднимается, вниз не опускается, направо-налево не поворачивается, от себя не толкается... Тьфу ты! Стараюсь изо всех сил. Стою, кручу ручкой во все четыре стороны, и все зря.

– Как же получится, да продлит Аллах года твоей жизни, если ты только за переднюю ручку тянешь? Ты за заднюю ручку тоже потяни, она и откроется. Там же две ручки на двери, одна спереди, другая сзади, разве не видно?

Ага, видно. Сделав из передней ручки эспандер, я тяну заднюю – открылась, зараза!

– Неужели непонятно: раз две ручки на двери, то за обе тянуть надо, для чего же тогда их две сделали? – бубнит шофер.

Не хочу хвастаться, но характер у меня очень спокойный. Этот водитель тоже прав, мне сказать ему в ответ нечего. Даже съязвить нечем в ответ. Действительно, для чего две ручки сделаны? Не для красоты ведь. Тут одна женщина вставляет:

– Может, у человека зрение плохое, в госпиталь ведь едет, к главному врачу, наверно...

– Если зрение плохое, надо очки носить, или с тростью, или с сопровождающим ходить, а не двери маршруток выкорчевывать. Вот поломает, кто мне заплатит?

Вы десять рублей заплатили и ушли, а мне что делать?

Я не выдержал:

– Послушай, – говорю, – братец. У разных машин дверцы на разный фасон устроены. Мы-то тут чем виноваты? Одни направо поворачиваются, другие налево, третьи вверх, четвертые вниз... Какие-то тянуть надо, какие-то толкать...

Этим я только разворошил улей! Шофер попал в свою стихию и, не скрывая своего счастья, начал просвещать темный народ:

– Неужели трудно в таких пустяках разобраться? Да в Грозном всего-то маршруток – «Газели» да «Форды». А у некоторых двери вообще автоматические, их даже трогать не надо – сами открываются...

Шофер с упоением, без запинки рассказывает нам о том, как у машин открываются двери.

– Останови на базарчике, – просит один бородатый мужик.

Машина тормозит. Не поверите – эта дверь изнутри тоже не открывается. Шофер сворачивает свою лекцию и, вывернув голову в салон, инструктирует мужика:

– Ручку дерни на себя.

– Ну, дернул.

– Толкни дверь.

– Толкаю.

– Да куда ты толкаешь ее? Куда?!

– А куда толкать-то?

– Куда надо, туда и толкай! Ты куда выходишь? Наружу? Вот наружу и толкай!

– Да толкаю я!

– Толкни дверь наружу, от себя, потом потяни ее назад и ногой поддень снизу.

Я внимательно отслеживаю все манипуляции. Пошагово. Запомнил. И вот дверца открывается. Мужик выходит.

Доехали до госпиталя. Хватаюсь за ручку, дергаю ее на себя, толкаю дверь от себя, потом тяну ее назад, поддеваю ее снизу ногой и – я на свободе! Недаром я так внимательно следил за тем, как эта дверь открывается.

Уф-ф. Добрался. Я на работе. Захожу в свой кабинет. Переодеваюсь. Сажусь за стол. В дверь стучат.

– Войдите.

Слышу за дверью – возня. Войти не могут, что ли? Опять стучат: тук-тук-тук. Голос:

– Можно войти?

– Да, да, входите, открыто, – говорю.

Опять возня. Дергают дверь. Ах, да! Это все наш плотник. Целую неделю эта дверь не закрывалась вообще, шарик там вылетел какой-то. Так вот, два дня я никак не мог поймать завхоза, потом три дня ждал плотника, последний за треть моей зарплаты сделал мне дверь на совесть.

Слышу голоса персонала за дверью:

– Да вы сильнее дерните эту дверь, она с трудом открывается.

Копшатся настойчиво. Чувствую – вот-вот ручку оторвут. Тук-тук-тук!

– Да войдите же! – не выдерживаю я. – Дерните эту дверь и войдите! Всего-то делов!

Встаю, подхожу к двери, подперев ее снизу ногой, сильно толкаю от себя и, придерживая за ручку, чтобы не ушибить тех, кто снаружи, открываю:

– Входите.

День начался.

Известному чеченскому историку, педагогу Шахрудину Айдиевичу Гапурову в этом месяце исполняется шестьдесят лет. Доктор исторических наук, Ш.А. Гапуров является автором многочисленных (около двухсот) научных статей и десяти монографий, посвященных истории стран Востока и Северного Кавказа. С 2006-го г. Ш.А. Гапуров избран действительным членом Академии наук Чеченской Республики и ее президентом. Под его руководством в АН ЧР была проведена большая работа по изданию чеченской энциклопедии, двухтомной академической грамматики чеченского языка и четырехтомной истории Чечни и чеченского народа.

Редакция журнала «Вайнах» присоединяется к поздравлениям коллег Шахрудина Айдиевича по университету и Академии наук Чеченской Республики и предлагает вниманию читателей интервью, состоявшееся накануне юбилейной даты.

Шахрудин Гапуров.

Честное имя в наследство

– Шахрудин Айдиевич, когда вы решили связать свою жизнь с исторической наукой? Кто повлиял или что повлияло на этот выбор?

– Я родился в январе тысяча девятьсот пятьдесят первого года в городе Таш-Кумыр, тогда еще Киргизской ССР, в период депортации чеченцев. В первый класс пошел там же, в сентябре пятьдесят восьмого года. Обучение велось на русском языке, которого я не знал тогда совершенно. В результате, четыре месяца (до возвращения из депортации) был там самым последним учеником. Я не мог понять, чего от меня хочет учительница – соответственно, она тоже не понимала меня, вскоре и вовсе записав в безнадежного двоечника. Скорее всего, так бы и остался в первом классе на второй год. Но повезло – в декабре переехали на родину, в восстановленную Чечено-Ингушскую АССР, и я продолжил учебу в подготовительном классе восьмилетней школы в селе Булгат-Ирзу, что в Ножай-Юртовском районе. Тогда обучение в начальных классах сельских школ велось на чеченском языке. И так получилось, что за второе полугодие я уже стал отличником. И дальше шел последовательно – пока не окончил школу с золотой медалью.

В селении Беной, где я заканчивал десятый класс, в шестидесятые годы директором школы был Леид Межидов – человек энциклопедических знаний, в буквальном смысле влюбленный в историю. Он вел у нас уроки истории так увлекательно и красиво, что для меня не возникало вопросов, куда пойти учиться – только на исторический факультет! Про то, чтобы заняться научной деятельностью, естественно, в школе не думал – просто хотелось получить высшее историческое образование. Ну а когда заканчивал вуз, начал думать: хорошо бы уже в качестве научного работника продолжить изучение истории. Таким образом, у истоков обращения меня в историки стоял (Дала гечдойла цунна) директор средней школы, Леид Межидов.

– В вашей биографической справке отмечается, что в свое время вы стали первым индоведом на Северном Кавказе и первым чеченцем, изучающим историю Индии. Это действительно так? И насколько, по-вашему, изменилась эта ситуация на сегодняшний день?

– Да, это так. Ситуация, может быть, изменилась в отношении региона в целом, но на тот момент, в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, когда наш пединститут был преобразован в университет и его шефом стал Ростовский госуниверситет, на

Северном Кавказе не было ни одного индоведа, не говоря уже о Чечне. Эта ситуация в республике и сегодня сохраняется, а в Краснодаре, насколько мне известно, есть один специалист по истории Индии. В том же году нашему университету было выдано два места в аспирантуру. Одно из них получила преподаватель с филологического факультета Бекова, ну а второе место дали мне.

Это был период общего увлечения индийским кино. И любовь к индийскому кино, перешедшая затем в любовь к этой удивительной стране, повлияла на то, что мне хотелось заняться именно историей Индии. Я поступил в аспирантуру при кафедре всеобщей истории Ростовского университета. На вопрос, чем бы хотел заниматься, так и ответил: историей Индии. Однако проблема состояла в том, что таких специалистов в РГУ не было, как не было и во всем северокавказском регионе. Традиционно, историей Индии занимались в Москве – в Институте востоковедения, Институте стран Азии и Африки при МГУ. Вторым традиционным центром был тогда Ташкентский и, пожалуй, Ленинградский университеты.

Моим первым научным руководителем в Ростове был профессор Хлыстов, зав. кафедрой всеобщей истории, специалист по истории Дона – то есть, к Индии имел весьма отдаленное отношение. Вот по этой причине меня и направили в Москву, в Институт востоковедения. Направили – это еще громко сказано. Мне сказали: «Ну хорошо, поезжай! Ищи себе руководителя, тему». В Институте востоковедения я обратился к заведующему отделом Индии, Григорию Григорьевичу Котовскому – сыну знаменитого героя Гражданской войны. Очень похожий, как говорили, на своего отца – абсолютно лысый, рослый и здоровый мужчина. Правда, встретил меня очень холодно – ах, с Ростовского университета, окончили грозненский вуз?. «Ну что вы, какая Индия! Тем более, какой язык вы изучали?» – «Немецкий», отвечаю. «Да ну, тут и говорить нечего! В Индии, в основном, на хинди выходит литература и на английском. Ни того, ни другого вы, естественно, не знаете».

В общем, после такого приема (другого выхода не было) я решил обратиться в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Там есть кафедра истории стран Южной Азии, и в их числе основное место занимала Индия. Заведующего кафедры, Юрия Ивановича Павлова, на месте не оказалось. Не представляя, что делать дальше, стою в коридоре. Проходивший мимо мужчина спросил, кого я жду. Я сказал: Павлова. Он говорит: «Я Павлов. Заходите». Спросил, кто я, откуда. «Шахрудин Гапуров, приехал из ЧИАССР». – «Да вы что! Мы же с вами земляки!» Здесь настала моя очередь удивляться: «Каким образом?». – «Я родился в станице Каргалинской, правда, еще до вхождения ее в ЧИАССР. Чечено-Ингушетию своей первой родиной считаю». В далеком тридцать седьмом году его отца перевели в Москву, он был чекистом, а позднее репрессировали. «Хотя я и не был у вас, но к Чечено-Ингушетии имею очень теплое отношение. Чем могу вам помочь?»

Я рассказал ему о своем желании заняться историей современного периода развития Индии. «Безусловно, вы первый чеченец, обратившийся ко мне. Это мой моральный долг вам помочь. Но поскольку я занимаюсь историей Индии девятнадцатого века, могу посоветовать Котовского – он современным периодом Индии занимается». Пришлось рассказать, что недавно уже был у него и что он очень прохладно встретил меня. «Ну, это другое дело!» – он тут же набирает номер, звонит: вот, мол, тут такой-то, я вас прошу помочь ему. Они оказались друзьями. Слышу: «Ладно, пусть завтра с утра подходит». На следующий день я снова поехал к Котовскому – прием был уже совершенно другой, очень теплый. Мы тут же тему определили, план разработали – это была «Политическая борьба в Индии в шестидесятые годы». Вот так я стал индоведом.

– Вы читали роман советского русского писателя и ученого-палеонтолога Ивана Ефремова «Лезвие бритвы»?

– Читал. Давно, правда.

– Тогда, наверное, помните одного героя-чеченца со страниц этого романа –

Солтамурада Бехоева, названного внуком родного брата легендарного абрека Зелимхана Харачоевского? Ученый-индолог, знаток нескольких индийских языков. Не означает ли это, что отчасти лавры первого чеченского специалиста по Индии...

– Были отданы за несколько десятилетий другому чеченцу! (Смеется) Ну, поскольку Ефремов писал больше фантастические вещи («Час быка» и тому подобные), наверное, экзотики ради, лавры первого индоведа он отдал герою-чеченцу. На самом деле такового, конечно, не было. Но все равно приятно, что Ефремов решил именно

чеченца, да еще с такой биографией, сделать ученым-индологом!

– В этой же справке сообщается, что продолжить научную работу по истории Индии стало в определенный период для вас невозможным, и вы решили переквалифицироваться в кавказоведы. А сейчас есть желание вернуться к истокам и продолжить прерванную работу?

– Чтобы написать докторскую диссертацию по истории Индии, нужно было снова поехать в эту страну, собрать материалы – в любом случае, не менее чем на год. Но в конце восьмидесятых и, особенно, в начале девяностых это стало практически невозможным. В те годы, когда я учился в аспирантуре, у аспирантов, занимавшихся историей Индии, еще была такая возможность. Им выплачивали весьма приличную по индийским меркам стипендию, на которую можно было прожить. После развала Советского Союза посылать аспирантов и докторантов сразу перестали, политика подготовки научных кадров стала совершенно другой, и такого устремления к заботе над наукой, как в советское время, будем говорить правду, в России сегодня уже нет. И поскольку поездка в Индию на собственные средства стала невозможной, я переквалифицировался в кавказоведение. Тем более что история Чечни дореволюционного периода (по сравнению с другими республиками Северного Кавказа) была очень слабо изучена. Прежде всего это относится к Кавказской войне. Ведь в советские времена изучение истории национально-освободительной войны, особенно в Чечне, не поощрялось. И даже было запрещено, не в последнюю очередь из-за депортации. Так что период Кавказской войны был абсолютным «белым пятном». Дагестанцы, конечно, писали о движении Шамиля, о том, что Чечня входила в состав имамата. Ну а какой вклад внесла Чечня в борьбу за свою свободу и о том, что столица имамата вообще находилась в Чечне, – ничего не говорилось. Именно по этой причине я принял решение заняться изучением Кавказской войны.

На сегодняшний день этой проблематике у меня посвящено восемь монографий, и еще есть около двухсот научных работ. По истории Кавказской войны теперь считаю одним из ведущих специалистов, награжден в связи с этим золотой медалью имама Шамиля в Дагестане, меня часто приглашают на различные конференции, «круглые столы», посвященные этой теме. Поэтому считаю, что сегодня возврат к индологическому уже вряд ли возможен. После защиты кандидатской диссертации (это было в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году) прошло более тридцати лет. Я перестал следить за научной литературой по индологическому, отошел от темы – войти туда вновь уже довольно сложно. Так что я согласен с изречением древнегреческого философа о том, что в одну реку дважды нельзя войти.

– Вы преподаете в университете, являетесь президентом Академии наук Чеченской республики. Одно занятие не мешает другому? Насколько это распространенная практика в научном мире – совмещение преподавательской и научной деятельности?

– В Чеченской Республике это довольно распространенная практика. Потому что после двух военных кампаний научный потенциал у нас стал довольно ограниченным. Еще в советское время в отношении чеченцев делалось очень мало в области подготовки научных кадров. С трудом, огромным трудом в науку прорывались чеченцы – практически единицы. А когда произошел развал Советского Союза, основной костяк русскоязычных ученых уехал, остались только чеченцы. Причем почти сорок процентов научного потенциала из чеченцев тоже оказались за пределами Чеченской Республики. Поэтому оставшиеся ученые у нас, в буквальном смысле, нарасхват. Они вынуждены совмещать и научную, и другие виды работ – как в силу экономических причин, так и в смысле того, что специалистов мало и в вузах, и в научных учреждениях. Благо, российское законодательство это не запрещает.

Да и в принципе, это вполне обычная практика – у профессоров нагрузка бывает в два раза меньше, чем у обычных преподавателей. Связано это с тем, что они должны заниматься в первую очередь подготовкой научных кадров – тех же аспирантов, докторантов. Три-четыре лекции в неделю для студентов, как правило, выпадают на субботу. Ну и, как заведующий кафедры, еще день-два трачу на решение текущих организационных дел на кафедре. Так что пока это еще совместимо...

– А какие преимущества это дает лично вам?

– Человек, который большую часть своей жизни занимается преподавательской деятельностью (а я преподаю с тысяча девятьсот семьдесят седьмого года), за долгие годы к ней привыкает. К тому же работа со студентами, честно говоря, довольно

увлекательна. Особенно в тех случаях, когда, читая свои лекции, преподаватель видит светящиеся лица студентов и благодарную реакцию зала. Это очень похоже на то, что чувствуют артисты, которые не в силах жить без сцены. Поэтому хорошие преподаватели (надеюсь, что и я к ним отношусь) тоже, в общем-то, обойтись без аудитории, общения со студентами не могут.

– **И я припоминаю ваши интересные лекции – особенно о «культурной революции» в Китае, призыв Мао Цзэдуна: «Пусть расцветают сто цветов...»**

– Вот-вот! «...пусть спорят сто школ».

– **Академия наук – это что по-вашему? Место, где пульсирует научная мысль, рождаются новые открытия, теории, кипит исследовательская деятельность – или последнее «монументальное» прибежище для достаточно зрелых в смысле жизненного и профессионального пути преподавателей вузов, ученых?**

– Я думаю, что все-таки первое. Потому что Академия наук ЧР на сегодняшний день – это координационный центр научной работы в Чеченской Республике. У нас есть отделы, сектора практической по всем отраслям науки – по естественным, гуманитарным... За последние пять лет мы ежегодно выпускаем по десять-двадцать только монографий. У нас, дважды в год, стал выходить свой журнал – «Вестник Академии Чеченской Республики».

Академия очень многое делает для развития чеченского языка. Это я считаю одним из важнейших наших достижений. С самого начала мы разработали и издали программу развития чеченского языка, которой много сил и времени отдал профессор Халидов. За это же время стали выпускать научный журнал на чеченском языке «Таллам» – ежегодно по одному-два номера. И это ответ на вопрос о том – можно ли на чеченском языке научную мысль излагать? Мы выпустили два больших словаря – словарь общественно-политических терминов, столь необходимый на государственной службе, терминологический словарь и подготовили на чеченском языке медицинский атлас. Сейчас он находится в издательстве – надеемся, что в январе-феврале выйдет. Это тоже, кстати, впервые. То есть мы не только говорим о необходимости развития чеченского языка, но и реально над этим работаем. У нас, нашими же сотрудниками, изданы два хороших добротных учебника по чеченскому языку. Полностью готов к изданию первый том академической грамматики чеченского языка. Его не было за все время существования нашей республики с советских времен. Единственное, чего у нас нет – это лабораторной базы для развития естественных наук. Потому что во время военных действий реальная база научных исследований была полностью уничтожена. Знаете, это очень больших денег стоит – десятки и десятки миллионов, почти миллиардов! Потому что тот же современный микроскоп стоит чуть ли не миллион рублей, и пока это еще дорогое удовольствие для нашей республики. В первую очередь надо восстанавливать социальную инфраструктуру: больницы, школы, жилье, дороги... Только сейчас мы подходим к тому моменту, когда на науку можно будет больше выделять финансовых средств. Так что научная жизнь в республике кипит. И сегодня Академия наук – наиболее динамично действующая структура.

– **Что означает для вас должность президента Академии наук?**

– Здесь дело даже не во мне. Это действительно очень почетная и престижная должность. И занимать ее должны люди, имеющие определенные научные заслуги. Именно таким человеком был создатель Академии наук Чеченской Республики, Хамзат Исмаилович Ибрагимов. Я не считаю себя, может быть, таким крупным ученым, каким был он. Просто Аллах так распорядился, что по Его воле и по решению главы нашей республики, Рамзана Ахматовича Кадырова, я оказался в роли руководителя этой Академии. Насколько я хорошо работаю или нет – об этом, видимо, судить людям.

– **С чего начинается ваш рабочий день?**

– Работа начинается с 9-ти часов. Утром собираются сотрудники подразделений: решают, какие проблемы накопились за предыдущий день, ставят задачи на сегодняшний день. Как правило, не обходится без того, чтобы где-то не состоялось совещание, заседание – куда необходимо выехать. Ну и в промежутках между этими делами занимаюсь научной работой. Вот сейчас пишу книгу о восстании в Чечне в последней трети девятнадцатого века под предводительством Алибека Хаджиева.

– **Следующий вопрос отчасти перекликается с тем, о чем вы говорили в самом начале: бытует мнение, что в истории народов Северного Кавказа, и в частности чеченцев, существует много так называемых «белых пятен». В последние годы издается много литературы на эту тему. Сейчас эта проблема по-прежнему**

актуальна или можно говорить о прорыве в данной области?

– Думаю, она по-прежнему актуальна. Я уже говорил, что в советское время были целые области в исторической науке, которыми партийная идеология не разрешала заниматься. А потом – двадцать лет хаоса, две войны – мы сильно отстали от соседних республик. Эти «белые пятна» и сейчас, к сожалению, есть, и не могли быть решены за последние десять лет, потому что в науке очень быстро ничего не делается. По сегодняшний день остаются спорными вопросы происхождения чеченского этноса. Есть на этот счет разные точки зрения. Одни говорят, что мы наследники шумеров, хурритов, ближневосточной культуры. Другие считают, что чеченцы – это коренные жители Кавказа. Что когда-то были очень влиятельными, их влияние распространялось за Кавказским хребтом. В силу того, что у нас нет письменных источников на своем языке – к сожалению, в этом плане мы бесписьменный народ – вопрос этот трудноразрешим. Мы надеемся, что одним из способов его решения станут армянские источники. Насколько мы можем судить и как нам сообщили армянские коллеги, у них в хранилищах древних рукописей находится до полусотни летописных произведений по древнеармянской истории, где говорится о чеченцах. Но даже в самой Армении сегодня очень мало людей, которые могут читать и переводить древнеармянский язык – тем более это сложно и проблемно для нас. Значит, нужно готовить специалистов. И мы уже договорились с Ереванским госуниверситетом, что они возьмут несколько человек наших студентов-энтузиастов со вторых и третьих курсов. Тем более что такая программа у главы республики есть – посылать обучаться молодежь в зарубежные вузы. Они на месте будут изучать и древний армянский язык, и современный.

Это одна сторона проблемы. Второй очень спорной точкой зрения считается вопрос об уровне развития чеченского общества до двадцатого века. Одни, царские историки, считали, что чеченцы были совсем отсталым и диким народом. Наши историки доказывают, что уже в семнадцатом веке у нас было сильное развитие социального неравенства, имущественное расслоение, были князья, были зависимые. Но к концу восемнадцатого века они исчезают. У чеченцев, в менталитете, действительно, такое заложено – мы настолько свободолюбивы, что как только нависала угроза личной свободе, чеченцы уничтожали этот нарождающийся феодальный класс.

– «Да не встанет княжич из люльки, да не выползет волчонок из норы»?

– Да! А человечество, между тем, другого пути развития не знает. Первообытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический... И вот, получилось, что в период развития феодально-крепостнических отношений мы шли по кругу. Подходили к феодальному строю, вот стали появляться первые феодально-зависимые... и в то же время, почувствовав опасность потери личной свободы, чеченцы восставали и феодалов убивали. Мы прошли в течение трех веков по этому кругу и не смогли из него выбраться, пока не были присоединены к Российской империи. По сегодняшний день это малоизученная проблема.

Безусловно, и Кавказская война тоже требует своего дальнейшего изучения, и период двадцатых-сороковых годов, – то есть период репрессий, колхозного строительства. Ведь в результате сложилось так, что российские историки все время пишут: «бандитское движение в Чечне». Да, чеченцы боролись против советской власти, против коллективизации, против попыток их разоружить. Ну почему, если сталинский режим был признан преступным, то сопротивлявшиеся этому режиму люди – бандиты, а не политические борцы? Сегодня в той же самой России, на Украине, в странах Прибалтики борцы со сталинским режимом приравнены к борцам за свободу. А у нас они почему-то до сих пор бандитами остаются. И этот большой период тоже надо изучать и расставлять все точки над «i» – как на самом деле было, почему восставали...

– Когда знакомиться с историческими трудами иных зарубежных или отечественных историков, то обращаешь внимание на авторский взгляд по исследуемому вопросу. Этим авторским «почерком», индивидуальностью, если хотите, отмечена вся работа – делая чтение такой научной литературы не просто познавательным, но и увлекательным. И напротив, открывая аналогичную книгу некоторых местных авторов, ловишь себя на мысли, что держишь в руках такой сплошной цитатник. Испещренный ссылками, сносками, примечаниями (в разумных количествах без них, конечно, не обходится ни один научный труд) – где авторское мнение зачастую скромно укладывается в предложение из двух слов: «мы считаем» или «мы полагаем»... Почему такой диссонанс в восприятии

текста? Это какой-то особый метод работы над темой или – автор просто не утруждается пропустить собранную им информацию через себя, осмыслить ее – ограничиваясь обычной компиляцией исторических документов?

– Нет, я думаю такова специфика исторических исследований. Авторский взгляд в гуманитарных науках – явление общепринятое. Даже в тех случаях, когда авторы работают с одинаковыми документами – каждый комментирует их по-своему, по-разному понимает. И если чужой взгляд не совпадает с вашим – вы полемизируете, доказываете. Вот в таком случае и приходится приводить цитаты – как тех, кто вашу точку зрения не разделяет, так и тех, кто с вами солидарен. То есть в данном случае, это еще один аргумент в пользу вашей точки зрения. Хотя сам я полагаю, что главный упор в исторических исследованиях необходимо все же делать на архивные документы, воспоминания современников. Но опять-таки, тут есть и другой момент – не всегда слепое следование документу приводит к объективности. Если мы с вами возьмем период депортации чеченцев – по документам сорок первого и сорок третьего годов – то в основном они составлены по донесениям работников НКВД. Согласно этим донесениям, в Чечне было сплошное бандитское движение. А как обстояло в действительности? Уже в тысяча девятьсот сорок втором году Сталин и Берия принимают решение о депортации чеченцев. И надо было подготовить базу для этого выселения. Было дано задание из Москвы, чтобы во всех соответствующих донесениях эта база была подготовлена. Вот работники НКВД и докладывали: в таком-то регионе столько-то бандитов, в таком-то столько изъято оружия. По этим документам все чеченцы являются бандитами. Ну а если по-другому подойти? Наши старики рассказывают: в горное селение приходил отряд чекистов. Хватали первого попавшегося мужчину и расстреливали, а потом объявляли: если не выдадите столько-то винтовок – мы труп для захоронения не отдадим. Это абсолютная правда, и такое происходило в массовом порядке. У чеченцев свято захоронить своего родственника. Винтовки, другое оружие покупали и сдавали. А вот эти работники НКВД потом стали писать: уничтожен такой-то отряд, изъято столько-то оружия. Нам известно, что миллионы советских людей были репрессированы. Даже такие партийные работники, как Косарев, Постышев; военачальники Тухачевский, Блюхер и многие другие. И были документы, суды, по которым они все шпионы, бандиты – хотя, как мы теперь знаем, они ими не были. Вот к таким документам подход должен быть критическим: как он составлялся, кем, в каких целях, в какое время. Так что авторский взгляд, безусловно, был и будет.

– Поздравляю вас с юбилейной датой – в январе вам исполняется шестьдесят лет. Считаете ли вы, что к настоящему моменту достигли всего, чего хотели бы добиться? Какими принципами вы руководствуетесь в своей жизни?

– Мне исполняется шестьдесят лет, и на протяжении всей своей жизни я всегда руководствовался пониманием (говорю не к моменту, а так всегда и поступал) того, что Аллах – великая сила. Он ведет подсчет хороших и плохих дел. Человек может совершать и зло, и подлость, думая, что люди об этом не узнают. Но ведь Аллах-то об этом знает. За шестьдесят лет я всегда убеждался в том, что добро, тобою сделанное, в любом случае, обязательно тебе добро принесет. Но если ты будешь поступать во зло – может быть соответствующее наказание.

Самый главный мой принцип в жизни – быть порядочным. Не знаю, как это у меня получается – в силу возможностей, я старался делать людям добро. А самое главное мое желание – оставить своим детям честное имя.

Беседовала Роза Межиева.

Вахит Бибулатов

Слово о моих предках

История каждого рода, семьи является частичкой истории народа, и в этом отношении представляет не только частный интерес, но и общественный.

Принято считать, что каждый уважающий себя чеченец должен знать свою родословную ветвь хотя бы до седьмого колена. У меня и в мыслях нет цели возвеличивать свой род над другими, хотя в Чечне он является одним из самых больших и известных. В моем роду, как и во многих других, были и кьонахи, и посредством, как говорится: «Нана яларш а бу, ненан баларш а бу». Еще оригинальней об этом сказала одна молодая и талантливая чеченская поэтесса: «Родственники бывают близкими, дальними и недалекими»... Вот эта категория «недалеких» портит жизнь всем остальным. Но, слава Аллаху, мир держится на достойных мужах, хотя их в процентном соотношении меньше.

В Архивном управлении Правительства ЧР вышли в последнее время две книги: «Камеральные списки Аргунского округа» и «Посемейные списки Ичкеринского округа», опираясь на материалы которого, многие могут, хотя бы частично, восстановить генеалогию своих предков. Намечаются к изданию списки переписи и других округов. Правда, не все списки населенных пунктов сохранились, в связи с событиями последних десятилетий в нашей республике.

Мне хочется в этой статье поведать о людях моего рода.

Я из тейпа бено (и этим сказано все). Мои предки жили в одном из сел Ножай-Юртовского района. Они относились к гару Доввши-некье, а мы, нынешние потомки, относим себя к гару Юесп-некье. Дело в том, что предок с этим именем, по причине кровной мести вынужден был уйти на равнинные земли, и мы повели отсчет от него. У него, по рассказам стариков, в родном селе остались пять братьев. В том конфликте он не был виновен, но, по горским законам, должен был, из уважения к родственникам жертвы, оставить село и перебраться в другое место. Так он оказался в Малых Атагах. Позднее кровники его простили, но он не вернулся домой, так как обосновался на новом месте. Человеком он был мудрым. Времена были беспокойные, и он троих своих сыновей расселил по разным селам (Шали, Урус-Мартан), а младшего оставил при себе, в селении Новые Атаги. Он расселил их так на тот случай, если колонизаторы разорят одно из сел, в котором живет один из братьев, то остальные могли бы принять его семью у себя. А родственные отношения, не зря говорят, лучше сохраняются на расстоянии.

Родословная ветвь Бибулатовых:

Юсуп

Мухтар

Витарг

Мисарби

Аду (Года) – Ака (Іака) (отдельная ветвь)

Бекбулат – Шахбулат (отдельная ветвь)

Хажи – Бийбулат – Межед – Далхад (отдельная ветвь)
(наследников нет)

Магомед – Сайд-Хасан (служил в Брестской крепости, пропал б/в)
(наследников нет)

Вахита – Махмуд – Магомед-Эми (погиб 13. 03.1995 г.).

Адам – Руслан – Тамерлан

Магомед был моим отцом. Он прожил очень сложную жизнь и о нем я расскажу в последнюю очередь. Документальный источник о своих предках я нашел в архивных документах: «Посемейные списки 6 участка Грозненского округа за 1886 год». Там

под порядковым номером «174» значился Адуев Бекбулат, 50 лет, и его сыновья: Бийбулат – 19 лет, Хажи – 17 лет, Межед – 8 лет. Общественник, имеет: саклю – 1, быка – 1, буйволицу – 1, лошадь – 1. (Был позже и четвертый сын, Далхад, самый младший – В.Б.).

От Аду пошли сыновья: Бекбулат (Бекбулатовы, Бибулатовы) и Шахбулат (Сангиреевы, Митаевы, Самбиевы и Абубакаровы), а от его брата Аки – Акаевы, Баудиновы, Бисултановы и Товсултановы.

Были в нашем роду и щедрые, благородные люди, которые занимались благотворительностью, а были и совсем другие, о которых здесь говорить не буду.

Например, мой дед Бийбулат, как и многие односельчане, вложил средства в строительство сельской центральной мечети, и его фамилия записана арабской вязью над левым боковым окном у центрального входа в мечеть. Он был в селе уважаемым человеком – за честность, богобоязненность, справедливость и щедрость. Когда

Магомед Бибулатов.

в те времена муталимы ходили по дворам, собирая для себя продукты на пропитание, и Бийбулат, не скупясь, отрезал для них большой кусок мяса от туши, его отец, Бекбулат, частенько выражал недовольство – видимо, сказывалась его старческая расчетливость. Бийбулат занимался пчеловодством, земледелием и держал скот. Однажды, когда его отец работал в поле, мимо проезжали казаки, они спросили его, не видел ли он других всадников. Ничего не подозревая, Бийбулат сказал, что видел. Казаки ускакали, но потом вернулись и обвинили его в том, что он послал их по ложному следу, и его на время посадили в тюрьму. Потом, за неимением доказательств, отпустили. По возвращении домой, к нему пришли соседи и спросили, за что его забирали. Он ответил по-чеченски так: «ХЮкхул тIаьхьа хьолтIаман бен бага тIаттор йолуш вац-кха со!» или в переводе на русский язык: «С этого момента я раскрою рот только для заглатывания галушек!» Когда Бийбулат узнал, что его горячо любимая молодая жена в беседе осмеяла разговор его седого отца, он, не раздумывая, расстался с ней. Век Бийбулата был недолгим, он умер в расцвете лет на 51 году жизни (в 1918 г.), когда его старшему сыну Магомеду было пять лет, а младший Сайд-Хасан только появился на свет. У них в семье были еще три сестры. Две сестры были старше Магомеда, а одна младше. Бийбулат в последние годы жизни собирался строить водяную мельницу на реке Аргун вместе с дальним родственником Индарби Дудаевым, на северной окраине села, но не успел ее построить... Были у Бийбулата братья: Хажи, Межед и Далхад. Хажи был больным и недалекого ума человеком. Межед умер молодым. Бекбулат, чтобы научить Межеда арабской грамоте, отдал третью часть своей земли, которая ближе к мечети, ученому алиму и дальнему родственнику Дудаеву Аюбу.

Сын Бийбулата, Сайд-Хасан, в детстве был слабым ребенком. Однажды его положили в утробу жертвенного животного. Так врачевали наши предки. Потом он вырос и окреп, стал смелым, сильным и достойным парнем. Когда призвали его друга, старшего по возрасту, Сайд-Хасан тоже ушел в армию добровольцем. Служил в Брестской крепости и должен был возвратиться домой осенью 1941 года, но война перечеркнула все... Сайд-Хасан числится в списках, пропавших без вести. Еще до начала войны с Германией он совершил героический поступок. Группа нарушителей границы, в количестве до двух десятков человек, перешла границу в зоне его поста. Произошла перестрелка, в ходе которой Сайд-Хасан убил четырех лазутчиков и двенадцать взял в плен, хотя, до подхода своих, он оставался один. Об этом факте он сообщал в письме своему старшему брату. Армейская переписка Сайд-Хасана с родными изъята во время первого ареста моего отца в 1943 году.

Однажды подросток и ровесник Сайд-Хасана, чтобы похвалиться, сказал среди ребят: «Вот, если бы у меня был пистолет, как у Магомеда (он работал в милиции), то я ночью один пошел бы в то место, где живут за селом одичавшие собаки». Услышав

эти слова, Сайд-Хасан тайком от брата принес его служебный пистолет и предложил тому парню выполнить свое обещание, но тот мальчик отказался, сказав, что у него разболелся живот... Сайд-Хасан на его месте не отказался бы от своих слов. Он был не из тех, кто бросается словами.

В детские годы он как-то ходил купаться на реку Аргун. Стояли у речки парень с девушкой и мило беседовали, а он загорал на песке рядом. Парень спросил у девушки: «Что на свете самое сладкое?» – имея в виду любовь. Но юнец, который все это слышал и понял по-своему, спросил: «А можно я отвечу!» Тот сказал: «Давай». И мальчик ответил с важным видом: «Самое вкусное и сладкое на свете – это хингал – лепешка с начинкой из тыквенной каши с сахаром». Двое влюбленных еще долго смеялись над немудреным ответом мальчугана. И при каждой встрече переспрашивали у него: «Ну-ка, скажи, паренек, что на свете слаще всего?!» Как-то заболела мать Сайда-Хасана и он, знавший, где спрятана материнская заначка, тайком брал оттуда деньги и покупал ей фрукты и другие продукты. Мать, Секи, каждый раз спрашивала у сына, откуда у него деньги, а он все время отвечал: кушай, выздоравливай и ни о чем не спрашивай. А когда она поправилась и полезла за заначкой на крышу, то заметила, что денег поубавилось, и пригрозила младшему сыну, что расскажет старшему брату Магомеду о его проделках. Сайд-Хасан потом ходил с опущенной головой, рассказывая своим ровесникам о том, что старший брат накажет его, когда вернется с работы. Но мать только пугала его на будущее, чтобы в другой раз без спроса не брал то, что не положено. Секи одна поднимала пятерых детей, и потому была рачительной матерью.

А теперь о моем отце, Магомед. Он был, как говорится, первым парнем на селе. Достаточно образованный для своего времени, можно сказать, красивый мужчина, похожий на артиста: стройный брюнет с голубыми глазами, красивой прической, всегда хорошо одетый и холерный. Многие девушки села им грезили. Он некоторое время работал учителем, а до войны его перевели работать в милицию. Секи не приучала с детства своего старшего сына Магомеда к физическому труду. После семилетки он учился в реальном училище г. Грозного вместе с Абдурахманом Авторхановым, но вынужден был после оставить учебу из-за того, что мать сильно заболела, и ему надо было работать, чтобы прокормить семью. Он устроился сначала учителем в сельской школе, а потом ему предложили работу в милиции.

Когда он работал в селе Старые Атаги (тогда был Атагинский район) и посещал рынок, то при виде милицейской формы торговки и торговки убирала запретный товар (тогда запретным было многое). Но, когда он подходил ближе, и его узнавали – все выставляли свой товар, говоря: этот ничего не тронет... Магомед, в отличие от многих тогдашних милиционеров, был порядочным человеком, он не приставал к простым людям и не отбирал у них вещи или продукты.

Проходя по улицам любого села, он приветствовал стариков, справлялся о здоровье, и никогда не выпячивался, как представитель власти, и люди вслед ему говорили: «Этот кьонах благородных кровей!». Когда его дальний родственник преследовался властями, как кулак (Абдул, сын Дудаева Индарби) из-за их мельницы, то мой отец в то сложное и опасное время сделал ему паспорт на другое имя, чтобы он мог скрыться от расправы. Еще во времена создания совхозов и колхозов, как и других школьников, отца брали в рейды по проверке схронов зерна и кукурузы (люди не хотели отдавать свое последнее государству), и во время очередной проверки его заставили подняться по лестнице и проверить, есть ли на чердаке спрятанное зерно или кукуруза. Когда Магомед осмотрел крышу, то увидел, что там полно кукурузы, но он сказал, что на крыше ничего нет, и проверяющие ушли ни с чем. И так повторялось каждый раз. Отец об этом забыл, но ему напомнил внук (бухгалтер) односельчанина, которого в те времена «проверял» мой отец... Случилось это так: когда Магомед спустя долгие годы после того случая, работая на сельской водокачке после пенсии, стоял в очереди за зарплатой, его вне очереди подозвал кассир-бухгалтер Юнусов Хизир. Выдал ему деньги и при этом сказал: мой дед Юнус завещал мне и моему отцу, чтобы при случае мы отблагодарили тебя добром за то, что ты помог ему в те трудные времена, когда государство отнимало у простых крестьян урожаи в пользу колхозов. Отец после этого всегда зарплату получал, не простаивая в очередях. Так ему вернулось добро за добро.

Однажды друг моего отца пришел к нему домой и увидел такую сцену: молодая жена его друга ругает свою свекровь, обвиняя ее без всяких оснований в том, что выстиранные ею и повешенные сушиться вещи валяются на земле (возможно, они упали из-за ветра или их повалила скотина). Друг отца без согласования с ним выгнал его жену. Отец, узнав об этом факте, не позвал ее домой и, в свою очередь, дал ей развод. Я пишу об этом, чтобы показать, какие тогда были нравы и как мужчины не бросались словами, в отличие от современных мужчин: «Дал развод и взял жену обратно...». Не было у них такой анархии и разлада в семье, как в настоящее время. Мужчина и женщина знали свое место в семье и в обществе. А кто не знал, того всегда ставили на место...

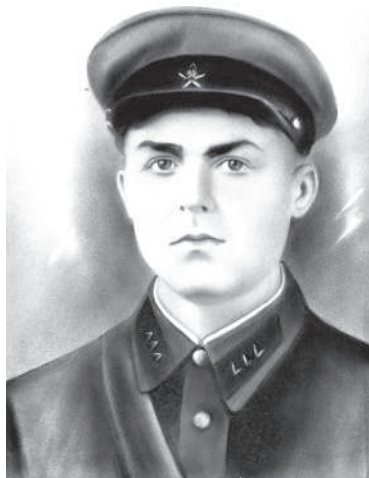
Думаю, никому не нужно объяснять, что пережил человек, дважды безвинно побывавший в лагерях НКВД во время войны и выселения чеченцев, на которых было клеймо «врага народа». Он был бесправен дважды: как заключенный и как чеченец...

В первый раз Магомеда арестовали в марте 1943 года, в возрасте 30 лет, из-за ложных показаний сына его знакомого, который дезертировал из армии. Когда его арестовали во второй раз, в тюрьме Магомед случайно узнал от одного заключенного чеченца, что, когда тот сидел в 1943 году в Грозненской тюрьме, к ним в камеру забросили человека, которого пытали энкавэдэшники. Он поинтересовался у него, за что его посадили и зачем его пытали. Тот ответил, что он дезертировал из армии и от него требовали назвать несуществующих сообщников. Не думая о последствиях, рассказывал дальше этот человек, он посоветовал ему назвать любого знакомого односельчанина, чтобы перестали пытаться. У парня выдергивали зубы и ногти щипцами, он очень страдал от мук... «Потом он все равно умер. Так что я стал невольным виновником твоего первого ареста», – объяснил ему заключенный. Во время первого попадания в тюрьму Магомеду пришлось доказывать «блатным», что его место не на «параше»...

В лагере с ним был один физически сильный земляк, который без всякого повода издевался над лагерной воровской братией. Отец его предупредил, чтобы он зря не играл с огнем: «Сейчас их в лагере мало, но когда их соберется много, они захотят тебе отомстить». Так оно и случилось, как предрекал отец. Когда этапом в лагерь привезли очередную крупную партию уголовников, в тот же день заключенных водили в баню попарно. Отец оказался в паре с тем земляком, и когда их завели в баню, и они начали мыться, вдруг кто-то выключил свет и туда с заточками заскочили уголовники. Уголовники с оружием, а эти в бане голые и без всяких средств для самозащиты. Началась потасовка: уголовники тянут своего мучителя на улицу, а мой отец держит его, чтобы не увели. Хорошо еще, что их не забили на месте. В это время на улице послышался какой-то шум и крики. Оказывается, один молодой чеченец прибежал им на помощь и у дверей его убили те уголовники, что стояли на стреме. Те, воры, которые заскочили в баню, убежали, испугавшись шума на улице. Так, рассказывал мой отец, из-за глупости одного земляка погиб другой земляк, который был единственным сыном у родителей и прибежал их выручать. На воле, при встрече, этот человек отводил глаза от моего отца и не здоровался, сознавая свой грех и вину перед тем парнем – наверное, совесть мучила.

Наш отец соединился с семьей в Казахстане летом 1945 года, после отбытия срока наказания в лагерях Сибири. Когда он пришел из мест первого заключения, то трехлетняя дочь Зура не признавала его и не заходила в дом, говоря, что не зайдет домой, пока чужой дядя не уйдет. Ей был только годик, когда арестовали отца. Свою мать Секи он не застал в живых к этому времени.

Второй раз отца посадили в июле 1953 года в возрасте 40 лет, а причиной заключения отца стали... конфеты. Он работал тогда завмагом в продовольственном

С.-Х. Бибулатов.

магазине. Это было в Казахстане. Какие-то нечистые на руку люди работали сторожами в каком-то магазине и предложили моему отцу продать в его магазине украденные ими конфеты, которые, по их словам, были им выданы в качестве зарплаты. Отец спросил их, не ворованные ли предлагаемые ему конфеты – если да, то их ему не предлагать. Но те его клятвенно заверили, а он им поверил. И поплатился за свою наивность... Не довольствуясь тем, эти люди, если их можно назвать таковыми, попросили моего отца не выдавать их на следствии, заверили, что они его вытащат. И, дважды обманув, подставили, подкупили судей, засадили вместо себя, оторвав надолго от семьи. В итоге, он провел четыре с лишним года в то непростое время в тюрьмах и лагерях, хотя ему присуждалось значительно больше. Он не признавал своей вины (каждый раз обжаловал приговоры в высшие инстанции), и поэтому ему меняли уголовные статьи на другие, менее строгие.

Винновники его второй трагедии не принесли моему отцу ни личных, ни публичных извинений. Один из них ушел в мир иной со многими пороками и грехами, Бог ему судья! Другой грешник старается смыть свои грехи, не покаившись перед моим отцом еще при жизни. Когда, вернувшись из армии, я спросил у отца разрешения покататься с ними, он сказал мне: «Все в этом мире происходит по воле Всевышнего Творца, и Он нас проверяет испытаниями. Благодаря Его воле я вернулся живым из заключения. Бог всем неподкупный судья, и Он воздаст каждому за его грехи или за благие деяния. Я не разрешаю тебе взять возмездие на себя. К тому же я не допустил бы, чтобы из-за меня у тебя были проблемы перед законом...»

Когда Магомед вернулся после второго срока заключения (в марте 1955 года), его семья жила еще в Казахстане, а через месяц-другой перебралась вместе с ним в Киргизию (факты из жизни моего отца приводятся в моей статье «Сильная духом» о моей матери Закият в газете «Вести Республики» № 229-230 (912) от 29.11. 2008 года).

В 1957 году мы вернулись в республику из Средней Азии. Проработав некоторое время на Аргунском предприятии «Заготзерно», отец ушел на пенсию. В начале 80-х он получил инфаркт миокарда, а умер через десяток лет, в 1993 году.

Из-за пережитых несправедливостей отец был нервным, но быстро отходил и сожалел о сказанном или содеянном. Он однажды прослезился, провожая меня отдыхать в пионерский лагерь на месяц, а провожать нас сыновей в армию вообще не ходил, боясь, что при людях не сумеет сдержать себя. Он был замечательным и справедливым отцом.

Розита Эсенбаева

Особенности глагольной формы в чеченском языке

Современный чеченский язык относится к восточноевропейским языкам, так как вследствие утраты пеласгами некоторых своих территорий на Западе пеласгийский-чеченский язык сохранился только на Кавказе как коренной, исконно кавказский язык. Язык Кавказа, а сегодня язык Центральной части Кавказа, чеченский язык как граничащий с зоной азиатских языков является маргинальным, то есть пограничным языком Европы. Возникший как язык преимущественно горцев, вследствие условий развития без внешних контактов, то есть эндогенного, самостоятельного развития чеченский язык, подобно маргинальному в зоне романских языков ретороманскому языку высокогорной Швейцарии, сохранился в архаичной форме. Как живой современный и в то же время архаичный древний язык чеченский язык позволяет проводить исследования и сравнительно-исторические (диахронные), и сопоставительные исследования с современными языками европейской семьи языков, то есть синхронные исследования. Мы рассмотрим это на примере морфологически сложной части речи – глаголе, точнее, на примере отдельных аспектов системы глагола. Система глагола чеченского языка соотносится как с системой древнегреческого и латинского языков, так и с системой глагола в европейских языках, поскольку в древности как пеласги чеченцы контактировали и с древними греками, и с римлянами, а западноевропейские языки, как известно, многое взяли и из древнегреческого языка, и, особенно, из латинского языка. В связи с тем, что в конце XX века в книге Дж. П. Мэллори «В поисках индоевропейцев. Язык, археология, миф» (Лондон 1989, 2005) была окончательно развенчана гипотеза об индоевропейцах и семье их языков, более ста пятидесяти лет использовавшаяся как аксиома, мы будем исходить из простой идеи реального существования европейской семьи языков, делящейся на западноевропейские языки и восточноевропейские языки, независимо от их происхождения, имеющие в общем сходную внешне систему построения основных структур языка.

Как и в других европейских языках, глаголу в чеченском языке свойственны категории времени, наклонения, залога, вида, лица, числа и переходности-непереходности. Следует сразу оговориться, что основная путаница в подаче материала о глаголах в чеченском языке связана с явно устаревшим и противоречивым понятием о классах, представленных с самого начала исследования чеченского языка как заменяющие понятие рода в чеченском языке. Еще в середине XX в. профессор Ю.Д. Дешериев выдвинул идею наличия в чеченском языке мужского, женского (это не отрицается современными учеными), среднего рода и смешанного рода (последние две категории ученые обходят молчанием). Другой выдающийся исследователь чеченского языка А.Г. Мациев в своем кратком очерке грамматики, приложенном к чеченско-русскому словарю под редакцией Ю.Д. Дешериева, осторожно указывает, что категории классов в чеченском языке аналогична, в известной мере, грамматическая категория рода в русском языке.

Несомненно, более прав Ю.Д. Дешериев, хотя в своих работах он не развил эту идею. Сегодня кажутся странными категорические утверждения ученых, заявляющих в своих учебниках и трудах, что в чеченском языке нет родов, а есть классы слов. «Все слова делятся на класс человека и класс вещей», – пишется в «Самоучителе чеченского языка» З. Хамидовой. И далее: Класс человека делится на мужской род и женский, а класс вещей на четыре класса. Отсюда в чеченском языке есть два показателя рода – мужского и женского, и четыре классовых показателя, утверждают учебники чеченского языка. На этом придется более подробно остановиться, так как у чеченского глагола нет спряжения в его обычно понимаемом смысле слова, а есть прибавление показателя рода (традиционно-классного показателя) к основе настоящего времени, точнее, прибавление начального звука показателя рода и изменение этой формы лишь по лицам и числам.

Так же в прошедших временах к основе прошедшего времени добавляются начальные звуки показателей рода и далее происходит изменение ее по лицам и числам без личных окончаний. В отличие от чеченского языка, в древнегреческом языке к основе настоящего времени глагола добавляется буква вместо префикса и затем добавляются по лицам и числам личные окончания. Или в латинском языке, например, к основе соответствующего времени добавляется суффикс и личные окончания соответствующего времени. В отличие от латинского языка, в древнегреческом языке, например, в аористе, то есть в прошедшем совершенном, вместо суффикса дается приращение (**augmentum**) в виде буквы – $\acute{\epsilon}$ –, а в чеченском языке таким приращением к основе глагола можно считать начальный звук глагольной формы настоящего времени глагола **хила** («быть») в соответствующем лице и числе: от **ву** – **в**, от **ю** – **й**, от **бу** – **б**, от **ду** – **д**. Также в аналитических формах прошедшего и будущего времени и в причастиях прошедшего времени, используемых во временах продолженного времени (по-английски Continuous) так же используются начальные звуки форм прошедшего времени глагола **хила** («быть») в соответствующем лице и числе: **вара** – **в**, **дара** – **д**, **бара** – **б**, для женского рода и единственного и множественного числа используется – **б** –.

Но что более существенно говорит против понятий классов, а не родов, это явное противоречие, которое наблюдается во многих случаях. Так, слово ребенок – **бер** – чеченски, казалось бы, несомненно, относится к классу человека и понятию рода и должно было бы иметь показатель мужского и женского рода (**ву**, **ю**), но оно имеет показатель среднего или смешанного рода – **ду** –, потому что слово ребенок – понятие, а не конкретный человек. Когда имеется в виду конкретный ребенок, то употребляют глагол **хила** в соответствующем роде. Когда говорят: «**ХIара бер ду**» – «Это (есть) ребенок», то слово ребенок употребляется безотносительно к полу. Когда же будет уточнение в форме имени, тогда будет уточнен и пол посредством употребления показателя мужского или женского рода соответственно. Слова «мальчик» и «девочка» несут на себе конкретизацию пола, и поэтому говорят: «**ХIара кIант ву**» («Это (есть) мальчик») или «**ХIара йoI ю**» («Это (есть) девочка, дочь»). Или, например, слово **нах** – «народ», «люди» тоже, казалось бы, относится к классу человека, но это не конкретные живые люди, а общее понятие сообщества людей, и потому оно имеет смешанный показатель рода – **бу** –, применяющийся и к людям, и к предметам и в единственном, и во множественном числе. Показатель рода – **бу** употребляется и по отношению к наименованию национальности или народности: **нохчий** – чеченцы, **гуьржи** – грузины, **oьрси** – русские и т.д. Когда же мы говорим о конкретном человеке, то мы скажем, употребляя глагол **хила** – «быть» в соответствующем лице, числе и роде, например: «**И гуьржи ву**» – «Он (есть) грузин», «**иза эрмало ю**» – «Она (есть) армянка» и т.д.

В применении показателей рода в некоторых случаях, как, например, в случае со словами **нах** – «народ» или **бер** – «ребенок», с которыми используются показатели не мужского, а смешанного рода, нет ничего удивительного, так как чеченский язык древний, и экстенсивное вторжение лексических заимствований началось лишь с конца XIX в. в связи с завоеванием Чечни царской Россией и установлением на ее территории царской администрации. Номинативная функция языка в древности была осложнена не столь высокоразвитым сознанием и миропониманием, как в новое время, к тому же арсенал выразительных средств в древности был ограничен невысоким развитием интеллектуального мышления. Так, например, и во французском языке, основа которого сложилась в древности, также удивляет в некоторых случаях применение такого показателя рода, как артикль. Так, например, во французском языке **oie** и гусь, и гусыня одновременно, то есть слово может употребляться и в мужском, и в женском роде. Поэтому в словаре рядом с этим словом даются показатели и мужского, и женского рода. С точки зрения русского языка, покажется странным, что слово **voile** – «покрывало» – мужского рода, **courbe** – «извив» – женского рода и **caution, quarantie** – «поручительство» – женского рода, **fourrure** – «мех» (животного) – женского рода.

Таким образом, в связи с указанными противоречиями в оценке некоторых показателей рода (традиционно-классных показателей) и недостаточностью обоснования употреблений понятий «класс человека» и «класс вещей», следует говорить о показателях рода, а не о классных показателях. Кроме того, наличие двух классов – класса человека и класса вещей – недостаточно для того, чтобы отразить все

многообразие словарного запаса чеченского языка. Класс вещей – понятие общее, не включающее многие типы, группы или классы слов, например, природные явления, абстрактные понятия, категории чувственности и т.д. В самом деле, мы не можем сказать, что **малх** – «солнце», **мох** – «ветер», **марха** – «туча», «облако» – это вещи. Или **Галам** – «Вселенная» («природа»), **хЮрд** – «море», **гола** – «изгиб реки», «поворот» и т.п. – это отвлеченные понятия, характеризующие явления природного мира. Так же мы не можем сказать, что **дарс** – «урок», «домашнее задание» или **цегрков** – «щербина» (в зубной челюсти) – вещи, не говоря об абстрактных, социальных и культурно-нравственных понятиях типа **маршо** – «свобода», **кхеташо** – «совет», **оьздангалла** – «обходительность», «воспитанность», **сутаралла** – «скудость», **пIераска** – «пятница» и т.п. Нельзя отнести к классу человека и к классу вещей животных и птиц. Это, образно говоря, употребляют слово **хIума** – «вещь» по отношению к насекомым, зверям и даже человеку, подчеркивая в данном случае свойство живого существа, а не в прямом смысле. Поэтому звери, животные, птицы, насекомые, наряду с человеком, относятся к разряду живых существ, и потому бывают в основном женского и смешанных родов, например: **гIаз ю** – «гусь», **сту бу** – «бык», **гомаш ю** – «буйволица» **борз ю** – «волк», **ча ю** – «медведь», **етг бу** – «корова», **нIаьна ю** – «петух».

Итак, личные формы единственного числа глагола **хила** «быть» – **ву** (м.р.), **ю** (ж.р.), **бу**, **ду** (средн. р.) и множ. число смешанного рода – это показатели рода, а не классные показатели. При образовании основ глаголов настоящего и прошедших времен используется приращение к основе большинства глаголов начальных звуков показателей рода (**в**, **й** от **ю** (**йу**), **б**, **д**). Есть целый ряд глаголов, у которых изменяется сама основа при образовании времен, но принцип родового показателя при употреблении этих глаголов в разных временах сохраняет свою силу. Так, например, в несовершенном прошедшем времени меняется основа глагола: **догIа** «идти» – **вогIу** – «иду», **веара** – «пришел» или глагол **дала** – «дать» – **ло** – «даю», **лора** – «давал».

Глагол **хила** – «быть», «находиться», «являться» может выступать в качестве самостоятельного глагола, и тогда его личные формы дают родовые признаки в форме начальных звуков личных форм глагола и в единственном, и во множественном числе. Глагол **хила** – «быть» может выступать и в качестве вспомогательного глагола при образовании сложных глагольных форм – будущего времени и форм продолженного времени, подобно форме **Continuous** в английском языке. Как мы уже указывали, глагол в чеченском языке спрягается по лицам и числам без личных окончаний, поэтому глагол **хила** – «быть» и в утвердительной, и в отрицательной, и в вопросительной форме имеет во всех лицах одинаковое окончание и формы различаются по начальному звуку, то есть по родовому показателю и по числам. Возьмем, к примеру, глагол **хила** – «быть» в мужском роде в вопросительной, отрицательной и утвердительной форме. Во всех лицах единственного числа форма будет **-ву-**, **-вац-**, **-вуй?** – соответственно; во множественном числе для первого и второго лица **-ду-**, **-дац-**, **-дуй?** – соответственно.

Так же, как и в случае глагола **хила** – «быть», выступающего в качестве самостоятельного глагола и в качестве вспомогательного глагола или глагола-связки в аналитических глагольных формах разных времен, у глаголов в чеченском языке показатель рода выступает в качестве префикса (приращения) даже если спрягается глагол не от самого слова, а от другой основы. Так, в инфинитиве глагол «пойти» звучит как **даха**. В настоящем времени он будет спрягаться с соответствующим приращением только в лицах и числе, без личных окончаний. Таким образом, по показателю рода в единств. числе это будет мужск. род – **вогIа**, женск. род – **йогIа**, смешанный или средний род – **догIа** и множ. число – **богIа**. В этом нет ничего удивительного. В древнегреческом языке, как мы уже говорили, глагольные времена образуются путем приращения к основе соответствующей буквы, а в латинском языке путем приращения к основе глагола буквосочетания образуется новая глагольная форма. В западноевропейских языках, произошедших из латыни в новое время, в новую эру возникли аналитические глагольные формы времен. Из-за экономности средств для новообразований в древности в чеченском языке образовалось пять простых прошедших времен и несколько аналитических глагольных форм.

Приращением (**augmentum**) к основе с измененной корневой гласной по лицам и числам, но без личных окончаний спрягается другой ряд или класс глаголов в

прошедшем несовершенном времени, соответствующем l'Imparfait во французском языке и Past Indefinite в английском. Иначе говоря, несовершенное прошедшее время образуется добавлением суффикса -ра- к основе настоящего времени, например: латга – «стоять» – лаьгтгара – «стоял»; хаза – «услышать», «слышать» – хезара – «слышал»; дан – «делать» – дора – «делал» и т.д.

В чеченском языке преобладают простые формы времен, если не считать часто употребляемую форму продолженного времени (Continuous), но есть и аналитические формы глагольных времен. Аналитическая, сложная форма времени присуща будущему времени, наряду с простой формой будущего времени.

Простое будущее время образуется путем прибавления к основе настоящего времени суффикса -р-: оху – «пашу» – оху+р получается охур – «буду пахать»; деха – «живу» – деха+р получается дехар – «буду жить». Форма сложного будущего времени образуется из формы простого будущего времени с помощью изменяемого по родовым показателям вспомогательного глагола хила – «быть» (соответственно: мужской род -ву, женский род -ю, средний род -ду, смешанный род -бу-, -ду-), например: дехар ду – «проживу», гур ду – «увидим», «можно будет увидеть», лур ду – «дам». Некоторые односложные глаголы образуют аналитическую форму будущего времени с изменением гласных в основе простого будущего времени, например: дан – «делать» – дер – «буду делать» – дийр ду – «сделаю».

В форме продолженного вида времени причастие настоящего или прошедшего времени остается неизменным и только вспомогательный глагол хила – «быть» меняется в роде, числе и времени (соответственно: наст. вр. -ву, ю, бу, ду; прош. вр. – вара, яра, бара, дара).

Таким образом, следует констатировать, что в чеченском языке есть категория рода, а не деление слов на класс «человека» и «класс вещей» и различаются слова по принципу одушевленности и неодушевленности, понятийности и абстрактно-отвлеченным категориям. Принцип деления слов на «класс человека» и «класс вещей» не вбирает в себя многообразие словарного запаса чеченского языка, так как исключает из своего круга слова, обозначающие животных, птиц, понятия сенсорного и сенсомоторного характера, явления природы, понятия философского, социального, духовного и культурного порядка. Нет, соответственно, классных показателей, а есть показатели рода в глагольной форме в виде начальных звуков личных форм глагола хила – «быть». Времена глагола в чеченском языке, как и во всех западноевропейских языках, имеют простую и аналитическую форму. Чеченскому глаголу свойственны, помимо категорий времени, наклонения, залога, еще и категории вида и длительности (продолженного времени, подобно форме Continuous в английском языке).

Вахит Акаев

Духовно-культурная деятельность суфийских братств

Суфизм, первоначально зародившийся в Багдаде, получает распространение в Сирии, Египте, позже в Индии. В течение XII-XIV вв. он организационно оформляется, возникают двенадцать основных (*усул*) материнских братств, названных тарикатами. Основными суфийскими братствами являются: рифайя, йасавийя, шазилия, сухравардийя, чиштия, кубравийя, бадавийя, кадирийя, маулавийя, бекташийя, халватийя, накшбандийя. От них отпочковались более мелкие суфийские группы, распространившиеся по всему мусульманскому миру. Общее их количество точно не установлено, но в литературе называются цифры от семидесяти до тысячи, что говорит об их многообразии и духовно-культурной мозаичности. Основополагающие тарикаты и их ответвления имеют названия своих зачинателей. Они составляют структурно организованные суфийские объединения (братства), возглавляемые наставниками (мюршидами, пирами, шейхами), деятельность которых регламентируется специальными уставами.

Термин «тарика» означает «путь». Тарикат – система духовно-мистической подготовки верующего, избравшего путь, ведущий к Истине (Богу). Особый интерес для исследователей представляет собой организационное строение суфийского братства, его внутренний устав. Во главе суфийского братства находится его основатель либо тот, кто получил по цепочке инициаций (*силсила* – араб.) разрешение (*иджазу* – араб.) на проповедование тариката. Еще при жизни руководитель тариката или его дочернего образования, как правило, назначает своего преемника. Чаще всего таковым избирался прямой родственник наставника или же наиболее одаренный ученик – мюрид.

Членов суфийских братств называют мюридами, в обязанность которых входит нахождение в непрерывной духовной связи со своим наставником. Эта связь, как правило, осуществляется непосредственно, а если нет возможности прямого общения с наставником, то она должна происходить мысленно – посредством воспоминаний. Вопрос о взаимоотношении учителя и его ученика является одним из важнейших положений в суфийском учении и его успешное решение означает сохранение традиций, возможность влияния на верующих, нацеливаемых на духовное совершенствование.

По признанию западного исследователя суфизма Дж. С. Тримингэма, количество суфийских орденов (в дальнейшем мы будем употреблять вместо термина «орден» термин «братство»), действовавших прежде и функционирующих ныне, превышает шестьсот. Однако объемы таких понятий, как «суфийский тарикат» и «суфийский орден», не идентичны в силу их несовместимости. Орден все-таки – объединение верующих, возникшее на почве избрания того или иного тариката, а тарикат – путь, ведущий к Богу. К суфийскому ордену можно отнести всех последователей базового тариката или же его ответвления, объединенные собственным уставом, выработанным на основе идей основополагающего (материнского) тариката.

Процесс формирования суфийских братств осуществлялся из числа мюридов (учеников), которые приносили своему наставнику (шейху, устазу, мюршиду, пиру) клятвы верности (*ахд* – араб.). У чеченцев, приверженцев суфийского учения, эта процедура называется «тоба дар». После принятия учеником клятвы верности шейх-наставник делает неопиту внушение (*талкин* – араб.). Как отмечает дагестанский суфий-мистик, духовный наставник имама Шамиля, Джамалэддин Казикумухский: «Внушение (талкин) означает привязать какие-либо сердца друг к другу, пока дойдут они до самого посла Божия и от него к самому Господу Богу»¹. Приблизиться к Богу через преданную службу, сердечную привязанность к своему наставнику, пророку – цель, преследуемая мюридом.

¹ Джамал-Эддин Казикумухский. Ал-Адаб ул-Марзия. Накшбендийский трактат. Арабский текст. Русский перевод. – Оксфорд, 1986. – С. 31.

Суфийские братства оказывались способными адекватно отражать запросы всех слоев населения, разных расовых групп мусульман. Они нередко выполняли цивилизаторскую миссию при исламизации населения Индонезийского архипелага, Черной Африки, особенно склонных к мистике².

В своей деятельности каждый орден ориентировался на те или иные социальные слои населения. Суфийское братство шазилия ориентировалось на средние классы, а маулавийа, орден вращающихся дервишей, основателем которого считается величайший суфийский поэт Ирана Джалал ад-Дин Руми (1207-1273) имел поддержку среди музыкантов, поэтов и художников. Главное произведение Руми – шеститомная поэма «Маснави» («Поэма о скрытом смысле») – представляет собой своего рода энциклопедию суфизма, в которой получили развитие идеи Газали, ряда поэтов-суфиев. Влияние Руми на художественную культуру Востока и Запада значительно. Считается, что собранные им притчи и их сюжеты явились основой некоторых сказок Г.-Х. Андерсена, а влияние их просматривается даже в творениях Шекспира.

Начиная с XV в., в суфизме обозначается ярко выраженная политическая тенденция – от смиренной и аскетизма отдельные суфийские лидеры призывают своих сторонников перейти к активной социальной жизни и встать на борьбу с несправедливой властью. Так, в Средней Азии накшбандийский шейх Убадаллах Ахрар стал контролировать экономическую, политическую и духовную жизнь этого региона. Именно при Ахраре происходит сдвиг накшбандийа в сторону эффективного участия в решении политических процессов. Данному шейху удалось лишить власти просвещенного правителя Самарканда Улугбека (1394-1449), внука Тимура, в пользу сына. Он обвинил Улугбека в безбожии за то, что тот интенсивно изучал звездное небо.

А.А. Хисматулин отмечает, что братство накшбандийа «к рубежу XV-XVII вв. стало мощным социально-политическим объединением, играющим ведущую роль во всех сферах жизни среднеазиатского региона и имеющим огромное число сторонников и последователей»³. Такие суфии часто преследовали цель защиты мусульман от тирании власти и им порою удавалось взять под контроль их деятельность. Становясь во главе мятежей, антиколониальных движений, они низвергали мусульманских правителей и приобретали личную власть. Иные суфийские братства и их лидеры попадали в зависимость от власти, срачивались с правящей верхушкой, превращаясь в крупных землевладельцев, феодалов. Тот же А.А. Хисматулин пишет: «Многие суфийские общины то и дело отходили от духовных устремлений, ставя своей целью устремления чисто политические и используя при этом действующие традиции»⁴.

В XIX – начале XX вв. суфийские братства играли исключительно важную роль в политической и религиозной жизни мусульманских стран, они выступали в качестве силы, мобилизующей верующих на активные социально-политические действия. В условиях колониального гнета суфийские ордены являлись наиболее устойчивыми национально-религиозными институтами, которые превратились в оплот антиколониального сопротивления. Составляя организационную основу народно-освободительных движений, они вели борьбу за независимость и свободу своих народов от колониального порабощения.

Вместе с тем, процессы секуляризации, протекающие под влиянием западных социокультурных ценностей, подрывали позиции суфизма в традиционных мусульманских обществах. Эту мысль подчеркивает В.В. Орлов, считающий что в «наиболее продвинутых в своем развитии восточных обществах перемены в их хозяйстве и культурных реалиях, ориентация немалой части населения на западные духовные ценности нанесли сильный удар по позициям тасаввуфа»⁵. Модернизация оказала влияние на многие социальные слои мусульманского Востока, особенно на элиту, дети которой получают образование в престижных западных университетах. Выйдя из системы координат традиционной культуры, ломая привычные формы

² Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. – М., 2000. – С. 190.

³ Хисматулин А.А. Суфийская ритуальная практика (на примере братства накшбандийа). – Санкт-Петербург, 1996. – С. 25.

⁴ Хисматулин А. А. Суфизм. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 24.

⁵ Орлов В.В. Суфийские братства в общественно-политической жизни исламского мира (50-е – 90-е гг.) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – С. 115.

общественной жизни, прозападная мусульманская элита внедряла «новые нормы этики и нравственности, нередко чуждые эгалитаристским и гуманистическим принципам ислама»⁶.

Хотя в ряде мусульманских стран суфийские братства подвергаются резкой критике, обвиняются в консерватизме, рассматриваются как препятствия на пути к прогрессу, их позиции в духовной и политической жизни мусульманского общества устойчиво сохраняются. Их рассматривают как тормоз на пути модернизации этих стран. В некоторых из них деятельность суфиев частично или полностью запрещена.

Несмотря на утрату своих былых позиций, суфизм все-таки живуч, примером тому – появление уже в XX в. новых суфийских братств. Так, в Алжире, где широкое распространение в XIX в. имело братство кадирийа, в XX в. появляется братство алавийа, в Тунисе в 1950-х гг. – братство маданийа. В 1950-х гг. в Каире появляется братство хамидийа-шазилийа. Тарикат шазилийа проникает в Россию, в частности в Дагестан, в начале XX в. В настоящее время в Дагестане активно функционирует суфийское братство шазилийа, возглавленное шейхом Саидом Афанди Чиркейским, аварцем по национальности. Этот шейх обладает правом распространять не только тарикат шазилийа, но и накшбандийа. По его мнению, нет принципиальной разницы между этими тарикатами, ибо все они суть пути, ведущие верующего к Богу.

Важно отметить, что суфизм в исламе – явление неоднородное, существующие братства отличаются большой доктринальной эклектичностью и сложными ритуальными особенностями. В суфизме встречается большой разброс идей: от умеренных, не противоречащих ортодоксальному исламу, до крайних, допускающих чрезмерное свободомыслие. Многообразна в суфизме и ритуальная практика: встречаются суфии, исполняющие тихий зикр, а также те, кто исполняют громкий зикр. Это – вертящиеся, бегающие по кругу, применяющие разные музыкальные, ударные инструменты или доводящие себя до самоистязания суфии.

Сегодня роль суфизма значительно возросла в различных странах мира. Пакистанский орден чиштиа распространился в Малайзии. В Англии достаточно широкое распространение получили сторонники суфийского ордена ниматтулахи, основанного Джавадом Нурбахшем, бывшим профессором психологии Тегеранского университета. Последователи этого ордена основали свои группы в Западной Африке, Европе, Северной Америке.

С 1994 г. в американском штате Северная Каролина проходят ежегодные собрания суфийских групп под эгидой международного объединения суфизма для обмена мнениями и проведения коллективного зикра⁷. Суфийские группы, идеи, соответствующая литература, широко распространившиеся на Западе, оказывают заметное духовно-культурное влияние на западного человека, приобщая его к мусульманской культуре.

Крайние формы суфизма всегда вызывали к себе негативное отношение со стороны официального мусульманского духовенства, носители их преследовались, подвергались жестокому наказанию. В настоящее время суфизм запрещен в современной Саудовской Аравии, как противоречащий ортодоксальному исламу.

В Саудовской Аравии, где распространен ваххабизм, то есть крайняя форма ханбалитского мазхаба, строго пресекается исполнение каких-либо суфийских ритуалов. Так, в начале 90-х гг. XX века, во время совершения хаджа в Мекку кавказские суфии, в частности чеченские зикристы, исполнявшие зикр, полицейскими силами были разогнаны.

На Северном Кавказе суфийские братства нередко находились в оппозиции к власти. В царское время они возглавляли восстания горцев против колониальной политики. В годы советской власти многие представители суфийских братств также составляли оппозицию атеистической системе. Советская власть, преследуя суфийские братства, использовала идейные разногласия между различными группами (вирдами) в целях их противопоставления и пресечения единства между ними. Еще со времен ОГПУ-НКВД существовала установка на поощрение деятельности подконтрольных этому ведомству религиозных лидеров и искусственное противопоставление их независимым суфийским авторитетам. В годы советской власти в состоянии практического противостояния находились более тридцати вирдовых братств Чечено-Ингушетии, хотя временами

⁶ Там же.

⁷ Карл Эрнст. Суфизм. – М., 2002. – С. 288.

острота противоречий между ними притуплялась.

После распада СССР и краха коммунистической идеологии деятельность мусульман Северного Кавказа резко активизируется, происходит возрождение ислама, возникают исламские организации, партии. Они принимают участие в политических процессах, протекавших в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Под их воздействием в этих республиках появляются местные духовные управления мусульман. Вместо Северокавказского духовного управления мусульман образовались республиканские духовные структуры мусульман, возглавляемые новыми религиозными лидерами, часто с весьма неумными честолюбием и властолюбием. На почве «суверенизаций» духовных управлений между мусульманами происходили столкновения.

Летом и осенью 1991 г. в период кризиса власти в Чечено-Ингушетии многие суфийские братства втягиваются во внутриреспубликанский политический процесс. Воспользовавшись ГКЧП в СССР, лидер Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН – В.А.) Д. Дудаев и его окружение начинают открытую борьбу за власть в Чечено-Ингушетии. Но для захвата власти они нуждались в широкой народной поддержке. Им удается привлечь на свою сторону отдельных последователей шейха Кунта-Хаджи и его векиля Чим-Мирзы⁸. Юсуп Сосланбеков, один из активных участников чеченской революции 1991 г., высказываясь по этому поводу, писал: «Дудаев, идейный коммунист, который так и не вышел из КПСС даже тогда, когда ее признали преступной организацией, а также убежденный атеист, заявил, что он принадлежит к вирду Кунта-Хаджи, поэтому поддержка со стороны влиятельного братства ему была обеспечена»⁹.

Благодаря поддержке неформалов, маргинальной части населения Д. Дудаев и его окружение захватывают власть в Чечено-Ингушетии. При этом Президент России Б. Ельцин и Председатель Верховного Совета России Р. Хасбулатов фактически поддержали генерала, осуществлявшего государственный переворот в одной из автономий Российской Федерации. Центральные силовые структуры блокировали деятельность МВД и КГБ ЧИАССР, пытавшихся пресечь антиконституционные действия Дудаева и его окружения. Сторонники Дудаева захватывают помимо правительственных учреждений и здание КГБ ЧИАССР. Заместитель председателя госбезопасности автономной республики Крайнов сдал лично Дудаеву печать своего ведомства, который демонстрировал ее перед некоторыми чеченскими старейшинами и религиозными авторитетами, неплохо знавшими учреждение с аббревиатурой из трех букв.

Используя агентурные дела, переданные ему после расформирования КГБ ЧИАССР, намекая через средства информации, а также при встречах со старейшинами, на сотрудничество ряда авторитетных религиозных деятелей с советскими органами госбезопасности, ему удалось «перевербовать» агентуру КГБ. Некоторые белобородые старики, самым активным образом участвовавшие в различных дудаевских митингах, были связаны с КГБ. Все они, их семьи и некоторые родственники мобилизовывались в поддержку политики Дудаева в Чечне.

Однако до сих пор ни в одном исследовании, посвященном дудаевскому периоду в Чечне, механизм обеспечения поддержки «народом» Д. Дудаева не объяснен. Совершенно неизвестного в Чечено-Ингушетии генерала Д. Дудаева, не имеющего традиционной поддержки в кланах, тайпах, суфийских братствах, чеченский народ воспринимал с большой настороженностью. Ни в начале переворота в Чечено-Ингушетии, ни после его «избрания» президентом Чечни он не имел широкой народной поддержки. Но в СМИ его изображали в качестве демократа, и некоторые «кремлевские игроки» сумели в поддержку Дудаева мобилизовать определенную часть чеченского народа.

«Всенародная поддержка Дудаеву», о которой так много сообщалось в российских СМИ, была обеспечена не только вышеотмеченными способами, но и решением федерального центра в начале ноября 1991 г. навести конституционный порядок в Чечне. Российский десант, направленный Ельциным, Хасбулатовым и Рущким для

⁶ Чим-Мирза – векиль (то есть уполномоченный) Кунта-Хаджи, распространявший тарикат кадирийя в той форме, в какой распространял шейх зикристов. В последующем Чим-Мирза создал вирд, получивший в народе название «барабанщики».

⁹ Сосланбеков Юсуп. Чечня /Нохчийчъ/ – Взгляд изнутри. – Без места и года изд. – С. 39.

наведения конституционного порядка в Чечне и высаженный на военный аэродром Ханкала, чеченцы восприняли как реальную угрозу для своего существования. Перед этой угрозой антидудаевская оппозиция была вынуждена пойти на объединение с дудаевцами.

Многодневные противоборствующие митинги дудаевцев и оппозиции, слились в один антироссийский митинг. Внутричеченский конфликт, основанный на разных видениях политического будущего Чечни и чеченского народа временно был преодолен. Таким образом, российское руководство, приведя к власти Дудаева, укрепив его позиции среди чеченского народа, совершает предательство в отношении тех, кто верно служил своему государству.

Если вначале «чеченской революции» Дудаев ощущал острый недостаток в сторонниках, то после вышеотмеченной политики, приведшей к укреплению его позиций в чеченском обществе, число их заметно выросло. Он манипулировал ими и мобилизовывал против политики центра. Получив кредит доверия от «народа», Дудаев находит в мобилизованных сторонниках явную опору в периоды регулярного обострения борьбы с оппозицией.

Политический радикализм Д. Дудаева, проявившийся в провозглашении суверенного Чеченского государства, в попытках реализации программы сепаратизма, освобождение от должностей последователей накшбандийа, главным образом, последователей вирда чеченского шейха Дени Арсанова, оттеснение их на периферию политической жизни способствовали возникновению антидудаевской оппозиции.

С началом противостояния Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики и сторонников Дудаева осенью 1991 г. многие предводители накшбандийа и значительная часть национальной интеллигенции, имевшая тесную связь с этим тарикатом, становятся на путь политической борьбы с чеченскими «революционерами». Ими организовываются антидудаевские митинги, осуществляется идеологическая пропаганда по развенчанию экономических, политических ошибок новой власти. В свою очередь идеологи «чеченской революции» на своих митингах обвиняют противников в предательстве интересов народа, сотрудничестве со спецслужбами России и в диверсиях, совершаемых на территории Чечни.

Если в годы депортации деятельность суфийских братств являла собой фактор единения народа, сохранения его культуры, латентного противостояния безбожной власти, то в борьбе за власть они невольно превращались в послушное орудие политиков, что способствовало разрушению единства чеченского народа, сложившегося в годы ссылки и после возвращения на родину.

Накануне войны в Чечне в 1994 г. политический авторитет Дудаева резко снижается, число его сторонников уменьшается, до минимума сужается его социальная база, состоявшая в основном из оплачиваемых безработных жителей села и части искусственно мобилизованных зикристов. Материальное положение различных слоев населения сильно ухудшается – при баснословном обогащении дудаевского клана и его прямых родственников. От режима Дудаева страдали все граждане Чечни, их существование становилось невыносимым. Некогда цветущая Чечено-Ингушетия превратилась в преступный анклав, в котором господствовало насилие, царствовало беззаконие.

Антидудаевские силы в основном состояли из представителей надтеречных, предгорных и некоторых горных районов, которые так или иначе были связаны с накшбандийскими вирдами шейхов: Дени Арсанова, Абдул-Азиза Шаптукаева, Абдул-Ваххаба Аксайского и др.

В исследованиях авторов, специализирующихся по чеченской тематике, встречаются суждения, констатирующие, что сторонники Дудаева в основном состояли из горных чеченцев, а оппозиция – из чеченцев равнинных. Такой подход с большой натяжкой можно признать верным, ибо в горах было не меньше противников режима Дудаева, чем на равнине, и обратное может утверждать тот, кто далек от знания нынешнего расселения чеченского этноса и его социальной структуры.

Конфликт между оппозицией и дудаевцами часто сопровождался кровопролитием противоборствующих сил. Это имело место на территории г. Грозного, Грозненского, Урус-Мартановского, Надтеречного и Шалинского районов. В борьбе за власть в Чечне с обеих сторон гибли чеченцы, ввергнутые в братоубийство теми, кто находился у власти, лишился ее, а также теми, кто был заинтересован в масштабном внутричеченском кровопролитии.

Столкновение Дудаева и его сторонников с оппозицией началось с первых же

дней прихода его к власти. И оно имеет свою идеологическую подоплеку. Дудаев и его сторонники, судя по их многочисленным утверждениям, добивались «свободы и независимости» для всего чеченского народа, освобождения его от «имперского ига» России. Оппозиция, в основном состоявшая из бывшей партноменклатуры, совхозно-колхозного руководства, привилегированного слоя общества – тяготела к России и не желала выхода Чечни из ее состава.

Сепаратизм дудаевцев, объявленный «чеченским сепаратизмом», получил поддержку именно в Москве, у сторонников демократии, у тех, кто стал на путь развала СССР и суверенизации Российской Федерации. Три года существования режима Дудаева в Чечне привели к полной дискредитации идеи суверенитета, экономическому ухудшению жизни граждан, духовному и моральному упадку общества, углублению межклановых и внутринациональных раздоров. В республике господствовали преступники, неспособность власти установить законность и правопорядок становилась все очевиднее. Этот период социального и духовного безвременья явился тяжким физическим, политическим, моральным испытанием для чеченского народа. Дудаев и его сторонники в религиозном сознании большинства простых чеченцев ассоциировались с разрушительной силой, Даджалом (Антихристом – В. А.), посланным Богом в наказание за грехи народа.

Конфликт между центральной властью и режимом Дудаева порою приобретал причудливые очертания. Чечня превращалась в криминальную зону. Несмотря на резкое ухудшение правопорядка, ежегодно в Чечню по нефтепроводу на переработку поступали десятки миллионов тонн нефти, а полученная продукция отправлялась через новороссийские нефтяные терминалы в зарубежные страны. Колоссальные средства от реализации нефти и нефтепродуктов оседали в западных банках. От центральной власти и народа скрывались огромные финансовые средства. Некоторые эксперты считают, что главная роль в их сокрытии принадлежит Д. Дудаеву. Считается, что его «компаньоны» из центра не смогли получить причитающуюся им долю, а сам он и не собирався отдавать ее добровольно. Этот конфликт явился существенной причиной войны в Чечне в 1994 г. Но тем не менее этот аспект так и не стал предметом анализа исследователей. Апогей политической конфронтации центра и мятежной российской периферии имеет четкое экономическое криминальное основание.

Деятельность же чеченской оппозиции против режима Дудаева следует рассматривать как повод, позволивший федеральному центру наказать коварного генерала. Так называемый Временный Верховный Совет был использован для давления на Дудаева. Обладая возможностью консультировать высшее политическое руководство России по проблемам Чечни, лидеры этого временного органа призывали руководство России силой решить «чеченский вопрос». 26 ноября 1994 г. оппозиция предприняла попытку свергнуть Дудаева, но потерпела сокрушительный разгром. Затем в Чечню были введены регулярные части российской армии. Политический конфликт, напряженно протекавший между центром и Ичкерией, был искусственно переведен на стадию войны. И участие в этом конфликте чеченского народа было номинальным, хотя политики приложили немало усилий, чтобы втянуть его как можно шире. Последствия первой войны, начавшейся в 1994 г. и продолжавшейся до 1996 г., оказались исключительно трагическими для всех жителей Чечни.

Экономически, политически и морально пострадала от этой войны и сама Россия. Число погибших российских солдат в этой войне превышает число погибших советских солдат в Афганистане. Многочисленные жертвы среди мирного населения Чечни, разрушение более ста населенных пунктов, уничтожение всей экономики, социальной сферы придали этой войне религиозный характер. Все больше чеченцев оказывались в рядах воюющих. Волна негодования из-за преступлений, совершаемых федеральными войсками, носила масштабный характер. Для многих верующих сопротивление федеральным войскам означало участие в газавате.

Когда в декабре 1994 г. в Чеченскую Республику были введены российские войска для наведения «конституционного порядка», чеченский муфтий Х. Алсабеков, принадлежавший вирду кунта-хаджинцев, по настоянию Д. Дудаева, объявляет, что сопротивление чеченцев является газаватом, но, оказавшись в с. Знаменском, где находилось командование российскими войсками и оппозиционные Дудаеву силы, он заявляет обратное. После такой неоднозначной позиции муфтия в Чечне остро возник вопрос: является ли сопротивление чеченцев федеральным войскам газаватом или нет? Традиционное чеченское духовенство, сформировавшееся в годы советской власти,

состоявшее в основном из последователей накшбандийа, практически выступило против признания сопротивления чеченцев газаватом. Эту же позицию выразили известные чеченские алимь: М.-Б.-Х. Арсанукаев, Ш.-Х. Газабаев, принадлежащие к братству накшбандийа. Дудаев, Яндарбиев, Удугов и др. их зачисляли в коллаборационисты (во время военных действий в Чечне Ш.-Х. Газабаев был похищен боевиками, длительное время содержался в заточении и подвергался издевательствам и жестокому избиению).

Некоторые молодые представители чеченского духовенства, в основном получившие образование в арабских странах, противники суфизма, связанные с ваххабитами, объявили войну против российских войск газаватом и призывали каждого чеченца-мусульманина на священную войну. Через местное телевидение кадий Ведено по имени Рамзан зачитывал письмо, якобы полученное от муфтия Мекки, признающее сопротивление чеченцев газаватом. Вместе с тем, ни одно мусульманское государство официально не поддержало сепаратизм дудаевцев и не заявило, что их борьба является газаватом. Позиции традиционного духовенства и молодых религиозных радикалов оказались диаметрально противоположными.

Здесь столкнулись разные поколения с различным жизненным и духовным опытом, политическими воззрениями. Распространение идеи построения в Чечне исламского государства – результат войны в Чечне, усиления влияния ваххабитов среди «ичкерийского руководства». Д. Дудаев, будучи сторонником построения светского государства, не признавал религиозное устройство общества, хотя в разгаре войны он поменял свою позицию.

Суфийские братства всегда принимали участие в духовных, культурных и политических процессах, происходивших в том или ином регионе мусульманского мира. Они вносили значительный вклад в развитие мусульманской культуры: философии, искусства, литературы. Являлись активными участниками политических процессов, превращались в оплот антиколониального сопротивления в мусульманских регионах, подвергшихся колониальному гнету со стороны европейских государств.

В царский период в России представители суфийских братств возглавляли антиколониальные восстания в Дагестане и Чечне. Они отстаивали образ жизни, культуру, мировидение своих народов, отвергали навязываемые им социально-политические и культурные порядки. Благодаря суфийским братствам, чеченцы и ингуши, находясь в жестоких условиях сталинской депортации, избежали ассимиляции, сохранили свои духовные и культурные ценности. Но атеистическая власть видела в них своего идеологического противника, препятствующего «социальному прогрессу», а западные исследователи их рассматривали как оппозицию советской власти.

Накануне и после распада СССР суфийские братства на Северном Кавказе столкнулись с угрозами, исходившими от религиозно-радикалистских групп, преследовавших цель «очистить традиционный ислам от заблуждений», лишить его доминирующих позиций в духовной жизни мусульман региона. Данная угроза способствовала мобилизации деятельности представителей суфизма в новых условиях социально-политических трансформаций, образования духовно-культурного вакуума, попыток занять его идеями и поведенческими установками представителей так называемого «чистого ислама».

Деятельность суфийских братств на Северном Кавказе упрощается, приобретает прагматический характер. В нем усиливается политическая составляющая, приобретаая ярко выраженный характер. Этот процесс был замечен в Дагестане, Чечне, Ингушетии, когда представители суфизма были вынуждены координировать свои усилия, отстаивать свои религиозные, культовые ценности в противодействии с радикалистскими и экстремистскими установками «северокавказского ваххабизма».

Олег Джургаев

Пожавший бурю...

Очерк

Если верить книге «Покоренный Кавказ» (издание А.А. Каспари, 1904, книга 4-я), то «с русскими чеченцы вошли в соприкосновение лишь в 1708 г. во время похода Астраханского губернатора Апраксина». Здесь, наверное, имеется в виду соприкосновение в смысле военном, ибо, по неопровержимым историческим данным, чеченцы и русские имели еще более давние связи.

Апраксин, как известно, был мудрым сподвижником Петра Великого. Сам ознакомился с положением дел в Предкавказье и предложил царю меры, которые обеспечили бы Руси обладание этим краем. Петр перевел с берегов Сунжи одиноко живущих там гребенцев на Терек и, как продолжает А.А. Каспари, «...гребенцы, переселившись и устроившись, разбили на пять станиц-городков: Червленную, Щедринскую, Новогладовскую, Старогладовскую и Курдюковскую». Так была создана первая кордонная линия. Все эти станицы существуют по сей день.

По описанию Льва Толстого, жившего определенное время в Старогладовской, чеченцы и русские заводили друг с другом родство, казаки охотно перенимали обычаи горцев, одежду и даже тейповые (родовые) названия. До сих пор среди чеченцев и русских здравствует тейп гуноевцев: хоть и записывались они в паспортах «русский» или «чеченец», тем не менее относятся друг к другу как к единокровным, близким родственникам.

Они и внешне становились все более схожими. По описанию А.А. Каспари, «чеченцы, как мужчины, так и женщины, наружностью чрезвычайно красивый народ. Они высоки ростом, очень стройны. Физиономии их, в особенности глаза, выразительны, в движениях чеченцы проворны, ловки. По характеру очень впечатлительны, веселы и остроумны, за это их называют «французами Кавказа». Но в то же время подозрительны, вспыльчивы, вероломны, коварны, мстительны. Когда они стремятся к своей цели, для них хороши все средства. Вместе с тем чеченцы неукротимы. Выносливы необыкновенно, храбры в нападении, защите и преследовании». Такие же качества генетически и через длительное общение приобретали русские жители упомянутых выше станиц. И поначалу такое сближение устраивало царизм. Но ввиду усилившихся притязаний на Кавказский край со стороны Персии и Турции Россия заторопилась.

На Кавказ в 1776 г. явился первый наместник князь Павел Потемкин. Явился с большим войском. В каком народе вызовет восторг незванно явившийся чужеземный солдат? Заговорили, образно выражаясь, штык и кинжал. Стычка за стычкой, бой за боем. Наконец – сражение: «Атагинцы, выбитые из своего гнезда (села Старые Атаги и Новые Атаги – О.Д.), пока шел погром, кинулись было на русский отряд, занимавший Ханкальское ущелье. Произошел кровопролитный бой. Были моменты, когда русским приходилось плохо, однако в конце концов в ущелье подошел отряд, посланный разорять аулы, и нападавшие горцы сами оказались атакованными с двух сторон. Это решило исход боя... Ближайшим следствием и победы, и погрома явилось признание атагинцами и союзными с ними племенами своей зависимости от России. Но, конечно, по самому ходу дела эта зависимость, как и зависимость других горских племен, была довольно-таки призрачной». (Там же. С. 195.)

Однако, что бы ни «говорили» пушки, музы не смолкали. Люди, и русские и чеченцы, все же тянулись друг к другу. И тяга эта, зародившись намного раньше появления на Кавказе Потемкина с войсками, была диалектически непоборима. Сражения происходили не каждый день, а жизнь продолжалась во всем своем многообразии. Связи чеченцев и жителей станиц Червленной, Щедринской, Новогладовской, Старогладовской, Курдюковской и вновь возникших казачьих линий крепки. Да это и понятно – не царь, не князь и не генералы определяли ход истории, а народы.

Исторические документы второй половины XVI в. указывают на первые дружеские

контакты Московского государства с Чечней. Вовсе не исключается, что эти контакты зародились гораздо раньше. Они развивались, крепились. И в восьмидесятые годы семнадцатого столетия якобы завершился процесс вхождения Чечни и Ингушетии в состав России (такова официальная версия).

Двухсотлетие этого события отмечалось в 1982 г. в ЧИАССР, в Москве, во многих регионах Союза. Казенные эти празднества проходили на улицах и стадионах города Грозного, вот только обходили они небольшой переулок, что в самом центре столицы Чечено-Ингушетии. Тот самый переулок, где десятилетиями стоял бюст бывшего проконсула Кавказа Алексея Ермолова. Мимо него со скучающим видом прохаживались одни лишь милиционеры в парадной (по случаю торжества) форме. Они несли службу по охране памятника. От кого и почему? Дело в том, что за последние двадцать пять лет этот памятник взрывали, подножие монумента и сам бюст несколько раз обливали кровавого цвета краской. Нельзя, конечно, оправдать такую форму протеста против сохранения этого памятника в столице республики, коренные жители которой являются прямыми потомками народа, методически истреблявшегося по велению того самого Ермолова. Но все же можно понять антипатию к нему. Он ее сам вызвал к себе своими неоправданно жестокими методами правления на Кавказе, и особенно в Чечне. Как пишет в своем историческом романе «Генерал Ермолов» лауреат премии Министерства обороны СССР Олег Михайлов, «Ермолов... укрепляя и защищая южные границы России, осуществлял колониальную политику царизма, его карательные операции вызывали справедливое возмущение народов Кавказа и протест передовой части русского общества» (О. Михайлов. Генерал Ермолов. М.: Военное издательство, 1983).

А вот как характеризует его историк Семен Эсадзе в книге «Историческая записка об управлении Кавказом» (Тифлис, 1907): «Крупная историческая личность Ермолов омрачается патриотичностью его убеждений. Он поставил себе правило уничтожать всякую нерусскую национальность. С такими предвзятыми взглядами Ермолов не обращал внимания на то, что, собственно, он уничтожает и с невероятной легкостью касался предметов, к которым даже правительство должно приступать с чрезвычайной осторожностью». Этим, и только этим, на мой взгляд, можно объяснить то обстоятельство, что многие хорошо его знавшие современники, а вслед за ними и потомки, почерпнувшие данные о нем из истории, не питали и не питают к Ермолову, некогда боевому генералу, а после — кровавому царскому наместнику на Кавказе, возвышенных чувств, которых он, казалось бы, заслужил.

Есть на то серьезные основания. Дело в том, что в этом человеке уживались высокое чувство любви к Отечеству и ярко выраженное двуличие, жестокость, страсть к мести и всепожирающее честолюбие. Даже апологетическая литература (а таковая существует) и ряд исследователей и биографов жизни и деятельности этой далеко неординарной личности отмечают целый «букет» негативных качеств, которыми обладал Ермолов наряду с безусловно достойными.

Достаточно вспомнить, что он был противником отмены крепостного права. Причем эта его позиция стоит не на какой-либо личной выгоде, а строится на принципах, которых он придерживался. «Подозрительно было бы суждение мое, — говорил он по этому поводу, — если бы я был человек богатый, но я, хотя ничего и не теряю в таком случае, далек, однако же, чтобы согласованием с подобными намерениями и собою не умножил бы общество мудрых освободителей» (Из 12-го письма А.А. Закревскому. См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926).

Наиболее пышным цветом этот «букет» отрицательных качеств А. Ермолова распустился в то памятное десятилетие, на протяжении которого прославившийся в боях сначала с персами, а затем с французами боевой генерал в одном лице стал представлять командира отдельного Грузинского корпуса, управляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях и чрезвычайного посла в Персии.

До него на посту командира корпуса и наместника шесть лет был генерал Ртищев. Ермолов считал его неумелым и нерешительным военачальником: «Теперь сей излишне добрый старик, — размышлял Алексей Петрович, трясаясь в повозке по пути на

Кавказ, – спит и видит, как бы скорее передать мне свое ярмо наместника и воротиться в Россию...»

А что же представлял из себя его преемник, сам Ермолов? Современниками, в том числе и родственниками, высказывались о Ермолове взаимоисключающие суждения. К примеру, известный партизанский генерал Денис Давыдов (двоюродный брат Ермолова) отмечал в нем «открытость, демократизм, заботливость, великодушие». Однако другой его родич, легендарный генерал, славившийся своим исключительным благородством и военным талантом, Н.Н. Раевский-старший говорил о нем прямо противоположное: «Я не люблю Ермолова, он никогда не был военным человеком, надеялся всегда на свою хитрость: обманы рано или поздно открываются, на них полагаться не должно».

Часть видных современников считали его человеком «с обманцем», «жонглером», «интриганом» и даже сравнивали его с патером Грубером (одним из генералов иезуитского ордена). О многом говорит и следующий диалог проконсула Кавказа со своим сподвижником генералом В. Малаховым, армянином по национальности:

– Алексей Петрович, что значит слово «Яшка», которое вы так часто употребляете?

– По-нашему, хитрец, плут, – отвечал Ермолов.

– А, понимаю, – подхватил Мадатов, – это то, что по-армянски мы называем «Алексей Петрович».

Разговор этот происходил в период, когда генерал-наместник был в зените славы.

А вот другой диалог, состоявшийся десять лет спустя уже с камердинером Ксенофонтом, на сей раз в имении всеми забытого Ермолова:

– Офицер к вашей милости, Алексей Петрович, пожаловал...

– Хм... офицер? К отставному солдату?

– «Отставной...» – да ты и сейчас любого супостата опровергнешь... Недаром, чай, тобой детей пужали...

Последние слова камердинера, должно быть, больно резанули слух «отставного солдата». Что он подумал в тот миг, что ему вспомнилось?

Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Им, Ермоловым, и в самом деле в каждой горской сакле многими десятилетиями «детей пужали». Урезонивая расшалившегося ребенка, чеченские матери приговаривали: «Тише, Ярмул услышит...»

Неспроста приговаривали. Террор, чинимый по велению кровавого наместника, можно сравнить разве что со сталинским.

Генерал однозначно был сторонником самых суровых мер: «Одна казнь может сократить сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены». Он мог в качестве заложников брать целые села и затем уничтожать их. Достаточно вспомнить участь села Дада-Юрт, которое по его повелению сравнивали с землей за непокорность его жителей. В кострище, под пулями и картечью погибли старики, женщины, дети. Солдаты, герои Отечественной войны против Наполеона, убивали и плакали. Но приказ есть приказ: «Село уничтожить!» Один из них, по имени Захар, сжалился все же над годовалым мальчонкой, вцепившимся в мертвую мать, и спрятал его за пазухой. Об этом донесли Ермолову. Казаку грозила кара за невыполнение приказа, но наместник, однако, смилостивился над ним, ребенка отнял и отдал своему брату на воспитание. Впоследствии тот стал академиком Академии художеств и носил фамилию Захаров в честь своего спасителя. Это был один из немногих жителей Дада-Юрта, оставшихся в живых.

Последовательно и планомерно стирались с лица земли непокорные чеченские аулы, вырубались и сжигались леса. И в отсвете пожаров генерала от инфантерии, видимо, еще более распирало чувство собственной значимости и величия, коли он позволяет себе такое в письме бывшему инспектору артиллерии Меллер-Закомельскому: «Они (чеченцы – О.Д.) противятся. С ними определил я систему медления и, как римский император Август, могу сказать: «Я медленно спешу», – так пишет он, Ермолов. А вот как историк А. Тахо-Годи комментирует его 15 писем графу Арсению Андреевичу Закревскому. Но прежде замечу, что в редакционную коллегия этого сборника кроме Тахо-Годи и других ученых входили академик Н.Я. Марр и немецкий профессор из Мюнхена А.М. Дирр.

Итак, цитирую комментарий: «...Еще два слова об отношении маститого генерала к горцам и к их борьбе с царизмом. Для них он не находит других слов, кроме тварь, дичь, сволочи, мошенники и злодеи. Разве что только когда нужно обрисовать доблесть

командуемых им частей – мошеники превращаются в настоящего противника, и тогда именуются народами сильнейшими, доселе непобедимыми и, конечно, только им впервые покоренными. Но в этих случаях каждая похвала горцам – это золотая рама, обрамляющая батальную картину, где героями являются ермоловские легионы. Общий тон отношения к инородным – отвратительный. При таком своем взгляде на инородцев он не сомневается в чувствах, которые могут к нему питать горцы: «Надо признаться, – пишет он, – что меня здесь (на Кавказе) очень не любят, но то правда, что правительство ничего не теряет, ибо столько же бояться (горцы). С здешней дичью не много выиграешь благостью» (из 7-го письма А.А. Закревскому).

Борьбу горцев он понимает не как оборону малыми народами своей независимости от более сильного противника, а как дерзкую помеху вредным элементам строительству русской государственности.

Ну а дальше, оставаясь самим собой, Ермолов делится с Закревским своими программами в отношении народов Кавказа.

Впрочем, вот характерная выдержка: «Грузины думают, что они същут то же виновное снисхождение, каковым пользовались они при моих предшественниках, а чеченцы ожидают, что можно будет безнаказанно продолжать те хищничества и разбои, которые прощались им 30 лет. Надобно сказать справедливо, что между теми и другими мало разницы в чувствах и правилах...

Чеченцы мои любезные – в прижатом положении. Большая их часть живет в лесах с семействами. В зимнее время вселилась болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошение. От недостатка корма по отнятии полей скот упадет в большом количестве... Теперь наряжается отряд для прорубления дорог по земле чеченской, которые мало-помалу доводят нас до последних убежищ злодеев».

И у кого-то поднимается рука, чтобы написать об этом человеке апологетические строки о его прогрессивности. Пишут, однако.

Вот, к примеру, как отзывается о Ермолове доктор исторических наук Х.М. Ибрагимбеи в рецензии на книгу О. Михайлова «Генерал Ермолов»: «Он был незаурядным человеком, блестящим и непревзойденнейшим артиллеристом, талантливым администратором, сильным, волевым, взыскательным воспитателем, прогрессивным представителем военной интеллигенции своего времени...»

Весь мир сегодня замирает в скорбном молчании при словах «Хатынь», «Лидице», «Сонгми», при упоминании деревень, дотла сожженных гитлеровскими фашистами и американскими рейнджерами во Вьетнаме. Но кто знает, кроме как в Чечне и Ингушетии, о Дада-Юрте? О селе, от которого остались одни лишь угли да годовалый ребенок, спасенный казаком Захаром? Когда жители окруженного Дада-Юрта, поняв безнадежность положения, перед боем попросили разрешить вывести из села женщин и детей, ответ был коротким: «Враги врагов лишь плодоносят». А сколько еще таких Дада-Юртов стерто с лица земли по приказу проконсула?

Сопrotивление горцев, конечно же, становилось тем ожесточеннее, чем больше бессмысленных карательных операций проводилось по приказу Ермолова. И это вполне естественно, ибо, как говорил Луи Буссенар: «Кровь, пролитая в войне за независимость, – это роса, питающая свободу». А что это так, на собственном опыте убедились и русские солдаты, ценой большой крови отбившие у французов собственную землю. И поэтому они с пониманием относились к борьбе местных народов за свою землю и нередко даже братались с чеченцами. Но это им дорого обходилось. Порой жизнями платили они.

Ермолов торопился, «медленно спеша», выполнить «политические и стратегические задачи... включения в состав России горного пояса, отделявшего Россию от добровольно присоединившихся и присоединенных к ней закавказских земель». Так торопился, что даже царь был вынужден делать замечания на немислимую жестокость. В одной из резолюций он писал: «Сие – Богу противно».

Но жестокость Ермолова удешевлялась. Тогда, в 1825 г., восстали против Ярмула все аулы Чечни. Горцы взяли штурмом несколько крепостей (Амир-Аджа-Юрт, Атаги, Герзель-аул, Внезапную). Однако вскоре карательная армия, посланная наместником под руководством генерала Лисневича, отбила Герзель-аул. И начались допросы, пытки, казни. В качестве заложников было взято 380 наиболее почитаемых людей. Генералы

Лисаневич и Греков вели допрос мулл лично. Но один из мулл – Учар-Ходжа – яростно кинулся на генералов с ножом и заколол Грекова, а Лисаневичу нанес рану, от которой тот скончался через несколько дней. Вскоре все 380 заложников были казнены.

После этого Ермолов большими силами обрушился на всю Чечню: от Аксая до Владикавказа. Вот тогда люди стали объединяться на религиозной основе. Начал зарождаться мюридизм, заложивший основу организованного сопротивления жестокой политике Ермолова под руководством имама Шамиля.

«Пирровы победы», подобные взятию Герзель-аула, оборачивались по сути дела поражениями: в усмиренном, казалось бы, тылу возникали тут же новые очаги сопротивления. В ответ чеченцы громили русские поселения. Зло порождало зло.

Петербург устал от затянувшейся Кавказской войны, и там решили сместить кровавого наместника.

Кое-кто из исследователей склонен объяснить его смещение тем, что генерал Ермолов симпатизировал декабристам, которые в случае своей победы будто метили его в лидеры. Этот довод нельзя полностью отрицать, но и нельзя считать его причиной смещения Ермолова.

Ниже будет приведено его же высказывание в адрес тайных обществ, дающее веское основание сомневаться в его симпатиях к декабристам. Да и как может им симпатизировать Ермолов, которому не нравятся «нравы» и «порядки», а не сама система и основы, откуда проистекают эти порядки? Поэтому, когда речь заходит о предметах, могущих потрясать те самые основы, — суждения Ермолова становятся уже чисто и просто генеральскими. В этих случаях он ревнивее и бережнее, чем кто-либо, готов оберегать не только власть государства на Руси вообще, но и помещика над крестьянином в частности, и власть королевскую в Испании. А революцию он не может иначе назвать как бунт: «Я, как житель Азии, говорю Вам о бунтах, но Вы, просвещенные обитатели Европы, Вы то же делаете, только что у вас слово «бунт», заменяется словом «революция». Не знаю, почему это благороднее?»

Как бы то ни было, Николай I приказом от 10 августа 1825 г. послал на Кавказ генералов И.Ф. Паскевича и Д.В. Давыдова. Вслед за ними приехал и начальник Главного штаба Дибич. Наместник понял – это конец: «На постаревшем лице Ермолова, быстро сменяясь одно другим, промелькнули выражения гнева, растерянности, страха. Вдруг губы его затряслись, и он заплакал, не стыдясь своих слез, горячо и безутешно, как ребенок. «Дибич мне враг... – говорил он. – Все может со мною случиться...» – вспоминают очевидцы.

Что ему в эти драматические для него минуты вспомнилось? Может быть, то, как десять лет назад по пути сюда с новым назначением на должность проконсула Кавказа на заставе возле Новочеркасска он в порыве ярости расправился с казаком, который вовремя не сменил ему лошадей: «Ермолов прыгнул из кибитки, выдернул из плетня порядочный кол и трижды протянул урядника по спине. Затем он вскочил на коня и полетел в степь». А может быть, вспомнился ему «излишне добрый старик» Ртищев, у которого он принимал кавказские дела и который предостерегал его от излишней жестокости в обращении с народами Кавказа. Не внял этому предостережению Ермолов. В то время, полный честолюбия, он торопился усмирить Кавказ. А через десять лет кончил слезным прошением на имя царя: «Ваше Императорское Величество!.. Не имея счастья заслужить доверие Вашего Императорского Величества, должен я чувствовать, сколь может беспокоить Ваше Императорское Величество мысль, что при теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли. В сем положении, не видя возможности быть полезным Вам для службы, не смею, однако же, просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом...»

Но следует заметить: Паскевич, а именно его имел в виду Ермолов, повел дела, по-доброму относясь к мирным жителям горных аулов. И если Ярмулом там пугали детей, то тем же детям нередко давалось имя Паскач. Даже сегодня в Чечне можно встретить людей с именем Паскач и фамилией Паскачев. Это в честь Паскевича, или же Сипсо – в честь генерала Слепцова.

Однако не знал Ермолов, что за 9 дней до челобитной царь предписал Дибичу безотлагательно объявить наместнику о его увольнении.

Уехал несостоявшийся Август из Тифлиса глубокой ночью в простой рогожной кибитке...

Этот очерк вовсе не претендует на завершенность. О генерале Ермолове написано много. Он и в самом деле вошел в историю как сильный, смелый воин, а затем и полководец. Но настало время признать и другое – он был к тому же и жестоким сатрапом.

Как ни странно, о его деятельности в роли наместника Кавказа в нашей республике до недавних пор официально было принято отзываться только положительно. Но почему? Сегодня мы открыто осуждаем злодеяния Сталина, Жданова, Кагановича и других «вождей». Очищаем от клеветы и наветов десятки, сотни, тысячи имен, которые несколько поколений советских людей искренне считали врагами народа, – такое насаждалось. А вот злодеяния Ермолова на Кавказе замалчиваются.

До начала перестройки человек, поднимающий этот вопрос в полный голос в нашей республике чуть ли не зачислялся в диссиденты. Но ведь злодеяния Ермолова были, причем творились они с невиданным человеконенавистничеством, цинизмом и размахом. Иной раз они преподносились чуть ли не как просветительство туземных народов. Кому нужно это лицемерие?

Порой, когда, как говорится, нечем было крыть, апологеты наместника ссылались на его прогрессивные взгляды, на его связи с декабристами, Грибоедовым. Такие связи были. Но при этом Ермолов оставался самим собой – Яшкой, то есть плутом.

Вот что пишет он на склоне лет, стараясь в то что бы то ни стало убедить друзей и недругов в том, что не имел никакого отношения к событиям, происшедшим на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г.: «Самый способ секретного общества (общества декабристов – О.Д.) мне не нравится... Ибо я имею глупость не верить, чтобы добрые дела требовали тайны».

А до этого по горячим следам упомянутых событий он начисто отмежевывается от них, оповещая своего друга, статс-секретаря государя императора Н.И. Кикина: «Не беспокойся за меня, не верь нелепым слухам, верь одному, что за меня не покраснеешь». Наверное, это не единственный случай, когда Ермолову можно было верить: «...В Гишпании возмутились войска, к ним пристал народ, и то, что бы приличествовало испросить у короля, у него вырывают силою. Прекрасные способы! Хороши и написанные к нему письма! Какой неблагоразумный поступок оскорблять то лицо, которое и при перемене правления должно оставаться первенствующим».

Это приготавливать собственное уничтожение. Скажите, сделайте одолжение, вас что заставляет все эти мерзости печатать в русских газетах? Неужели боитесь вы в разврате отстать от прочих? Не мешало бы и позже узнать о подобных умствованиях, которые, конечно, ничего произвести у нас не в состоянии, но нет выгоды набить пустяками молодые головы. А французская наша газета еще лучше, в ней написана даже и королевская присяга, которую посовестились перевести в „Инвалиде”» (из писем Закревскому). Яснее позиции не изложишь, что Ермолов и сделал со всем присущим ему сарказмом.

Что касается его связей с А. Грибоедовым, то они оборвались, как только последний разобрался в истинных взглядах Ермолова на жизнь, в его злодеяниях против целых народов. Последнее, что сделали поэт и генерал, прощаясь, так это обмен «любезностями»! Александр Сергеевич назвал бывшего проконсула Кавказа «человеком прошлого века», а Алексей Петрович заявил: «Паскевич ищет моей гибели... И даже Грибоедов теперь служит ему и правит стиль его донесений в Петербург».

Нельзя здесь умолчать и о бытовой аморальности Ермолова. В 1819 г. после разгрома Ахмед-Хана Аварского в Тарке ему понравилась татарка Сюйда. Он оставил ее беременной на попечение жены шамхала Тарки. Родился сын. Его генерал в малолетнем возрасте отправил в Россию – Сюйда была навечно разлучена с сыном. Затем Ермолову понравилась замужняя акушинка Тотай. Он отбил ее у мужа. Прижитых от нее сыновей генерал оставил себе, а дочь отдал Тотай.

Тем временем на Кавказе креп мюридизм, порожденный ортодоксальной политикой генерала Ермолова, основанной на жестокости. По его вине Кавказская война стала набирать обороты и растянулась на несколько десятков лет. Лилась и лилась кровь народов, которым суждено было стать братьями и которые могли бы стать таковыми

гораздо раньше, если бы не неверная политика Ермолова в отношении кавказских народов. Рассорились и породнившиеся было с чеченцами казаки станиц Червленной, Новогладовской, Старогладовской, Щедринской и Курдюковской.

То, что было сделано Апраксиным в 1708 г., было разрушено Ермоловым через 120 лет. Вновь запылала бессмысленная братоубийственная война. И только после революции началось между ними новое сближение. Сегодня в этих и других казачьих станицах живут, работают, рождаются люди десятков наций. Сохранился и гуноевский тейп.

...Стоял до недавних пор напротив Дома политического просвещения в городе Грозном необычный памятник. Вернее – бюст на высоком постаменте. Львиная голова, волевое лицо, насупленные брови, тяжелый взгляд поверх людей, проходивших мимо, – Алексей Петрович Ермолов.

Воздвигнут бюст 25 августа 1909 г. в ознаменование 50-летия пленения Шамиля. Была при нем в ту пору чугунная плита, оповещавшая, что здесь жил и работал генерал А.П. Ермолов. Однако в 1922 г., когда город Грозный еще не входил в состав Чеченской автономной области, в соответствии с декретом Ленина о сношении памятников царям и их слугам, если они не имеют самостоятельной художественной ценности, решением горсовета памятник Ермолову был снесен. Бюст генерала перенесли в сарай коммунального хозяйства. В 1926 г., по ходатайству областного отдела народного образования, памятник был выставлен в краеведческом музее.

Но вот объявились новые тираны в лице Сталина и Берии, и чечено-ингушский народ поголовно выслали в принудительном порядке в Среднюю Азию и Казахстан. В 1949 г. по инициативе Берии (вот уж поистине, ворон ворону глаз не выклюет!) был отлит новый памятник Ермолову и установлен в центре Грозного. В специальных нишах на парапете на этот раз установили сразу три чугунные плиты. На одной из них – высказывание проконсула, наполненное высочайшим смыслом: «Никогда не различно со мной чувство, что я россиянин». На другой – известные слова А. Грибоедова: «Патриот, высокая душа...», высказанные поэтом в ту пору, когда он еще не знал Ермолова так хорошо, как узнал его к моменту разрыва их отношений. А вот третья плита исчезла. Нишу, где она находилась, после восстановления Чечено-Ингушской АССР залили мраморной доской. А все-таки, что же было на ней написано, когда в 1949 г. памятник восстановили? Вот что: «Народа сего под солнцем нет коварней и подлее» (А.П. Ермолов о чеченцах). Увековечили, так сказать, память о целом народе.

И это в адрес чеченцев, активно сражавшихся в Гражданскую войну за советскую власть на Северном Кавказе, а потом – и на фронтах Великой Отечественной. В адрес народа, ставшего маленьким по численности именно по злой воле царского сатрапа Ермолова. Народа, горячо любящего свою Родину, свое Отечество, доблестные сыны которого отличились и в наши дни, выполняя свой интернациональный долг в Афганистане.

Долгое время шла дискуссия: а место ли этому памятнику на родине людей, о которых так зло и цинично отзывался кровавый проконсул Кавказа, которых он губил, как мог?

Его присутствие часто оправдывалось тем, что он основал Грозный. А давайте положим на одну чашу весов эту заслугу Ермолова, а на другую – тяжелый груз его злодеяний. Какая чаша перетянет?

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Синдром логокинеза

Афоризмы

Виват, фортуна, виват!

Хорошо, что есть чистилище, господа, иначе бы все профсоюзные путевки вели прямо в рай.

Нет хуже того постоянства, в котором проходимцы ведут оседлый образ жизни.

Черный квадрат – это продолжение лабиринта с завязанными глазами.

Пища для ума, а сколько нитратов!

Где заканчивается дружба дружбой, там начинается тяжба тяжбой.

Социальный конформизм – это не самоцель, а продолжение общественного молчания.

Каков прогресс на лицо, такова и физиономия социальной «прогрессивки».

Если бы ни крикливое политиканство, то для ушлых политиков наступил бы тихий час.

Когда жизнь начинается с хвоста, то гнить с головы просто нерентабельно.

На горе и рак чувствует себя Наполеоном.

В политической мыльной опере больше пены, чем хозяйского мыла и сюжетной канвы.

Пока я носил все в себе, оно превратилось в обноски.

Человек – это продолжение его трагической маски и роли.

Это ценности преходящи, а цены, как правило, стабильны и конкретны.

Каин и Авель – близнецы-братья?

Глупо искать то счастье, которое давно украли те.

Нет хлеба – нет и зрелищ!

Лучше своя рука владыка, чем дамоклов меч чужого указующего перста.

Снимите с золотого правила пробу, и оно запутается в собственной орфографии.

Чтобы выглядеть на фоне, нужно держаться за чью-то тень.

Когда наше алиби не у дел, приходится говорить правду, правду и только правду.

Линия жизни – это Маннергейм наших ладоней.

Когда у буквы закона не хватает духа, она превращается в алфавитный ряд.

Стоит королю сделать ход конем, как окружающие его действующие фигуры начинают ржать, как лошади.

Господа, сколько ни бей перед народом челом, а челобитная – все равно липа.

Место под солнцем, как правило, в ведомственной тени.

Ложка дегтя хороша уже тем, что она универсальна на все случаи жизни.

Обещать «золотые» горы – это золотое правило слуг народа.

У страха глаза велики, у наглости – зенки.

Лучше история, которая творится на глазах, чем за кулисами событий.

Если черти носят, значит, приняли за своего.

Нет лучше детектора лжи, чем презумпция истины.

Плохих людей нет – есть никудышное человечество.

Самая некачественная лапша – это телевизор на ушах.

К потерявшему свое лицо и маска не пристает.

Отстойные времена хороши уже тем, что выпадают в осадок.

Если бы не светлое будущее, тогда кто бы осветил нам темное прошлое?

Из заповеди: не навреди сверх лимита!

Чем чаще мечешь бисер перед свиньями, тем больше они думают о желудях.

Эпитафия: оставил желать лучшего.

Курице, которая сносит золотые яйца, альтернативы нет.

Если в человеке нет духовности, то «святость» его не что иное, как святотатство.

К мелочи в жизни нужно относиться так, как если бы она звенела у вас в кармане.

Что ни говори, а реклама от скромности не умрет.

Неисповедимы только пути Господни. Исповедимо то, что обналичит индугенция.

Чтобы заполнить вакуум в голове, нужно прикладывать не компрессор, а мысли.

Шапка Монаха – это анахронизм, шапочные разборки – анархия.

Плачет не тот, кто заказывает музыку, а тот, кто оплачивает расходы.

Классическая рокировка – это пиар короля на черный день.

Где умный боится идти в гору, там дураку гора с плеч.

Где шансы поют романсы, там конвертируемая валюта заказывает блюз.

На задворках истории можно найти только атрибуты прошлого.

За себя не ручаюсь, а за других ляпну.

Общество должно знать своих героев, прежде чем о них начнут сплетничать в кулуарах.

Рыбки бывают трех видов: пескари, щуки и золотые.

В обстоятельствах жизни виноваты не действующие лица, а режиссура времени.

Только закусив удила, мы понимаем, почему наша гнедая так неудачно сломала ногу.

Ничто так не компрометирует сумму достоинств, как масса противоречий.

Аксиома: чем меньше социальной патетики, тем больше прагматизм в цене.

Книжные новинки**Далекie берега жизни**

В конце 2010 г. в издательстве Kitab (Клагенфурт-Вена) вышел сборник произведений Мусы Бексултанова «Далекie берега жизни». Новеллы и повести разных лет переведены на немецкий язык Марианной Херольд и Русланом Базиевым. Марианна родилась в 1950 г. в Базеле, изучала историю, фольклор и государственное право в Базельском университете. С недавних пор она активно занимается чеченской тематикой, специализируясь на переводе чеченской литературы. Руслан, 1975 г.р., выходец из Грозного, с 2001 г. живет в Цюрихе. Он изучает ислам и славистику в Цюрихском университете и работает над диссертацией по Кавказу.

В издательстве Kitab выходит серия книг «Писать на войне – писать после войны», в которой уже увидели свет сборник рассказов современных чеченских авторов (2006), а также произведения Султана Яшуркаева (2008) и Джамбулата Идиева (2009).

В новую книгу вошли рассказы и повести М. Бексултанова разных лет: «Дом по наследству», «Это же была не шутка», «Большие зеленые арбузы», «Расставание», «Ягненюк», «И кто постучится в дверь твою в ночи?», «Воспоминание», «Улицы города», «Черный Глаз», «Скажи, ты знал Хасана?», «Это же не

правда!», «Далекie берега реки жизни» и др.

В аннотации издатели пишут: «Муса Бексултанов сделал себе имя как автор психологических, экспериментальных повестей и новелл. Мышление и действие его героев основано на чувстве национальной гордости, находящейся под угрозой забвения в современном мире. Он изображает внутренние конфликты личности, обостренные сложными обстоятельствами действительности. Как и другие чеченские авторы, он также не обходит вниманием тему войны и депортации («Дом по наследству», «Далекie берега реки жизни»). В этих произведениях в судьбах отдельных людей высвечивается трагедия всего народа. Писатель использует глубокие знания языка, истории и этнографии Чечни, чтобы представить прошлое и современность своей страны через жизни своих героев, как, например, отец рассказчика из повести «Далекie берега реки жизни».

Людия Довлеткиреева

К нашим иллюстрациям**В поиске себя**

Элита Дадакаева родилась в селе Гуни, что в Веденском районе Чечено-Ингушетии, в 1969 г. Рисованием «заболела» еще в дошкольном возрасте и уже тогда точно знала, чего хочет – стать художницей. Семья Элиты является настоящей педагогической династией. Естественно, увлечение дочери не осталось незамеченным. И однажды девочку (кстати, по ее же требованию) родители привели-таки в грозненскую ДХШ №1. Правда, отец «подлил масла в огонь», заметив любовь Элиты к изображению, как она сама выражается, «человечков», однажды сказав такие слова: «Художник только тогда может считаться настоящим художником, если способен отразить в портрете самую суть человека». С тех пор расти и совершенствоваться в художественном мастерстве стало для нее просто делом чести. В 1987 г., окончив художественную школу, она едет в Ленинград поступать в высшее художественное училище им. Мухиной. Одновременно с двухгодичным штурмом легендарной для начинающих художников «цитадели» Элита учится на подготовительных курсах при этом же училище (куда, кстати, тоже не очень-то просто попасть). Через несколько лет она снова вернется в город на Неве... и поступит в РГПУ им. Герцена, факультет ИЗО. В 2004 г. Элита оканчивает учебу с отличием, но «мухинские» художественные курсы продолжает вспоминать с благодарностью: в плане технического мастерства, поиска своего стиля, индивидуальности они очень многое ей дали. На родине Элита какое-то время работала в педагогическом институте, а потом «нужно было выбирать что-то одно – или заниматься художественным творчеством, или педагогической деятельностью».

Сегодня Элита свободна в своих творческих поисках: пробует свои силы в самых разных стилях и жанрах; удовольствие ей доставляет также работа над иллюстрациями к детским книжкам. Она активно участвует в зональных и межрегиональных выставках. А в ушедшем 2010 г. ее картина «Дом и его душа» (награжденная дипломом Союза художников России по итогам 3-й Всероссийской художественной выставки в 2006 г.) была представлена в столице Франции на выставке «Мир Кавказу».

На обложке: 1 стр. – «Харачой», 2 стр. – «Абрек», 3 стр. – «Чечня. Таинство тумана», 4 стр. – «Дом и его душа».

Роза Берсанова

Сведения об авторах и переводчиках

Мовла Гайраханов (р. 1968). Окончил Саратовский технический университет. В настоящее время проходит службу в Управлении Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков по Чеченской Республике. Корреспондент издания «Советник президента» (Москва). Дебютировал на страницах журнала «Вайнах» в 2008 г.

Марина Верольская-Саакьянц. Родилась и выросла в Грозном. Здесь же окончила физико-математический факультет ЧИГУ. Работала в школе, затем – в научно-исследовательском институте «Промавтоматика». Стихи пишет со школьной скамьи. Печаталась в республиканской молодежной газете «Комсомольское племя» и в сборнике молодых авторов «Встреча в пути» (Грозный, 1980). В связи с военным конфликтом в Чечне вынуждена была покинуть Грозный. В настоящее время живет в г. Тамбове. Печатается в местной периодической печати. В 2001 г. в Тамбове вышел сборник стихов «И мчится время». Работает в Коммерческом колледже ТГТУ.

Ризван Эдилханов (р. 1955). Родился в Казахстане. Окончил школу №1 в с. Шали, а в 1972 г. поступил в ЧИГУ. В 1987 г. окончил экономический факультет Московского пищевого института. Работал в сфере Потребкооперации и в компании «Чеченрегионгаз». Стихи пишет с 70-х гг. Печатался в районной газете «Знамя коммунизма».

Роза Межиева. Редактор отдела публицистики журнала «Вайнах», историк, журналист, психолог. Пишет стихи, прозу, публицистические статьи. Редактор отдела публицистики литературно-художественного журнала «Вайнах». Публиковаться начала в школьные годы (стихи в газете «Комсомольское племя»). Участница Форума молодых писателей ЮФО в ст. Вешенской в 2005 г., 2-го и 3-го Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Майкопе (2009) и в Карачаево-Черкесии (2010), X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2010). Автор рассказов и поэтических подборок в журналах «Вайнах», «Нана», «Дон» (2006) и в журнале «Эльбрус Минги Тау» (2009) в переводе на балкарский язык.

Вахит Бибулатов (р. 1956). Окончил техникум советской торговли в 1983 г. в г. Орджоникидзе. Пишет статьи, посвященные истории родного края, на основе архивных материалов. Публикуется с 2007 г. в газетах «Грозненский рабочий», «Вести республики», в журналах «Вайнах», «Дош», «Нана» и др.

Вахит Акаев (р. 1952). Ученый, доктор философских наук. Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 г. окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. В периодической печати публикуется с 1974 г.: в газетах «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», «Молодежная смена», в журналах «Нана», «Вайнах», «Конфликтология» (Санкт-Петербург), «Азия и Африка сегодня», «Кавказское обозрение» и др. Автор нескольких научных монографий («Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение», Грозный, 1994 г., «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, 2004 г., «Национальная идея чеченцев: от постановки до разработки», Грозный, 2007 г., «Ислам в Чеченской Республике», М., 2008 г. и др.).

Олег Джургаев (р. 1941). Родился в с. Урус-Мартан ЧИАССР. Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1964 г. (позднее преобразованный в ЧИГУ). Поэт, писатель, журналист. В периодической печати публикуется более пятидесяти лет. Первое стихотворение вышло в казахской советской газете «Дружные ребята», когда ему было пятнадцать лет. О. Джургаев является автором нескольких книг документальных повестей, рассказов и новелл: «Круги ада», 1990 г., Москва; «Одиссея атакующего журналиста», 2001 г., Москва; «Мгновение и вечность», 2005 г., Москва и др.

Розита Эсенбаева (р. 1943). Окончила романо-германское отделение филологического факультета МГУ, аспирантуру ЛГПИ им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук. Работала в ЧИГУ с 1967 по 1981 гг., а также в Тверском государственном университете преподавала историю зарубежной литературы с 1989-го по 1991 гг. Научные рефераты и статьи начала печатать в 1967 г. (журнал «Горное дело», Москва). Выпустила более 70-ти научных публикаций, монографию «Стендаль и Достоевский» (1991) и около 30-ти газетных статей. Известна также под псевдонимом Разида Эрсеной (публиковались рассказы «Суфий», «На чужбине», в 1997 г. на чеченском радио была осуществлена радиопостановка пьесы «Квартал Монпарнас»).

